

ЧЕРВОНИЕ КАЗАЧЕСТВО

**Виталий Маркович
ПРИМАКОВ**

Червонное казачество

Воспоминания ветеранов

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1969

*Редакторы-составители***Е. П. ЖУРАВЛЕВ, М. А. ЖОХОВ****Ч-45 Червонное казачество. Воспоминания ветеранов. М., Военное издательство, 1969.**

256 с., 65 000 экз., 63 к.

«...В истории червонного казачества ярко отразились все основные моменты нашей революции... У нас в Красной Армии немало частей, составивших себе и громкую боевую репутацию и славное революционное имя. Но немного найдется таких, которые могли бы стать вровень с Червоным корпусом». Это слова М. В. Фрунзе.

Авторы предлагаемой книги — ветераны прославленного соединения: В. М. Примаков, Е. И. Петровский, А. Д. Витошкин, Р. А. Гурий, С. М. Иванова, М. С. Медянский, В. И. Чайкин и другие. В их воспоминаниях воссоздаются яркие картины гражданской войны на Украине.

Сборник с большой пользой для себя прочтут все, кто интересуется отечественной историей.

ПРИВЕТ ЧЕРВОНЦАМ

Когда шла гражданская война, мне не приходилось непосредственно следить за боевой жизнью и деятельностью частей, ставших ядром нынешнего Червоно-казацкого корпуса. Только с конца 1920 года корпус включается в состав вверенных мне Республикой войск, и с этого времени я получаю возможность близко познакомиться с ним.

Общее знакомство с червонным казачеством я имел уже давно. Своеобразная, полная ярких красок и резких перемен история первых червоно-казацких частей, тесно переплетавшаяся и органически связанная с историей всей освободительной борьбы трудящихся масс Украины, борьбы, столь богатой моментами глубочайшей трагедии и величайшего героизма, уже давно привлекла к себе мое внимание. То обстоятельство, что боевое прошлое корпуса связано с революционной борьбой на Украине, имеет особенное значение: в истории червоного казачества ярко отразились все основные моменты нашей революции. Поэтому составление подробной истории корпуса, тщательное собирание всех материалов, относящихся не только к непосредственной боевой его деятельности, но и к периоду его зарождения, организации и пр., представляет ценность, далеко выходящую за пределы чисто военных интересов. Для Красной Армии история корпуса имеет большое воспитательное значение. Читая историю корпуса, знакомясь с обстановкой той героической борьбы, которую пришлось вынести на своих плечах старшему поколению, наш рабоче-крестьянский молодежь будет воспитывать в себе все то хорошее, великое, героическое, что дает история червонцев, и тем самым будет закалять и готовить себя к достойному продолжению их славной работы.

Мне хорошо известно, что жизнь червонного казачества за время революции слагалась не только из одних светлых моментов. И в жизни всякой другой части, и, наконец, в истории самой революции мы можем найти многочисленные ошибки, заблуждения, подчас и преступления против принципов революции; так, конечно, бывало и с червонным казачеством. С точки зрения общих перспектив иначе и быть не могло. Революция и война — вещи суровые и жестокие. Но изучать эти ошибки, неудачи и прочее мы обязаны, дабы избежать их в дальнейшем. На истории этих неудач и ошибок можно точно так же хорошо воспитывать молодое поколение бойцов, как и на истории побед. Все дело лишь в том, чтобы к этому делу подходили с чувством любви к Красной Армии как защитнице рабоче-крестьянских интересов и с чувством преданности революции.

У нас в Красной Армии немало частей, составивших себе и громкую боевую репутацию и славное революционное имя. Но немного найдется таких, которые могли бы стать вровень с Червонным корпусом. Поэтому самая широкая популяризация истории корпуса, ознакомление с ней самых широких не только красноармейских, но и сельских масс является делом чрезвычайно важным и полезным.

Корпус скоро будет праздновать пятую годовщину своей деятельности. Вместе с ним эту годовщину будут праздновать и вся Красная Армия Украины, и все рабочее и крестьяне.

От имени красных войск Украины и Крыма я шлю свой сердечный привет, в первую голову, всему тому поколению червонного казачества, которое еще сохранилось в живых и в рядах ли корпуса, или в селах и городах является живым посетителем старых, незабвенных, славных традиций величайшей борьбы.

Всем рядовым казакам, командирам и политработникам — слава!

Приветствую дальше всех тех, кто ныне стоит под Красным знаменем корпуса на страже Советской земли. Пусть будут они верны заветам старших боевых товарищей.

Всему составу славного 1-го Червонно-казачьего корпуса — слава! Всем тем, кто не дождался радостных дней торжества нашей победы, кто отдал в рядах корпуса свою жизнь за рабоче-крестьянское дело, — лучшая память и слава!

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ

Боевая история червоного казачества неразрывно связана с именем его организатора и бессменного командира на фронтах гражданской войны Виталия Марковича Примакова. Естественно, что это имя много раз упоминается в настоящей книге, и читателям небезынтересно будет узнать подробности его жизни и борьбы, рассказанные им самим. Ниже печатается автобиография В. М. Примакова, написанная в феврале 1921 года для военно-исторического отделения Киевского военного округа. Рукопись, хранящаяся в фондах Центрального государственного архива Советской Армии, обнаружена старшим научным сотрудником ЦГАСА К. Ф. Дроновой.

В примечаниях для более полного освещения событий приводятся выдержки из малопозвестной статьи В. М. Примакова, напечатанной в газете «Красная звезда» 3 декабря 1934 года.

Родился в 1897 году, 18 декабря ст. ст. — 30 декабря нов. ст., в местечке Семеновка, Новгород-Северского уезда, Черниговской губернии. Детство (с 2 лет) провел в деревне Шуманы, Черниговского уезда и губернии, на хуторе отца. Воспитывался до 8 лет дома; рано под руководством отца — казака, жившего на хуторе и учительствовавшего в народной школе в соседнем селе, — научился ездить верхом и стрелять из ружья. В 10 лет получил от отца в подарок двустольное охотничье ружье и с тех пор уже считался взрослым. В 10 лет отлично ездил верхом. Рос под большим влиянием деда, запорожского казака, постоянно вспоминавшего Сечь и казачьи походы — время, когда он был молод, силен, когда люди были сильнее и мужественнее. Благодаря тому что семья состояла из одних мужчин — женщин кроме матери и прислуги в доме не было, — мы все, пять братьев, воспитаны были довольно сурово.

Одна лишь мать, кроткая и религиозная женщина, смягчала наши характеры своим влиянием. Когда подросток окончил сельскую школу, то поступил в черниговскую гимназию. В гимназии очень подружился с Юрием Коцюбинским, сыном известного украинского писателя М. М. Коцюбинского, и с его сестрой, впоследствии женой моей, Ксенией Коцюбинской, ныне умершей. Во время учения в 3-м, 4-м классах гимназии находился под сильным влиянием семейства Коцюбинских. С Ю. Коцюбинским, К. Коцюбинской и другими своими приятелями — гимназистами и гимназистками — частенько летом мы ходили пешком за 40 верст от Чернигова на наш хутор и оттуда на Днепр, который был в 12 верстах от нашего хутора. Это знакомство с семьей Коцюбинского значительно смягчило и мой несколько дикий характер (за неукротимость нрава в гимназии меня звали Печенегом) и характер моих братьев.

Через Коцюбинского я вошел в состав революционной нелегальной организации учащихся и с жаром отдался революционной работе. Я вошел в кружок, в котором был Коцюбинский, где все мы, гимназисты и реалисты 4-го класса, зачитывались нелегальной литературой. В 5-м и 6-м классах эта работа стала несколько серьезней: мы читали Маркса, Энгельса, Каутского, разбирали земельный вопрос по Ленину и Чернову, изучали программы РСДРП и СР¹. Наряду с этим вели пропаганду в рабочих кружках и участвовали в массовках — больших нелегальных собраниях. Гимназия была заброшена, и учились мы все неважно.

Новая жизнь давала громадное удовлетворение. В 6-м классе я с Коцюбинским принял самое живое участие в издании журнала «Вперед», выпускаемого нашим кружком. В самом кружке мы выделили секцию из семи человек наиболее энергичных и толковых парней и усердно занимались, изучая «Капитал» и «Анти-Дюринг».

В 7-м классе я подошел к революционной работе серьезнее; в это же время несколько изменилась и жизнь нашей семьи: ввиду того что в гимназии учились я и мои два брата, а остальные два готовились к поступлению, мать переехала в город, и мы жили с нею. До того я жил в пансионе для учительских детей (народных учителей).

¹ Партия социалистов-революционеров. — *Прим. ред.*

Я стал пользоваться несколько большей свободой. В это время началась война 1914—1917 годов. Я с 1913 года считал себя социал-демократом большевиком. Небольшая группа наша не поддавалась шовинистическому угару, охватившему учащихся. Уже в ноябре нам стали известны тезисы Ленина о войне — мы все были горячими ленинцами. Мы начали выпускать революционные воззвания к солдатам и распространяли их среди войск черниговского гарнизона.

В ночь на 15 февраля 1915 года я был арестован с тремя товарищами — Темкиным, Анной Гольденберг и Цимбергом (двое последних погибли во время революции) за распространение прокламаций против войны. На квартире у меня были найдены прокламации, нелегальная литература и револьвер. Нас заключили в черниговский тюремный замок и передали дело военному прокурору.

Четыре месяца мы сидели в одиночном заключении в Чернигове. Я много читал и занимался, сидя в одиночном каземате. Этому сидению я обязан основательным знанием истории, которую изучал с большой любовью.

Затем нас перевели, заковав на дорогу в кандалы, в киевскую Лукьяновскую тюрьму. В конце июля 1915 года нас судил в Киеве военно-окружной суд. Так как я был главной фигурой обвинения, мне же не исполнилось еще 18 лет в то время, то все мы были приговорены к лишению всех прав и преимуществ и к ссылке в Сибирь на поселение (срок исчислялся в восемь лет постоянной жизни на месте поселения, после чего ссыльный получал права сибирского крестьянина и право жить во всех городах империи, которые находятся восточнее Урала, в Сибири). До ноября мы, переведенные на каторжное отделение киевской тюрьмы, сидели с каторжанами. Режим был очень суров; желая его смягчить и избавиться от постоянной угрозы побоев, висевшей над нами, после избития одного из политических заключенных я и товарищи Полуян, Безуглый, Цимберг, Темкин и Твердохлеб объявили голодовку. Голодовка длилась семь дней, после чего нас перевели в больницу. Голодовка тяжело отозвалась на всех нас. Мы не только ничего не ели эти семь дней, но также отказались и от воды, что доставляло жестокие страдания. После голодовки режим был смягчен и жить стало легче. В ноябре нас с партией каторжан заковали в ручные кандалы и этапным порядком отправили в Си-

бирь. В январе мы прибыли на место ссылки — я 15 января прибыл в село Шелаевское, где и был «вдворен на место приписки под надзор полиции». В ссылке, зарабатывая средства к жизни уроками у крестьян в школе и частично работой то в столярной мастерской, то в кузнице, я жил до апреля 1917 года.

Революция освободила меня от Сибири и вернула на родину. С большой радостью читала наша колония манифест об отречении царя и телеграммы Временного правительства.

В апреле я вернулся домой. Жил на хуторе до июня 1917 года, после чего переехал в Киев и занялся партработой, участвуя в работе Киевского комитета большевиков в качестве его члена и в издании нашей газеты «Голос социал-демократа». В августе я вернулся в Чернигов и, когда призывали на службу ссыльных, поступил в 13-й пехотный запасный полк. Этим полком я был избран в Черниговский исполком и послан на съезд Советов в Питер. Полк под влиянием нашей агитации — я поступил в него вместе с Михаилом Зюком, ныне начартом вверенного мне корпуса, и Моисеем Муринсоном, ныне убитым, — стал ярко большевистским; он взял на себя охрану Совета и давал ему вооруженную силу, когда это было надобно.

Делегированный полком, я прибыл в октябре на II Всероссийский съезд Советов, принял участие в работе съезда, в боях на Пулковском поле, под Гатчиной. Съездом Советов я был избран во Всероссийский ЦИК, которым после работы в Питере по просьбе Украинского Совпаркома я был послан в Харьков. В Харьков прибыл в декабре 1917 года, по распоряжению Украинского правительства я разоружил в Харькове 2-й Украинский запасный полк петлюровской формации, которым командовал атаман Волох, и вместо него в противовес петлюровскому «вільному козацтву» организовал полк червонного казачества Украины.

Я вступил в командование этим полком, первым регулярного типа полком на Украине. В течение семи дней полк, участвуя в походе на Полтаву (январь 1918 года), действовал в пешем строю, но уже в Полтаве в двадцатых числах января часть полка мне удалось посадить на коней, и с этими всадниками я пошел на Киев.

Под моей командой полк отходил с Украины под натиском немцев¹. В одном из сражений я был контужен немецкой гранатой. Когда Украина была оставлена нами, я с полком принял участие в Донском походе. Затем полк в составе 180 всадников, четырех пулеметов «максим», с конной прислужкой и командой велосипедистов по распоряжению Укрсовнаркома был переброшен в нейтральную зону, образованную русско-немецким договором². В нейтральной зоне полк вел партизанскую войну против немцев. Я командовал полком и некоторыми другими частями партизанских соединений. Удалось нанести несколько

¹ Начались упорные бои за Киев, который защищало тридцатитысячное петлюровское войско. Пехота была остановлена на Днепре огнем более сотни пулеметов. А в это время червонные казаки выше по Днепру переправились в Пуща-Водицу и с тыла ворвались в город. В первый день нами была занята Курневка и установлена связь с рабочими Подола, которые немедленно взяли за оружие. Постепенно продвигаясь к заводу Гретера и на Лукьяновку, мы связались с отрядами железнодорожников, героически сражавшихся возле вокзала.

Наступление других частей развивалось медленно; вся линия Днепра была под сильным пулеметным огнем. Кроме того, вражеская эскадрилья ежедневно сбрасывала бомбы на станцию Дарница и на позиции артиллерийского дивизиона, стоявшего в дарницком лесу. Курневские красногвардейцы разведали, что аэродром этой эскадрильи находится возле завода Гретера и охраняется небольшим караулом.

Усиливая напор на Подоле и снабжая оружием поднимающиеся на баррикадную борьбу другие районы Киева, мы решили ударить и по аэродрому.

Наш отряд состоял из двенадцати червонных казаков и тринадцати красногвардейцев. Мы незаметно пробрались к аэродрому и без выстрела сняли караул. В полотняных палатках-ангарах стояли двенадцать аэропланов. Мы не знали, что с ними делать, и ограничились тем, что изрубили пропеллеры и молотами повредили все моторы.

К концу разгрома на территорию въехали грузовик с легкими и легковой автомобиль начальника аэродрома полковника Печитайло. Они были захвачены и под стражей отправлены ко мне в штаб и дальше через Днепр. А на машины мы погрузили пулеметы, снятые с самолетов.

Разгром аэродрома лишил Петлюру авиации, я благодарственный приказ по нашей армии был первой наградой, отметившей боевую работу червонцев.

² По договору от 4 мая 1918 года между делегацией РСФСР и немецко-гетманскими властями о перемирии была установлена нейтральная зона шириной 10 километров, разделявшая советскую и украинскую территории. — *Прим. ред.*

поражений немцам, взять у них орудия, пулеметы и пленных¹.

Затем, когда революция в Германии разложила оккупационные войска, я с полком был переброшен в район Суджи и принял участие в очищении Украины от гетмана и Петлюры².

В течение 1918 года и весны 1919 года нам удалось достигнуть Кременца на Волыни и очистить всю Украину от врагов Советской власти. Весной 1918 года полк имел две сотни по 70 всадников. Весной 1919 года он имел шесть конных сотен, одну четырехорудийную полевую батарею, взвод горной артиллерии и большую пулеметную команду. В полку было до 2000 всадников, из коих 1000 приходилась на конные сотни и 1000 на артиллерию, пулеметную и другие команды. В этой организационной работе многое сделали С. А. Туровский — мой помощник, командир батареи М. О. Зюк и мой постоянный спутник во всех походах адъютант Б. И. Кузьмичев.

Командный состав полка состоял из унтеров-кавалеристов старой службы, казачья масса — из украинцев-лево-

¹ Разоренные гетманской гайдамачиной, поротые шомполами карательных отрядов, крестьяне сначала десятками, потом сотнями шли в наши отряды. Партизанская война, война внезапных нападений и засад, полихала по всей Украине.

Н. Г. Крапивянский под Черниговом, Н. А. Щорс под Стародубом, В. Н. Боженко под хутором Михайловским, Д. А. Шмидт на Полтавщине, червонные казаки под Новгород-Северским стали организующими ядрами, вокруг них росла повстанческая армия.

² Бои под Харьковом и поход в январе 1919 года на Полтаву, Кременчуг привели к полному освобождению Левобережной Украины, война была перенесена на правый берег Днестра.

Серьезное сопротивление петлюровцы оказали на реке Буг и под Шепетовкой. Но в разгар боев червонные казаки прорвали фронт у села Деражня и, сделав глубокий рейд, заняли Старокопстантинов. Шедшая туда Херсонская дивизия генерала Луценко была прижата к большому Кузьминскому озеру и разбита при содействии местных партизан. Сам Луценко убит в этом бою.

От Старокопстантинова мы вышли в тыл Шепетовки на Изяслав. Оставив две сотни наступать с юга, я с тремя сотнями зашел на Острожскую дорогу и ворвался в город с северо-запада. В Изяславе нами захвачены штаб петлюровского корпуса и его отдел снабжения с большим количеством артиллерийского имущества.

Развернулись последние бои возле Шепетовки. Сами петлюровцы, прижатые к австрийской границе, пронизывая, говорили: «Ще не вмерла Украина от Шепетовки до Кривина».

бережников. На Волыни в марте 1919 года я проделал свои первые рейды: один в 180 верст, другой в 100 верст, отбросившие противника от Бердичева и Ровно, Дубно. В этих рейдах кроме нашего полка участвовал и 1-й кавполк под командой Гребенко, впоследствии мною разоруженный за бандитизм. (Рейд — это набег больших масс кавалерии на глубокие тылы противника, во время которого уничтожаются его штабы, разрушается связь между частями и части эти уничтожаются поодиночке, в розницу.)

В мае наш полк был снят с Западного фронта и переброшен на денкинский фронт. По дороге полку пришлось принять участие в разгроме банд Григорьева. Полк под моей командой отступал вместе со всей армией под напором армии Деникина. Возле Полтавы рейдом на тылы наступавшего в районе Константинограда противника мне удалось на десять дней задержать его продвижение, но эти усилия были бесполезны ввиду общего отступления армии.

Во время отступления я развернул полк в бригаду, набирая добровольцев на Украине. Бригада получила наименование 1-й Червонной казачьей бригады. Она участвовала в боях под Черниговом; незадолго до сдачи Чернигова (за десять дней) она была переброшена под Орел для борьбы с Деникиным. Здесь бригада по распоряжению И. П. Уборевича, командарма 14, была развернута в дивизию, получившую № 8 и наименованную Червонной казачьей дивизией. Дивизия была сформирована из 1-й Червонной казачьей бригады, Кубанской бригады и Латышского кавалерийского полка.

Дивизия была включена в состав Ударной группы из Латышской дивизии, бригады П. А. Павлова и 8-й Червонной кавдивизии.

Завязались упорные бои по реке Крома под Орлом. Орел был сдан противнику. Положение было чрезвычайно напряженное.

По распоряжению командарма И. П. Уборевича, для того чтобы сломить противника, приказано было нам (червонным казакам) прорваться и сделать рейд на тылы сражавшегося перед нашим фронтом корпуса Кутепова из корниловцев, дроздовцев и марковцев. Дивизия под моей командой в ночь на 3 ноября прорвалась в тыл противни-

ка и вынудила его поспешно отступить по всему фронту¹. Инициатива была захвачена нами, перелом произошел. Латыши гнали противника, везде отступавшего, мы громили его тылы. За эту операцию я получил орден Красного Знамени, награждены были орденами командный состав и конники, дивизия получила знамена от ВЦИК и Петроградского Совета.

Дивизия гнала противника до Черного моря и заперла его в Крыму. В течение января — мая 1920 года она не выпускала Врангеля, сменившего Деникипа, из Крыма. Все эти месяцы проходили в непрерывных боях с конницей и пехотой противника, боях, увенчавших новой славой червонных казаков. В апреле мне удалось основательно разбить генерала Морозова, командовавшего конницей противника.

В мае дивизия была переброшена с крымского фронта на польский — в это время поляки взяли Киев. В течение мая и июня дивизия шла походным порядком (36 дней марша), после чего приняла участие в операциях 14-й армии на польском фронте. Когда противник укрепился на линии рек Буг, Случь, дивизия выиграла одно сражение под Синявю. Мне удалось четырьмя полками атаковать семь батальонов пехоты противника, причем батальоны эти были уничтожены и частично взяты в плен. Это было наше первое знакомство с поляками.

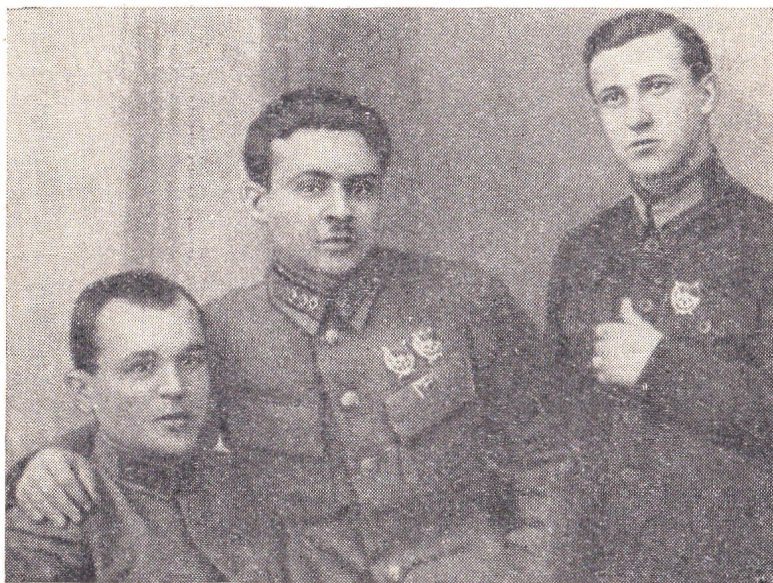
¹ Латышские стрелки под командой К. А. Студки разорвали фронт, и наша конница ранним утром 3 ноября в морозном тумане ворвалась в прорыв между селами Чернь и Чернодье. Весь день и до полуночи мы шли в глубоком тылу корниловской дивизии к станции Поньри, разрушая связь, громя тылы и разгоняя резервные части. После короткого привала в селе Теплый Колодезь полки Потапенко и Григорьева атаковали и разрушили Поньри, а Латышский кавполк взорвал станцию Возы. Кубанцы, организатором и руководителем которых был комиссар Рекстин, взяли одновременно город Фатеж, где захватили тяжелую артиллерию Деникина.

Корниловская дивизия, дезорганизованная, начала отступать. Мы атаковали ее с тыла и под селом Сабуровка, установив связь с латышскими стрелками, окружили и уничтожили 1-й офицерский полк и два батальона 2-го полка.

Корпус Кутелова отошел на линию Фатежа, по 14 ноября, снова прорвав фронт, мы захватили Льгов и отрезали пути отхода 2-й офицерской дроздовской дивизии. После двухдневного боя дроздовцы сдались; было взято около двух тысяч пленных, двадцать семь орудий и бронепоезда. Только несколько батальонов ушли на юг, к Харькову.

Затем дивизия прорвала линию польского фронта и вышла в рейд на Черный Остров, Проскуров¹. В рейде было взято одиннадцать пушек и масса пленных.

В приказе по 14-й армии после этого рейда было сказано: «6-я польская армия разгромлена рейдом червонных

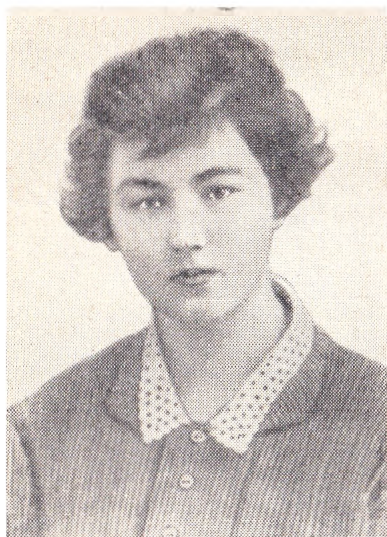

В. М. Примаков со своими адъютантами Федором Пилипенко и Борисом Кузьмичевым (справа)

казаков и отступает по всему фронту». В рейде была захвачена часть офицеров польского штаба 6-й армии; мне досталась личная лошадь командующего 6-й армией генерала графа Ромера.

Затем дивизия приняла участие в галицийском походе, во время которого мне удалось атаковать под деревней Шумляны пять батальонов пехоты, засевшей на горе с

¹ Ударом бронепоездов и 60-й стрелковой дивизии пробита брешь у города Бар. Мы ночью вошли в прорыв и, пробившись глубоко вперед, одновременно атаковали Проскуров и Черный Остров. В этих городах захвачены тылы 6-й польской армии, ее штаб и база снабжения. Наша дивизия действовала в том районе еще два дня, вынудив к отходу на реку Збруч 6-ю армию и староконстантиновскую ударную группу.

К. М. Коцюбинская

шестью орудиями, и уничтожить их. Орудия эти были нами взяты. В галицийском походе нам удалось сделать еще несколько рейдов, из которых наиболее интересен рейд на Стрый, заставивший противника отступить с линии реки Золотая Липа к Днестру.

Затем дивизия вместе с другими частями 14-й армии под натиском противника вышла из Галиции. За галицийский поход я получил золотой портсигар с надписью «Бессмертному рейдисту командиру Червоного казачьего корпуса т. Примакову — на память

о 13 рейдах от командарма Уборевича» (портсигар был вручен мне после назначения командиром корпуса). По выходе из Галиции и по заключении перемирия с поляками дивизия, развернувшаяся в корпус, приняла участие в уничтожении Петлюры; во время петлюровского похода нами взято девять пушек и до 6000 пленных. После петлюровского похода корпус получил Почетное знамя от Киевского губревкома. Я получил золотые часы с надписью «Славному командиру 1-го конного корпуса т. Примакову от Киевского губревкома».

Теперь Красная Армия стоит на отдыхе. Отдыхаем и проверяем свои походы по теоретическим военным книгам и мы — солдаты милостью божьей. Ясно, что нам скоро снова придется воевать — нам придется либо обороняться, либо мы вынуждены будем вести наступательную войну, освобождая рабочих Запада... Нужно укрепить полевые войска Красной Армии. Нужно поставить в казарменные условия пехоту и дать ей возможность учиться, так как наши стрелки до сих пор плохо стреляют и плохо знают свое дело. Конницу нужно в больших массах поставить на небольших участках, чтобы она могла разбить обученную конницу Запада. Старый офицер умер —

он не подходит к массе красноармейцев. Командир должен знать и понимать дух своих войск — старый офицер на это не способен. Республика должна воспитать своего красного командира. Республика должна еще перевоспитать армию — армия у нас просто революционная, но не коммунистическая армия. Это требует большой работы. Полагаю, что мы, революционеры, должны приложить большие усилия к делу, которое ведем, и воспитать свои части. Для себя считаю желательной военную работу в коннице. Я люблю кавалерийское дело...

Семья моя состоит из отца, матери и (кроме меня) четырех братьев. Один брат, Владимир, со мной служит в Красной Армии, остальные учатся: один — в университете, два — в гимназии. Отец учителствует в народной школе и живет у себя на хуторе. Жена моя, Ксения Михайловна Коцюбинская, умерла в январе 1920 года во время родов. Рожденный ею сын умер вместе с нею в один день. Это одно из крупнейших несчастий, меня постигших¹.

¹ Отец В. М. Примакова Марк Григорьевич (родился в 1868 году), проработавший учителем около 30 лет, скончался в селе Шуманы в феврале 1921 года. Мать Варвара Николаевна, до замужества Малерова, родилась в декабре 1879 года в селе Семёновка. Была организатором колхоза имени Червоного казачества, одного из первых на Черниговщине. Умерла в городе Ревда, Свердловской области, 17 января 1947 года. Брат Владимир (родился в 1899 году), большевик с августа 1917 года, служил в червоном казачестве с февраля 1919 по 1922 год, пройдя путь от рядового бойца до командира 1-го полка. За отличия в боях награжден орденом Красного Знамени и Почетной грамотой ВЦИК. Окончил Военно-воздушную академию. В 1937 году демобилизован. В июле 1941 года добровольцем пошел на фронт и погиб в декабре того же года. Брат Борис (1901—1944) окончил Московский государственный университет, кандидат геологических наук, погиб на фронте. Брат Григорий (1903—1957) окончил Одесский сельскохозяйственный институт, кандидат в члены КПСС, умер в селе Тугулым, Свердловской области, где работал агрономом опытной станции. Младший из четырех братьев — Евгений (родился в 1910 году) окончил Московский институт цветных металлов, работает главным инженером Среднеуральского медоплавильного завода, член КПСС. В публикуемой автобиографии В. М. Примакова не упомянута сестра Ольга — она скончалась в молодом возрасте в 1919 году. В 20-х годах Виталий Маркович женился на М. А. Довжик (родилась в 1898 году в Чернигове). Мария Ароновна — врач с сорокалетним стажем, кандидат медицинских наук. Их сын Юрий (родился в 1927 году) окончил Московский автомобильный институт, работает в Москве старшим научным сотрудником научно-исследовательского института. — *Прим. ред.*

КРАСНЫЙ ВИТЯЗЬ

Протекли над Украппой
Боевые годы.
Отшумели, отгудели
Молодые воды...

Э. Багрицкий

Если даже за полстолетия и стерлись в памяти имена некоторых бойцов, командиров и комиссаров гражданской войны, все равно их безыменные героические деяния прочно вошли в историю как подвиг всего народа. Партия говорит: «Для нашего народа всегда будет священна память большевиков-ленинцев, героев социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войн».

Священна для нас и память красного витязя Украины Виталия Марковича Примакова.

В те далекие годы, когда мне довелось впервые увидеть вожака червоных казаков, сразу пришли на ум где-то услышанные строки: «Он был гусар — ботфорты, шпоры, блестящий кивер и султан, и ум, сверкающий во взоре. Ведь ум не всем гусарам дан...»

Конечно, ботфорты, кивер и султан никак не вязались со строгим обликом питомца черниговского дореволюционного подполья. Зато — «сверкающий во взоре ум»...

Разумеется, ни одно войско не может обойтись без отважных рубак, без отчаянных смельчаков, но побеждают лишь армии, богатые не только исполнителями, но и мыслителями.

К таким военачальникам принадлежал и Примаков. Он не благодушествовал в ожидании приказов свыше в то время, когда враг нажимал на боевого соседа. Командуя полком, он, большевик ленинской школы, болел за весь фронт.

В архивах сохранился любопытный документ, датированный 5 июля 1919 года. Полный жгучей тревоги за судьбы революции и страны, он адресован Совету оборо-

ны Республики в самое критическое для Красной Армии время, когда войска Деникина наступали на север, к сердцу страны — Москве.

Примаков пишет в Совет Обороны, что наступление белогвардейцев создало на фронте катастрофическое положение. «В войсках, — продолжает он, — есть вера в победу, но она как-то пассивна... Нужно сосредоточить в тылу, верстах в ста от фронта, свежие и непотрешанные войска хотя бы силою в две пехотные дивизии и одну кавалерийскую... Наступление ударным кулаком, безусловно, будет успешным, так как белые сильно распылили свои силы и крестьянство против них. Первая же победа увлечет за собой и все остальные части...»

Изумляет политическая и оперативная дальнзоркость двадцатидвухлетнего командира полка. Его аналитический ум в тяжелой фронтальной обстановке трезво оценивает следствия и находит их причины. Да, армия отступает. Но Примакова не оглушают потери, не обескураживают успехи врага. Предвидя победу, учитывая веру и все красноармейцев, не закрывая глаз на все беды, он хорошо видит, в чем сила своих и в чем слабость противника. Как воин, Примаков понимает: силы белых не соответствуют их целям. Как политик, выученик ленинской школы, он улавливает главное: крестьянство против Деникина...

Партия звала: «Все на борьбу с Деникиным!» И тысячи ее верных бойцов, как всегда в трудный момент, стали цементом, скрепившим армейские ряды. Среди них был и Виталий Примаков. Его полки вошли в состав ударной группы войск, которая в осенних боях девятнадцатого года на полях Орловщины задавала первую ощутимую трепку офицерским дивизиям Деникина.

Отсюда червонные казаки вместе со всей армией перешли в наступление. Красная конница мчалась на юг, освобождая родную Украину, и кто бы мог тогда подумать, что эти вот хлопцы, молодые, веселые, отчаянные, четверть века спустя, уже маршалами и генералами, опять пройдут с боями по знакомым местам. На полях сражений Великой Отечественной войны не сверкал острый клинок Виталия Примакова, но боевой дух красного витязя жил в его отважных питомцах, среди которых были маршалы П. К. Кошевой, И. Т. Пересыпкин, П. С. Рыбалко, С. А. Худяков, генералы А. В. Горбатов, Ф. Ф. Жмаченко,

И. В. Дубинский

И. И. Карпезо, И. М. Мангаров, К. С. Мельник и многие другие товарищи.

Есть на Черниговщине село Шуманы. Здесь в семье учителя прошло детство Виталия Примакова. Наступила юность — юность революционера, борца за народное дело. Воспитанник и зять замечательного украинского писателя Михаила Коцюбинского, двадцатилетний коммунист Примаков в марте 1917 года был еще уаником, а в декабре того же года вел по улицам Харькова первый советский украинский полк.

И простой люд Украины, и его смертельные враги — буржуазные националисты в ходе гражданской войны поняли, что в этой борьбе не на живот, а на смерть, борьбе стремительной, маневренной, победа на поле боя во многом зависит от превосходства в коннице.

Буржуазная Центральная рада, опираясь на чужеземную помощь, создавала так называемое «вольное казачество», а ЦИК Украины, ее народ, вступив в военный союз с братской Россией, сформировали свои вооруженные силы, свою красную конницу. Первый бой конным гайдамакам червонное казачество дало в январе 1918 года у Полтавы. Вместе с харьковской Красной гвардией красные казаки выбили петлюровское войско из города. А спустя три года, 21 ноября 1920 года, в последнем бою сабли всех двенадцати полков конного корпуса червонных казаков встретились с клинками всей гайдамацкой конницы на заснеженных полях вблизи Збруча, тогдашней государственной границы.

Под командой бывшего полковника царской гвардии Омеляновича-Павленко-младшего, все еще надеясь повернуть колесо истории, отчаянно отбивались выкормыши богатых хуторов. Но не выдержали они железного натиска

трудовых сынов Украины, которых вел в последний и решительный бой двадцатитрехлетний командир корпуса Виталий Примаков.

Освежающей грозой пронесли отважные и героические полки червонных казаков над полями Волыни и Подолии, над престорами Орловщины. Молнии их клинков сверкали на перекопских валах, над кручами галицийских рек и в отрогах Карпат.

Виталий Маркович Примаков искренне сокрушался — не сбылась его мечта. Она его тревожила еще в Чернигове, в усадьбе на Северянской, когда он затаив дыхание слушал горячие литературные споры старших — уже больного Михаила Коцюбинского с его младшими собратьями по перу — Павлом Тычиной и Василием Блакитным.

В гимназические годы Примаков писал стихи, а в 1917 году, вернувшись из Сибири, стал публицистом, на страницах киевской газеты «Голос социал-демократа» громил меньшевиков и самостийников.

После окончания гражданской войны Примаков опять взялся за перо. Глубоко обобщая опыт действий конницы, он писал: «Мир стоит перед грандиозными социальными потрясениями и революционными войнами. В них авангарду восставшего пролетариата — его Красной Армии — будет свойствен дух величайшей активности... В эпоху механизации, связанной с громоздкими тылами, значение рейда вырастет пропорционально сложности тылов».

Нужно учесть, что писал все это Примаков, когда ему было неполных двадцать пять лет...

До конца 1924 года он командует корпусом червонных казаков. Затем по велению партии готовит в Ленинграде кадры. Учат молодежь, переучивает закаленных в боях практиков. Затем военная и дипломатическая работа в Китае, Афганистане, Японии, Германии. Им накоплен богатый опыт — его надо передать другим.

Результат — сотни новых изумительных по силе и глубине мысли страниц, познавательные и увлекательные книги: «Рейды конницы», «На Украине», «Митька Кудряш», «Афганистан в огне», «По Японии», «Тактические задачи германского генерального штаба». О работе своей и других военных советников в Национальной армии Китая, о событиях происходившей там в 20-х годах граждан-

ской войны В. М. Примаков интересно рассказал в книге «Записки волонтера». Впервые она была издана в 1930 году под псевдонимом Генри Аллен, а в 1967 году вновь выпущена издательством «Наука» под настоящей фамилией автора.

Хорош тот писатель, который имеет свой почерк, но который никогда не повторяет себя. И в военном деле успех за тем, кто применяет свои, оригинальные приемы и способы борьбы. Суворов говорил: «Удивить — значит победить!» Великим искусством побеждать противника владел Примаков. Он был одним из основоположников глубоких рейдов конницы по тылам врага.

Наука рейдирования пригодилась и в годы Великой Отечественной войны. В книге «За нами Москва» генерал П. А. Белов, например, писал: «Собираясь двигаться на Вязьму, по тылам врага, я припомнил наиболее поучительные рейды... В годы гражданской войны хорошо действовала дивизия червонных казаков...»

Война — это деяние, в котором не только тяжким трудом, но и смертью отстаивается жизнь. Ради этой жизни Виталий Примаков не щадил себя. И в этом была его сила. Как и сила многих советских полководцев, умевших не только направлять, но и вести людей в бой.

Примаков высоко ценил меч. Меч, отстаивавший честь и волю народа. Но смотрел он на вещи шире. Не раз говорил о том, что нам необходимо крепкое боевое братство, чтобы через него прийти к братству трудовому. Не война, не разрушения, не кровь, а труд, покорение природы, совершенствование жизни являются естественным состоянием социалистического общества.

Конная атака... Это неминуемые жертвы. В ожесточенных боях за Кромь и Орел поредели ряды бойцов. Но если казачество Украины шло в бой с думой о Питере и Москве, то и там не забывали его. Накануне второй годовщины Октября из обеих столиц пришло пополнение. «Операция оказалась результативной, — говорил об этом Примаков, — так как к нам поступила кровь родственной группы — ленинской...»

Да, «отшумели, отгудели молодые воды...» А слава о червонных казаках и их предводителе Виталии Примакове шумит и гудит поныне...

НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА

С волнением и гордостью вспоминаю те далекие годы, когда я служил в рядах червоного казачества и вместе со своими боевыми товарищами посвятил за Советскую власть, за свободу и счастье Родины. Да и как не гордиться! Незабываемо время, нерушимы братство и дружба, закаленные в революционной борьбе. Радостно сознавать, что дела наши живы в народе, продолжают быть достойным примером для молодежи.

Вот весть из села Павловка, Черниговской области. Директор средней школы Александр Яковлевич Коляда сообщает: с 1959 года у них работает краеведческий кружок «Юный историк». Ребята разыскали в ближайшей округе нескольких ветеранов червоного казачества, завязали переписку с проживающими в других местах. От бывших червонцев, из музеев Чернигова, Киева, Харькова, Риги получены материалы, позволившие создать школьный музей, который охотно посещают не только учащиеся, но и взрослое население.

Сердечное внимание павловцев к этим страницам революционной истории объяснить нетрудно. Черниговщина дала червоно-казачьим частям много бойцов, а неподалеку от Павловки находятся Шуманы — родное село нашего славного командира Виталия Марковича Примакова.

А вот письма из Ленинграда. И там красные конники в почете. Две соседние улицы названы: одна именем В. М. Примакова, другая — Червоного казачества. Расположенные здесь школы и жилищно-строительный комбинат провели совместный вечер. В переполненном зале пожилые рабочие сидели рядом с красногалстучной детворой, на сцене в одну шеренгу выстроились старые боевые

знамена войсковых частей, алые стяги промышленного предприятия и пионерских дружин. Дорогими гостями были на вечере ветераны-червонцы Г. П. Сазыкин, В. И. Алексеев, И. Н. Юнаков, их выступления заинтересованно слушали стар и млад. И как это символично, что после рассказов о войне гражданской выходили на сцену участники Великой Отечественной войны, работающие на жилстройкомбинате, — им вручались юбилейные медали в честь двадцатилетия победы над фашистской Германией. Не сомневаюсь, что крепко запомнят это комсомольцы и пионеры — наследники славных традиций советского патриотизма.

Коли не иссяк людской интерес к подвигам червонного казачества, если сама история его, как, бывало, острые клинки в бою, верно служит теперь духовным оружием, значит, стоит потрудиться, поворошить в памяти «дела давно минувших дней».

Понятно, что одному непосильно рассказать подробно обо всех событиях, происходивших полвека назад. Группа ветеранов попыталась сделать это коллективно. Свою же задачу я хочу ограничить кратким рассказом о том, как росло червонное казачество от первого малочисленного отряда до крупного войскового соединения — конного корпуса.

Почему и когда, спрашивают старых червонцев молодые собеседники, потребовалось создавать специально украинское войско, да еще с таким колоритным названием? Разве не могли те же революционно настроенные рабочие и крестьяне вступить в обычные части Красной Армии?

Эти вопросы заставляют вспомнить тогдашнюю обстановку на Украине.

Эхо Великого Октября, свергнувшего помещичье-капиталистическое Временное правительство России, быстро докатилось и до юга страны. Но там на первых порах взяли верх буржуазные националисты. Состряпанная ими при керенщине так называемая Центральная рада объявила себя высшей властью на Украине. Ее опорой было крепкое и довольно многочисленное кулачество, которое держало под своим сапогом трудовых селян. Ее трубадурами были «демократические» интеллигенты, повсюду без удержу славившие обретенную «самостийность».

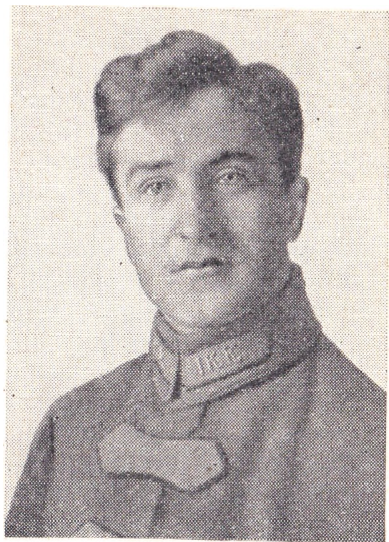
Для поддержания своей власти Центральная рада сколачивала офицерско-кулацко-поповский сброд под коман-

дой небезызвестного Симона Петлюры. Банде этой присвоили титул «вільне козацтво», нарядили в желто-синие жупаны, на шлыки (головной убор) навесили эмблему — трезубец. Вокруг этой банды умышленно раздувался ореол рыцарства, запорожской вольницы. Поначалу это сбило с толку и некоторую часть труженников, вступивших в ряды гайдамаков.

В таких условиях рабочий класс Украины и большевистская партия были поставлены перед очень сложной задачей. С первых Октябрьских дней началась напряженная работа по сплочению сил для борьбы за подлинно народные интересы. В промышленных городах, среди деревенской бедноты, в войсковых частях старой армии все более усиливалось влияние коммунистов-ленинцев.

Высокого накала достигла борьба в декабре 1917 года. В том месяце Центральная рада, надеясь расширить свой «авторитет», созвала Всеукраинский съезд Советов. В Киев прибыло сто тридцать закономерно избранных делегатов. Но, обеспечивая себе устойчивость, буржуазные националисты стянули сюда еще двухтысячную ватагу кулаков, которая учинила на съезде погром и угрожала расправой непокорным. Тогда большевики, разоблачив этот жульнический маневр, предложили перенести работу в пролетарский Харьков. Их поддержало большинство делегатов.

С этого момента тверже и увереннее зашагал Октябрь по Украине. На состоявшихся в Харькове 24 и 25 (11—12) декабря заседаниях I Всеукраинский съезд Советов принял исторические решения. Он приветствовал победу социалистической революции в России, одобрил политику партии большевиков и Совета Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным, заявил

Е. П. Журавлев

о вечной дружбе украинского народа с русским, провозгласил Украину Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На съезде было образовано Советское правительство Украины — Народный Секретариат. Буржуазно-националистическую Центральную раду объявили вне закона.

В состав Народного Секретариата вошли Владимир Ауссем, Евгений Бош, Владимир Затонский, Юрий Коцюбинский, Юрий Лапчинский, Владимир Люксембург, Николай Скрыпник и другие. На их долю выпало руководство первыми шагами Советской власти на Украине.

Между тем Центральная рада начала кровавый поход против рабочих в крупнейших городах — Киеве, Полтаве, Екатеринославе (ныне Днепропетровск).

Дать решительный отпор буржуазии, сокрушить ее могла только вооруженная сила. А начинать военные действия нельзя было, как правильно отмечал В. А. Антонов-Овсеенко, «пока в нашем распоряжении не будет своей чисто украинской боевой части». И Народный Секретариат принял 7 января 1918 года (нов. ст.) постановление приступить к организации червоного казачества.

Кто предложил такое название, сказать за давностью лет не берусь, но что оно очень верно выражало народные чаяния, это было ясно уже тогда. Червоное (то есть красное) казачество, сочетая преданность революции и уважение к боевому духу украинцев, вызывало искренние симпатии рабочих и крестьян, в то время как желто-синие гайдамаки своими зверствами и бесчинствами чем дальше, тем больше разоблачали враждебную сущность петлюровщины.

После решения Народного Секретариата прошло буквально несколько дней, и первая на Украине советская национальная войсковая часть была сформирована. В нее вступили добровольцами четыреста харьковских рабочих и триста солдат из разоруженного петлюровского полка. Наименовали ее 1-м куренем червоного казачества. Атаманом (командиром) назначили двадцатилетнего большевика Примакова. 16 января он уже докладывал правительству о готовности к боевым действиям.

Таким образом, местом рождения червоного казачества мы вправе считать пролетарский Харьков. А боевое крещение червонцы получили 19 января, освобождая Полтаву. В этой операции они участвовали, конечно, не од-

ни — впереди шел бронепоезд, рядом дрались харьковские и люботинские красногвардейцы. Одновременно от станции Лозовая наступали питерские и московские рабочие под командой П. В. Егорова и донецкие партизаны Д. П. Жлобы. Однако червонным казакам была предоставлена честь идти впереди атакующих, и они сломили сопротивление противника, разбили его в уличных боях.

Полтава оказалась не только первым, но и, прямо сказать, поворотным пунктом в боевой истории червонного казачества. Сюда Примаков пришел со стрелками-пехотинцами, а ушел во главе кавалеристов. С того момента красные казаки стали умножать свою воинскую славу как украинская советская конница.

Мысль о кавдивизионе возникла сразу же, как только в числе полтавских трофеев обнаружили лошадей и седла. Кроме того, забрали коней в окрестных селах у богатеев. Повалили добровольцы — крестьянская молодежь.

Не минуло и недели, а Примаков, оставив свой пехотный курень в Полтаве, с конным дивизионом уже дрался за Киев. Это была небольшая, всего в сто шестьдесят сабель при нескольких пулеметах, часть. Но ей суждено было сыграть исключительную роль.

Внутри города уже несколько дней бушевало восстание рабочих, несших большие потери на баррикадах. У мостов — Цепного, Стратегического и железнодорожного — яростно бились советские отряды, которым путь с левого берега на правый преграждал сильный пулеметный огонь противника. Подошедшие на помощь червонные казаки перебрались через Днепр у Межигорского монастыря.

Примаковский удар с тыла, героический штурм мостов, стойкость восставших рабочих — все это принудило петлюровские части к бегству. 26 января Киев был полностью освобожден, 30-го числа туда пересехало из Харькова правительство республики.

Однако Центральная рада совершила новое предательство. Она пошла на сговор с кайзеровской Германией, и немецкая армия хлынула на Украину. Молодые, еще не окрепшие силы Красной Армии не смогли противостоять полумиллионной, вооруженной до зубов лавине врага.

Великий исход, как названо было это наше отступление весной 1918 года, отмечен истинным героизмом советских бойцов. Червонные казаки, отойдя из Киева на Ромодан, а затем на Бахмач, вместе с другими боевыми отря-

дами почти неделю мужественно защищали Бахмачский узел. У местечка Батурино сотня червонцев под командованием Ганжи оказалась отрезанной. Выхода было два: сдаться в плен или пробиться к своим. «Червонцы не сдаются!» — сказал тогда Ганжа. Через крестьян сотник разведal, что в ближайшем селении немецкие солдаты бесцеремонно и уверенно располагаются на обед. Команда: приготовить гранаты, шашки к бою! И вот, сняв сторожевое охранение, конники несутся по сельской улице. Ошеломленные их налетом, немцы бросаются врассыпную от дымящихся кухонь, но одних достают острые клинки, других раскидывают гранатные взрывы. Как вихрь пронесся дальше со своими бойцами сотник Ганжа, а его слова «Червонцы не сдаются!» стали боевым лозунгом.

Наш отряд, все еще малочисленный, сражался на Дону против белогвардейских банд генерала Краснова, вместе с мариупольской пехотой выбивал противника из Новочеркасска, дрался за станицы Аксайская и Заплавская. Контролируя железную дорогу, червонцы помогали эвакуировать ценное имущество из Ростова на север.

В конце апреля Примаков получил приказ сопровождать правительство Советской Украины, переезжавшее из Таганрога в Москву. Правительственный эшелон проходил через Сальские степи, где ему крайне нужна была надежная охрана: повсюду разгуливали банды. И червонные казаки достойно выполнили свою задачу. В пути пришлось обезоружить две анархистские группы, отобрать у бандитов награбленное золото. К середине мая эшелон прибыл в Москву. Отдохнув немного, отряд Примакова опять двинулся на юг, ближе к родной Украине.

На всей территории Украинской республики разворачивалась героическая борьба против немецких оккупантов. Руководила ею компартия Украины через Центральный военно-революционный комитет. На состоявшихся в 1918 году, в июле и октябре, I и II съездах КП(б)У была разработана четкая программа действий: создание повсюду на местах ревкомов и повстанческих штабов, вовлечение в вооруженную битву с врагом широких масс рабочих и крестьян.

Двухмесячное пребывание в городе Почеп, Черниговской губернии (10 июня — 10 августа 1918 года), характеризуется тем, что к червонцам, популярность которых все росла, присоединялись новые и новые добровольцы.

Пополнились обе конные сотни, были сформированы сильная пулеметная команда, артиллерийская батарея и не виданное прежде подразделение самокатчиков в сто машин. 1-й Червонный полк становился крепкой войсковой частью, способной решать серьезные боевые задачи. Именно в этот период пришли люди, ставшие верной опорой молодого командира, его деятельными помощниками. Я имею в виду товарищей С. А. Туровского, М. О. Зюка, А. В. Багинского, И. Е. Никулина, К. М. Наливки и многих других.

С. А. Туровский

Семен Абрамович Туровский — давнишний друг Виталия Примакова по черниговскому революционному подполью. Учась в одной гимназии, они состояли в нелегальном кружке, вели пропаганду ленинских идей среди рабочих и солдат Чернигова. В некотором роде Семен был в ту пору политическим вожакom юного Виталия: он вступил в большевистскую партию в 1912 году, Примаков — в 1914. А в полицейские лапы угодили один за другим.

Туровский происходил из состоятельной семьи: его отец — крупный предприниматель. Нужна была глубокая убежденность, незаурядная сила воли, чтобы юношей выйти из-под семейного влияния и отдать себя целиком революционному долгу. Семен Абрамович два года провел в вятской ссылке, года полтора проходил муштровку в царской армии. Но дух его остался непоколебленным. До вступления в ряды червонцев военный опыт у Туровского был невелик: старший унтер-офицер понтонного батальона в 1916 году, командир киевского отряда Красной гвардии в январе 1918-го. А в червонном казачестве полной мерой развернулись его организаторские способности и военное дарование. Начав заместителем командира полка, он был в дальнейшем начальником штаба бригады, дивизии, кор-

М. О. Зюк

пуса и в отсутствие Примакова принимал на себя всю полноту ответственности за войска. Затем он руководил Высшими кавкурсами, работал начальником штаба Харьковско-го и инспектором Кнеспского военных округов.

Обаятельным человеком был и Михаил Осипович Зюк (Нехамкин). Ни царская тюрьма, ни далекая ссылка не сломили этого крепыша. Храбрость, лихость очень естественно сочетались в нем с неоскудевающим юмором. Он и сам воевал весело, и других заражал своим оптимизмом.

Окончив в Москве артиллерийские курсы, Зюк так пристрастился к «пушечкам», «батареям», что, предложи ему иной род войск, он и разговаривать бы не стал. Для начала был у него в подчинении всего взвод — две трехдюймовки, отобращные у противника.

Под Новгород-Северском, куда Червоно-казачий полк перешел из Почапа, впервые сразился Зюк с немецкой батареей. Он взял под обстрел неприятельский штаб, расположившийся в здании монастыря, и, конечно, вызвал ответный огонь. Германские бомбардиры стреляли весьма метко, наши с непривычки прятались в укрытие. Остались у орудий только Клебановский и Романенко и продолжали стрелять, невзирая на близкие взрывы. Вдруг бойцы заметили, что Романенко упал на землю и стонет. Выскочили к нему на помощь один, другой. А «раненный» хохочет: «Дурии, я ж нарочно упал, чтобы вы шли сюда!» Пристыдились хлопцы, встали на свои места, и еще пуще заухали орудия. Зюк в тот час был на наблюдательном пункте, видел свою батарею всю в дыму, непрерывно стреляющей, а вернулся да узнал, что тут произошло, — вместе со всеми смеялся над проделкой Романенко: это было в его, Зюка, духе — сам научил казаков шуткой встречать

вражеские снаряды, воспитывал людей сознательными и бесстрашными воинами.

Среди вступивших в полк моих земляков черниговцев был Иван Ефимович Никулин. Он оказался человеком целостремленным, напористым, знающим себе цену. В общей грамоте был не шибко силен: окончить довелось лишь сельскую школу, зато в кавалерийском деле — знаток, недаром служил лейб-драгуном. Свою службу в червонном казачестве Никулин начал полусотником, в боях вырос до комдива, а с 1936 года стал инспектором кавалерии Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

И. Е. Никулин

Удивительно колоритной фигурой был Андрей Васильевич Багинский. С мальчишеских лет — после смерти отца, рабочего маслодельного завода, — он работал в киевской типографии, стал квалифицированным печатником. Юношей был связан с эсерами, но, как только убедился в реакционной сущности этой партии, примкнул к большевикам. Это произошло в июне 1917 года. В Октябрьские дни полиграфисты избрали Багинского в Киевский Совет, в январе 1918-го он был одним из руководителей восстания против Центральной рады. Когда под напором германских войск Киев эвакуировался, Андрей Багинский был назначен командиром бронепоезда. На Дону он с отрядом в семьдесят человек присоединился к червонцам, вместе с ними прибыл в Москву. Короткое по времени знакомство его с Примаковым породило крепкое, искреннее чувство дружбы. Месяца на два-три они расстались: Багинского командировали в Самару за взрывчаткой, там он участвовал в боях против белочехов, был тяжело ранен в живот. А выйдя из госпиталя, никуда больше ехать не хотел, кроме как к Примакову. Так Андрей Васильевич снова появился

среди червонцев, уже «заряженный» вражеским свинцом. Не миловала его судьба и позже: шестнадцать ранений за время гражданской войны! И еще горше испытание — сыну его в отместку за отца петлюровцы выжгли глаза. Сколько же должно быть в человеке революционного оптимизма, беззаветной преданности Советской Родине, чтобы при таких обстоятельствах из дня в день стойко и умело нести бремя сложных своих обязанностей! Дело же, за которое отвечал Багинский, всегда было нелегким. Он являлся заместителем Примакова в полку и бригаде, после образования дивизии стал начальником тыла, а в Червоно-казачьем корпусе — помощником начальника разведывательного отдела. Я очень жалею, что вынужденная краткость этих заметок не позволяет подробно рассказать о необыкновенном мужестве, благородном характере А. В. Багинского.

Несколько слов о К. М. Наливко. По отчеству мы его тогда не звали: просто Костя. Молодой, симпатичный, чуткий к товарищам, этот гомельский парень пришелся по душе всем червонцам. Рядовым ли казаком, командиром ли сотни, Костя Наливко проявлял в боях исключительную смелость, рискованную лихость — и неизменно с большой удачей. После войны Константин Михайлович загорелся жаждой учения. Окончил Высшие кавалерийские курсы в Ленинграде, вернулся в родной полк и, как начальник полковой школы, много полезного сделал для воспитания молодых воинов. В 1928 году он по состоянию здоровья демобилизовался, поступил в институт, стал ветеринаром, какой-то срок работал на Дальнем Востоке. Но фронтовая привязанность к червоному казачеству не ослабевала, и он добился возвращения в наш корпус уже в качестве «конского доктора».

С такими вот людьми — всех, увы, не перечесть — Червоно-казачий полк и начал свои действия в нейтральной зоне. Этот период (в Почепе, близ Новгород-Северска, затем в Мирополье, Курской губернии) продолжался до декабря. Революция в Германии, свергнувшая кайзера Вильгельма, отозвалась на Украине ускоренным разложением оккупационных войск. Бывали случаи, когда отдельные воинские части, передав оружие украинским партизанам, самовольно уезжали домой. Наиболее сознательные немецкие солдаты переходили на нашу сторону. В Червоно-казачьем полку из интернационалистов сформировали де-

ликом третью сотню. Командиром ее назначили венгра М. Маркутана, и он по справедливости завоевал славу храбреца и орден Красного Знамени. Комиссаром сотни стал А. Вареш, вскоре погибший в боях с петлюровцами.

Создались благоприятные условия для освобождения Украины от внешних и внутренних врагов. Ранее разрозненные боевые отряды были объединены в Украинскую советскую армию (две дивизии) во главе с Реввоенсоветом в составе В. А. Антопова-Овсеенко, В. П. Затонского, И. В. Сталина. В конце декабря 1918 года началось наступление. Червонцы участвовали в нем, входя в состав 2-й повстанческой дивизии. Белгород, Харьков, Люботин, Полтава, Кременчуг — вот неполный перечень городов, за которые дрались конники Примакова той зимой. В Люботине состоялся парад по случаю вручения полку правительственного подарка — Красного знамени.

Весна 1919 года знаменательна тем, что червонные казаки совершили свой первый рейд в глубь неприятельской территории. Разбив противника у села Деражня, наш полк устремился на Староконстантинов, решительной атакой захватил этот город. В открытом бою близ местечка Кузьмин на берегу озера была взята в клещи и уничтожена Херсонская дивизия генерала Луценко, насчитывавшая две тысячи штыков. Затем совместно с другим кавполком червонцы овладели Изяславом, дрались под Шепетовкой, сделали набег на Острог. Первый рейд положил начало тому оперативному искусству, в котором В. М. Примаков и его штаб, все более совершенствуясь, стали мастерами.

В бою под Шепетовкой обессмертил свое имя полусотник ингуш Рамазан. Во время разведки он, тяжело раненный, упал. К нему приблизилась группа галицийских стрелков, предложила сдаться в плен. Привычный клинок был уже бессилён, но оставался револьвер.

— Червонцы не сдаются, умирая — убивают!

Это были последние его слова, потом заговорил маузер. Стрелял Рамазан метко, нескольких врагов убил и ранил. Последнюю пулю пустил себе в висок.

Яркий поступок удивил даже жестокосердных противников. На следующий день их броневтомобиль доставил к нашему аванпосту тело героя и письмо, в котором описывалось, как погиб червонный казак.

С боями продвинувшись до западных границ, разгромив основные войска Петлюры, Червонно-казачий полк и

другие части Красной Армии должны были направиться на новый фронт — против Деникина, представлявшего большую опасность для Советской республики. 1 мая 1919 года червонцы проходили через Киев. На площади Богдана Хмельницкого их приветствовали главком В. А. Антонов-Овсеенко и члены правительства Украины. Полк выглядел значительно сильнее, чем на люботинском параде. Тогда, в январе, было три конных сотни, теперь — шесть, по 150 сабель в каждой. В строю находились две четырехорудийные батареи, конно-пулеметная команда с 40 «максимами», велосипедное подразделение в 120 машин.

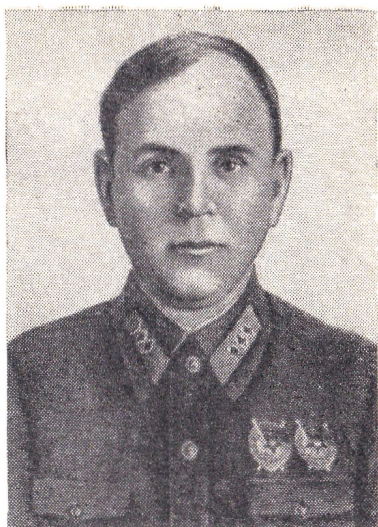
Полковые рамки становились тесными, все сложнее было управлять разросшимися подразделениями. Дело шло к развертыванию в бригаду. Это вскоре и произошло. А пока — три месяца упорных боев на подступах к Харькову и Полтаве, в районе Константинограда (ныне Красноград). Червонная конница прикрывала отход пехотных частей и эвакуацию ценного имущества, совершила дерзкий рейд в деникинский тыл, к станции Кегичевка, дорого стоивший врагу, смертельно билась на берегах Орчика с Железной бригадой генерала Геймана, переброшенной сюда с царицынского фронта.

В этих арьергардных боях и при отходе червонцы вбирали в себя мелкие конные отряды, действовавшие на свой страх и риск. Полк вырос таким образом до 1500 сабель. Дальше откладывать вопрос о бригаде было уже невозможно, и она родилась, Червонно-казачья бригада, 14 августа 1919 года. Командные кадры: комбриг В. Примаков, его заместитель А. Багинский, начальник штаба С. Туровский. Был образован ревтрибунал бригады под председательством Павла Петровича Порубаева. Командиром 1-го полка назначили П. Григорьева, 2-го — П. Потапенко. Их помощниками стали Федор Спасский и Ислам Макеев. Среди сотников и взводных выделялись Никифор Кобзарь, Василий Хлебцов, Владимир Гриценко, Федор Ефименко, Сергей Глот, Павел Лисевич, Павел Шелейко, Александр Карпенко.

Новые командиры полков вполне заслужили оказанное им доверие.

Петр Петрович Григорьев, сын рабочего Кронштадтского порта и сам рабочий Николаевской железной дороги, имел за плечами фронтовой опыт германской войны — был на передовой позиции с 1-м Московским дра-

гунским полком, в котором служил с 1913 по февраль 1918 года. Слыл солдатом непокорным, строптивым. Раз его приговорили даже к расстрелу, да спасли ордена, полученные им за храбрость. После свержения самодержавия унтер-офицер Григорьев выдвигался на выборные посты, перед Октябрьской революцией являлся членом комитета 5-й армии. В червонное казачество он прибыл рядовым в начале 1919 года прямо с 3-го Всеукраинского съезда Советов, в апреле был назначен полусотником, а в июле

П. П. Григорьев

помощником комполка. В красноармейской среде принято было называть друг друга по фамилии с прибавлением слова «товарищ», а вот Григорьева почему-то все звали по имени и отчеству. Исключение привилось, видно, в знак особого к нему расположения. «Сноровка и успех — вот мои родители», — шутил Петр Петрович. Другое его любимое присловье: «Нельзя силой — возьмем хитростью». Примаков про него писал: «Лихой кавалерист, удалец, спокойный в бою, бешеный в атаке, он сразу стал любимцем казаков. Среднего роста, чуть медлительный в движениях и речи, как огонь подвижной в бою — таков Григорьев».

Пантелеймон Романович Потапенко, кузнец по профессии, родом из деревни Елканка, Барвенковского уезда, прошел несколько иную, чем Григорьев, жизненную школу. В 1907 году он участвовал в вооруженном восстании в Горловке, был за это осужден на каторгу, которую отбывал в Орловском центральном. Старый большевик, душевно относившийся к людям, очень хозяйственный командир, он заслужил у бойцов уважительное прозвище «батько». Почти год до нового назначения Потапенко возглавлял разведывательную сотню, которая всегда первой сталкива-

П. Р. Потапенко

лась с противником, а это что-нибудь да значит для характеристики человека. И еще деталь: была у него в полку одна сотня почти целиком из земляков-барвенковцев, командовал ею младший брат Пантелеймона Романовича, а их отец заведовал полковым хозяйством.

В августе 1919 года бригада вела оборонительные бои на черниговском участке. Родные места многих червонцев вновь дали такое пополнение, каким можно только гордиться. Военно-политическим комиссаром бригады стал Евгений Иванович

Петровский. Пришли младший брат Примакова Владимир, в дальнейшем выросший до командира полка, и комсомолец Даниил Самусь, ставший позже помощником комбрига и погибший славной смертью на берегу Збруча. В тот же период влился в червонные ряды Харьковский запасный кавполк — и с ним Василий Гаврилович Федоренко, скатеринославский крестьянин, подпрапорщик кирасирского полка, георгиевский кавалер, ротный командир повстанческого отряда периода немецкой оккупации. И среди червонцев он нашел достойное признание, став потом командиром полка.

Военкомбриг Петровский крепко взялся за налаживание партийно-политической и воспитательной работы. Во всех подразделениях были созданы коммунистические ячейки. В бригаде тогда насчитывалось более ста членов РКП(б) и полтораста сочувствующих — немалое по тем временам число.

К осени 1919 года угрожающее положение сложилось под Орлом, куда уже подкатилось рвавшееся к Москве декинское войско. По директиве главкома С. С. Каменева перебрасывались на орловское направление наиболее крепкие части с других участков. Так, с Западного фронта

прибыла Латышская стрелковая дивизия под командованием А. А. Мартусевича (его сменил вскоре Ф. К. Калинин), из 12-й армии была переведена сюда Отдельная пластунская бригада П. А. Павлова, из-под Чернигова переброшена и наша бригада червонного казачества. Так была организована ударная группа, которая совместно с частями 13-й и 14-й армий готовилась нанести контрудар по деникинским войскам. Советская ударная группа сражалась на том участке, где действовал 1-й армейский корпус генерала Кутепова, включавший в свой состав четыре отборные дивизии. «Ударники против ударников» — говорили тогда про это жестокое решающее столкновение.

Затянувшаяся на целый месяц упорная борьба в районе города Кромы проходила с переменным успехом. Под напором противника пал Орел, но через неделю снова был взят Красной Армией. Обе стороны несли большие потери. У латышских стрелков и пластунов вышло из строя 30—40 процентов личного состава, червонцы потеряли убитыми и ранеными до 400 бойцов и 600 коней.

В условиях, когда наша ударная группа истощалась, а корпус Кутепова получал подкрепления, требовалось предпринять что-то особенное, неожиданное, что в корне изменило бы обстановку. Такой операцией явился предложенный Примаковым прорыв конницы в неприятельский тыл. Как проходили рейды на Понеры, Фатеж, на Льгов, рассказывают другие товарищи, мне хочется лишь подчеркнуть, что эти рейды вырвали инициативу у врага, вынудили его сначала перейти к обороне, а затем и к поспешному отступлению на юг.

Мы, ветераны червонного казачества, гордимся тем, что за нашими боевыми действиями под Орлом внимательно следил Владимир Ильич Ленин. Ему хорошо был известен, в частности, весь ход первого кавалерийского рейда, о чем его извещал Серго Орджоникидзе в письме от 6 ноября 1919 года:

«Дорогой Владимир Ильич! Пользуясь случаем, сообщая Вам кое-что о положении наших дел на Южфронте, в частности в районе нашей армии (14-й). 3 ноября в 6 часов нам удалось прорвать фронт противника в районе шоссе Кромы — Фатеж. В прорыв пустили кавалерию Примакова, которая 3 же ноября сумела взорвать мост на реке Свапе и двинуться на посток к ст. Понеры железной дороги Орел — Курск. По пути Примаковым разбит

3-й дроздовский полк, захвачена батарея, девять пулеметов, обоз. Пехотные части в этом же направлении продолжают наступление, но с конницей связи уже нет, она далеко в тылу у противника, полагаем, что они побывали в Фатеже. На этом участке были сосредоточены лучшие силы противника — марковские, корниловские, дроздовские и полк Алексева. Этой группе была дана задача до зимы захватить Москву. Из Орла они из наших рук ускользнули, дав нам потрепать довольно сильно 2-й корниловский полк и батальон марковского полка... Сейчас мы наблюдаем, как корниловские и марковские полки не выдерживают удара латышей...

Только что (6 XI) получил донесение от Примакова, и наши ожидания больше чем оправдались...

На этом участке противник безусловно деморализован, но довольно сильно нажимает на другом участке: Севск — Дмитриев. Если нам удастся парировать этот удар, тогда мы одерживаем крупную победу. Вообще на всем Юж-фронте мы накануне больших событий. Думаю, что Деникина разобьем, во всяком случае о Москве он должен перестать думать. Ваш Серго».

Ноябрьские операции червонные казаки осуществляли уже как 8-я кавалерийская дивизия, образованная приказом по 14-й армии от 21 октября 1919 года. Прежнюю нашу бригаду называли 1-й, ее командиром стал П. П. Григорьев. 2-ю бригаду составили Кубанский и Латышский полки, команду над нею принял латыш Ян Кришьян. Штаб бригады червонного казачества стал штабом 8-й дивизии (начдив Примаков, военкомдив Петровский, начштаба Туровский, начтыла Багинский и другие).

Вторую годовщину Октябрьской революции мы встречали в районе села Сабуровка, где после трудного рейда соединились с наступавшими частями Латышской стрелковой дивизии. Был получен и зачитан перед строем праздничный приказ по 14-й армии от 8 ноября 1919 года. Всем нам лестно было услышать похвальное слово за наши ратные дела. Вот что говорилось в этом документе:

«Солдаты Красной Армии! Последний месяц вам выпала высокая честь преградить путь на Москву дерзкому врагу, кровавому царскому генералу Деникину. Взоры миллионов трудящихся с напряженным вниманием прикованы к вам. Несмотря на невероятные трудности, холод и распутицу, снежную метель, вы, красные герои, за этот

месяц не только остановили продвижение денкиппских банд, но выхватили из их рук Орел, Кромы, Дмитровск, Севск. В ожесточенных боях, доходивших до штыковых ударов, разгромили его лучшие отборные офицерские полки генералов Корнилова, Маркова, Алексеева, дроздовскую дивизию и отбросили их на 80 верст от Орла, забрав много пленных, винтовок, пулеметов и орудий.

В этих боях вечной славой покрыли себя части Латышской дивизии и 8-й кавалерийской дивизии червонного казачества. Реввоенсовет 14-й армии, гордясь вашими подвигами, шлет вам, беззаветные защитники рабоче-крестьянской России, свое братское спасибо».

В боях дивизия закалялась духовно, росла количественно. В конце декабря в ее состав вошла 11-я кавбригада, ставшая 3-й червонно-казачьей, под командой П. А. Сметанникова. По пятам отступавшего противника двигались червонцы в южные районы Украины и вышли к Азовскому морю.

С февраля по апрель 1920 года дивизия вела бои у Перекопского перешейка, за валом которого укрылось войско барона Врангеля, пополненное изгнанными с Кубани остатками Добровольческой армии Деникина. Сложный, тяжелый период. Чуть ли не ежедневно схватки то с белогвардейским десантом, то с вырвавшейся из Крыма кавалерией Морозова, то с бронированной невидалью — английскими танками. Бывало всякое: и пробивались за укрепленную линию противника, и с великим усилием удерживали свои позиции. Особенно трудными были дни 14—17 апреля, когда из наших рядов убитыми и ранеными вышло около 100 человек командного состава и до 500 рядовых. Дивизия, насчитывавшая 1500 сабель, после трехдневной битвы имела их только 960. Эти горестные потери не восполнить ничем, не в утешение даже богатые трофеи и полторы тысячи пленных врангелевцев.

По приказанию командарма 13 для отдыха и пополнения дивизия была отведена в села Адамань и Чурюм. Развернулась мобилизационная работа: закупались лошади, в глубинных районах Украины вербовщики набирали добровольцев. В частях и подразделениях шло обучение личного состава.

И тут разразилась гроза на западе: против Советской страны выступила войной белопанская Польша.

Для укрепления Червонно-казачьей дивизии, которой

предстоял новый боевой поход, в ее состав включили 13-ю Отдельную кавбригаду В. И. Микулина.

В структуре дивизии произошли некоторые изменения. Сводную бригаду кубанцев и латышей расформировали, ее бойцы влиты в другие полки, комбриг Ян Кришьян отозван в штаб армии. Бригада Петра Сметанникова стала 2-й, бригада Владимира Микулина — 3-й. Соответственно изменилась нумерация полков. В конце мая 1920 года тремя походными колоннами, со всем вооружением и обозным хозяйством, червонцы отправились на борьбу против белополяков.

К этому времени военный успех был на стороне противника. Вооруженное и экипированное щедрой Антантой польское войско, поддержанное петлюровцами, захватило значительную территорию. На севере Украины враг вышел к Днепру в районе Киева, даже форсировал его, ведя бои у станции Бровары, а на юге линия фронта проходила по берегам Буга. Опасность создавалась огромная. Советским командованием на Украину перебрасывались боеспособные войсковые части: с Северного Кавказа — 1-я Конная армия, из Заволжья — 25-я Чапаяевская дивизия, с Урала — Башкирская кавбригада.

Червонно-казачья дивизия из-под Перекопа дошла до Каховки, переправилась на баржах через Днепр и двинулась на Подолию по маршруту Вознесенск, Голта, Голованевск. Восьмисоткилометровый марш был хорошо рассчитан и умело организован. Передвигались походным порядком быстро, но без переутомления коней и бойцов, своевременно делались привалы. Основная масса населения встречала червонцев приветливо, дружелюбно. По пути обновлялся и пополнялся конский состав, велась закупка продовольствия и фуража. По прибытии в район сосредоточения дивизии был устроен смотр. Командующий 14-й армией И. П. Уборевич признал состояние ее вполне удовлетворительным. Личный состав дивизии искренне радовался, что вновь будет в подчинении «своего» командарма, под началом которого так успешно были денкишцев под Орлом. Для Уборевича же две тысячи сабель означали крупное пополнение его малочисленной армии.

Во время перехода, перед новыми боями проводилась большая политическая работа. Нельзя было не учитывать, что в украинских селах издавна на труде местных крестьян наживались польские паны — помещики, сахарозавод-

чки и вековечно в сердцах украинцев кипела ненависть к «ляхам». Требовались немалые усилия политработников, чтобы выявить классовый, а не национальный характер начавшейся войны. Этому благоприятствовало то, что в наших рядах служили комиссар бригады Альберт Гендероте — текстильщик из Лодзи, командир полка Иван (Ян) Хвистецкий — шахтер из Домбровского каменноугольного района, сотник Генрих Добровольский — рабочий и многие другие сыны трудовой Польши, которые вместе с русскими, украинцами, латышами шли сражаться против польской буржуазии, являя собою яркий пример пролетарского интернационализма. Червоныне казаки, особенно те, у кого семья, родной дом остались на оккупированной территории, неустоиво рвались в бой.

Нашим противником здесь были части 6-й польской армии генерала Яна Ромера. Первые схватки произошли у села Старая Синява в двадцатых числах июня. Оборонительная линия неприятеля вдоль реки Иква была оборудована окопами полного профиля, проволочными заграждениями в четыре ряда. Взять ее, не располагая техническими средствами, не удалось. А прощупали белополяков крепко. 28 июня они, контратакуя Сводную дивизию П. А. Солодухина, вышли из-за укрытий, стали наступать к селам Шпичинцы и Чешки. Пять батальонов Познанской дивизии шли в надежде на успех. И попали под клинки червоццев 2-й и 3-й бригад, ударивших в лоб и с флангов. От семи вражеских батальонов осталось четыреста пленных, остальные были зарублены.

В том бою погиб командир 4-го червоно-казацкого полка Степан Николаевич Новиков. Убили его, когда он с горсткой казаков прорвался сквозь цепи познанских стрелков. Чтобы отбить у врага тело любимого командира, весь полк повторил атаку.

На польском фронте было решено применить испытанный прежде против петлюровцев и денкинцев маневр — глубокий рейд. Под Старой Синявой попытка пробить укрепления с ходу потерпела неудачу. Штаб 14-й армии приказал В. М. Примакову перейти в район города Бар. Там вечером 3 июля группа бронепоездов и пехота 60-й дивизии прорвали фронт в районе станции и села Комаровцы, и в эту брешь устремилась 8-я Червоно-казацкая.

В прифронтовом селе Гришки колонну конных полков провожал в рейд, сердечно напутствуя, И. П. Уборевич.

Наш путь лежал к Проскурову (ныне областной центр Хмельницкий). В Проскурове находился штаб 6-й польской армии, а в соседнем Черном Острове — база снабжения. Атаковали оба города одновременно ранним утром 6 июля: 3-я бригада В. И. Микулина брала Проскуров, 1-я бригада П. П. Григорьева — Черный Остров. 2-ю бригаду начдив оставил в резерве, только один дивизион 4-го полка отправился с Микулиным. Этот день обошелся врагу в тысячу убитых, в числе которых оказались три генерала и зачем-то захавший сюда на автомобиле варшавский министр. Червонцы захватили тогда триста вагонов с разным военным добром. Армейский штаб белополяков был разгромлен, командующий граф Ромер успел удрать на аэроплане, а бронеотряд прорвался на Волочиск.

Донесение об итогах трех дней рейда было отправлено из Черного Острова, где остановился наш штадив, в штаб 14-й армии по радио. Ответной радиogramмой командарм благодарил нас и приказал ударить в тыл староконстантиновской группировке, угрожавшей флангу конармии С. М. Буденного.

В последующие два дня червонцы вели жестокий бой с частями 13-й пехотной дивизии, отрезанной от своей армии и отходившей к Волочиску, за реку Збруч. Противник понес большие потери, но и из наших рядов выбыло более ста человек.

Задача, поставленная командованием, была выполнена. В приказе по 14-й армии отмечалось: «8-я Червонно-казачья дивизия пятидневным рейдом по тылам 6-й польской армии... вынудила ее очистить территорию от Буга до Збруча».

Реку Збруч белополяки намеревались превратить в неприступную линию обороны, стянули сюда, особенно в район Волочиска, пехоту и артиллерию. В течение двух недель шло сражение, не давшее заметного преимущества ни той, ни другой стороне. Однажды части 60-й дивизии перешли реку у села Волчковцы, следом переправилась 1-я бригада червонцев, двинулась к Волочиску, захватила свыше ста пленных. Однако перекрестный огонь польских батарей вынудил отойти обратно. Эта вылазка стоила нам жизни тридцати казаков и помощника комбрига комсомольца Даниила Степановича Самуся.

В. М. Примаков вновь поставил вопрос о прорыве в тыл

противника. Сторонника таких рейдов И. П. Уборевича с нами уже не было, но штаб 14, хотя и не без колебаний, все-таки поддержал это предложение. 24 июля червонные казаки вновь отправились за линию фронта.

Збруч был форсирован у местечка Ожиговцы с курсом на города Збараж и Тернополь. При атаках Збаража геройски дралась 3-я бригада во главе с новым комбригом М. А. Демичевым. Честь взятия Тернополя принадлежит 2-й бригаде, которой командовал В. И. Микулин, заменив выбывшего Сметанникова. И этот — второй против белополяков — рейд дал ощутимый результат: враг по всему фронту 14-й армии вынужден был отступить за реку Серет и занять оборону по линии старых окопов.

Из района Збараж, Тернополь 8-я Червонно-казачья продвинулась севернее — в местечко Подкамень, сражалась некоторое время в составе группы И. Э. Якира вместе с 45-й и 47-й стрелковыми дивизиями, пока не настал в середине августа срок нового рейда — на Стрый, в далекое Прикарпатье. Снова путь длиною более двухсот верст, взятие городов и сел, взрывы железнодорожного полотна, уничтожение сопротивлявшихся пилсудчиков, разрушению связи высшего польского командования с его войсками.

Но стрыйский рейд, как и тернопольский, нельзя оценивать только с военной точки зрения. Теперь сражения велись на землях Галиции, где польские помещики пустили более прочные корни. Как-то отнесутся галичане к пришедшим из-за рубежа большевикам? Этот вопрос очень волновал всех. Оказалось, симпатии трудящегося населения Западной Украины целиком на стороне Советской власти. Червонных казаков, как первых ее представителей, встречали по-братски, оказывали им всяческую помощь. Многие юноши и даже девушки стремились вступить в наши ряды, чтобы вести общую борьбу с ненавистной польской шляхтой.

Военная обстановка сложилась, однако, так, что белопольская армия, подталкиваемая европейскими империалистами, стала теснить советские войска. И на Западном (Белоруссия) и на Юго-Западном (Украина) фронтах части Красной Армии отошли за свою государственную границу. С Польшей был заключен мирный договор.

1 ноября 1920 года в селе Красное, южнее Жмеринки, червонцы отметили первую годовщину существования своей дивизии: были проведены скачки на призы с уча-

ствием ста всадников от всех полков. Вечером того же дня поступил приказ о развертывании дивизии в конный корпус: к нашей 8-й присоединялись 17-я кавалерийская дивизия и Башкирская кавалерийская бригада.

Новые части, однако, оказались сильно изнуренными в минувших боях. 17-я дивизия была сформирована на Западном фронте в августе 1920 года из четырех полков, прибывших порознь из Казани. Приняв под командой П. М. Боровича боевое крещение у местечка Городец, эта дивизия за два месяца наступления и отхода понесла такие потери, что пришла к нам в составе всего двухсот сабель, с больными лошадьми и большим беспорядочным обозом. Любой из червонных полков был сильнее ее.

Отдельная Башкирская бригада имела более солидный опыт. В августе 1919 года она перешла от колчаковцев к красным, воевала на Туркестанском фронте против уральских белоказаков, затем в рядах 12-й армии гнала польских интервентов до города Холм, в сложных обстоятельствах совершала отступление. Первый ее командир Муса Муртазин, организовавший в свое время переход на сторону Красной Армии и отмеченный орденом за героизм, выбыл по ранению. Около трех месяцев бригадой командовал Александр Васильевич Горбатов. Деревенский парень из-под фабричной Шуи, начавший военную службу в 1912 году солдатом Черниговского гусарского полка, он стал к тридцати годам убежденным коммунистом, умелым и храбрым кавалерийским командиром. В строю его Башкирской бригады было до пятисот сабель.

В. М. Примакову, назначенному командиром 1-го Червонно-казацкого корпуса, С. А. Туровскому — начальнику штаба, всем сотрудникам штаба и командно-политическому составу пришлось усиленно потрудиться, чтобы в короткий срок укрепить новую дивизию. Ее полки были пополнены командирами и бойцами из кадровых червонцев; направили туда и новобранцев. Конский состав обновлялся или вылечивался. Усиленно велись строевые, политические занятия. К середине ноября, когда опять развернулись боевые действия против недобитых петлюровцев и войск генерала Перемыкина, 17-я дивизия была уже способна принять в них деятельное участие совместно с 8-й. Через некоторое время в корпус влилась Отдельная кавбригада, образованная из двух кавполков 41-й стрелковой дивизии.

Трудную и сложную задачу представляла борьба с анархистско-кулацкими бандами Махно, Палия, Тютюнника, Гальчевского, Левченко и других самозванных атаманов и батек. Переброшенные большей частью из-за кордона, они терроризировали население, зверски расправлялись с партийно-советскими работниками, безжалостно уничтожали народное добро. Ликвидация таких банд тре-

Е. И. Петровский, М. А. Демпчев и И. Я. Самойлов (слева направо)

бовала особого тактического умения и стоила немалой крови. Но верные сыны Советской Родины — червонные казаки и на этом фронте проявили отвагу и решимость.

Летом 1921 года по ходатайству Киевского губревкома Реввоенсовет Республики присвоил Червонно-казачьему корпусу наименование «Киевский». Это событие сопровождалось вручением Красного знамени и специальной грамоты, в которой председатель губревкома Ян Гамарник отмечал кровную связь червонцев с киевским пролетариатом. В августе 1921 года «за особые заслуги перед рабоче-крестьянской властью в героической борьбе с врагами революции» по приказу РВСР 1-му конному корпусу червонного казачества было присвоено почетное имя Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета.

Осенью 1922 года произошла реорганизация корпуса в соответствии со штатами мирного времени. В дивизиях вместо трех стало по две бригады, некоторые полки рас-

формированы, слиты с другими. Дивизии получили названия в честь украинских городов, с которыми связан боевой путь червонцев. 8-ю дивизию называли 1-й Запорожской. Командовал ею Михаил Афанасьевич Демичев, а бригадами — бывший военкомдив Евгений Иванович Петровский и бывший комполка Иван Яковлевич Самойлов. 17-я дивизия (некоторое время ее возглавляли В. И. Миккулин и Г. И. Котовский) была переименована во 2-ю Черниговскую. С весны 1921 года дивизию принял Дмитрий Аркадьевич Шмидт, который раньше, командуя 5-м стрелковым полком, не раз взаимодействовал с червонцами. С 1924 года начдивом 2 стал прославленный герой боевых походов Петр Петрович Григорьев (позднее, в 30-х годах, он командовал механизированным корпусом). На должность комбрига здесь выдвинут Федор Дмитриевич Спасский — бывший комиссар и командир полка, окончивший Высшую кавалерийскую школу.

Каждый полк тоже получил название и поддерживал шефскую дружбу со своим городом. 1-й полк, тот, что в январе 1918 года заложил основу червоного казачества, был назван Мариупольским. Во главе его после Григорьева были Ф. Спасский, Павел Беспалов, Вл. Примаков, а в 1922 году Иван Никулин. 2-м Бердянским после Потапенко, уехавшего на Высшие кавкурсы, командовал до 1923 года Альберт Генде-Роте. 3-й Криворожский (образован из 5-го Алатырского и 6-го полков) возглавлял Иван Иванович Щербаков. Это рязанский крестьянин, уроженец села Никитино, Зарайского уезда. В старое время он служил гусаром 18-го Нежинского полка, за боевые отличия на германском фронте произведен в прапорщики. В Красной Армии выдвинулся со взводного сразу на пост помкомполка алатырцев. За разгром крупной банды награжден орденом. В 1921 году ему было 30 лет. Его помощником явился Дмитрий Михайлович Хлопъ — боевой червонец, удостоенный ордена к 10-летию РККА, когда он уже работал в Проскуровском финотделе. Командиром 4-го полка, названного Ново-Ушицким, был Василий Федоренко, о котором рассказывалось, когда речь шла о присоединении к нам харьковских кавалеристов под Черниговом. Перечисленные выше полки входили в 1-ю дивизию. А 2-ю Черниговскую составили: 5-й Литинский (командир Игнатий Карпезо), 6-й Лубенский (помощник командира Иван Хвистецкий), 7-й Полтавский (командир

Илья Дубянский) и 8-й имени Башкирского ЦИК (командир Александр Горбатов) полкя.

При дивизиях имелись конно-артиллерийские дивизионы. Одним из них в течение четырех лет, до демобилизации в сентябре 1922 года, командовал ветеран червонец М. О. Зюк (после него В. Г. Тихонов), другим, сформированным в июле 1920 года в 57-й дивизии, — Б. П. Осипов.

Была создана школа младшего комсостава, которой руководили И. Ф. Хвистецкий, И. И. Карпезо, В. А. Кушаков.

Следует сказать, что летом 1921 года к нам прибыла группа товарищей из Чапаевской дивизии. Среди них были близкий друг В. И. Чапаева Иван Константинович Бубенец, отличившийся в боях с белополяками Эрнест Михайлович Лепин и Петр Семенович Евлампиев, бывший комиссаром поочередно трех чапаевских полков. В Червонном корпусе первый командовал бригадой, второй — Лубенским полком, третий стал военкомом штаба Запорожской дивизии.

Политическую работу в корпусе возглавлял Исаак Израилевич Минц, ныне известный советский историк, академик. Будучи знаком с червонцами с января 1919 года, когда они еще как полк входили во 2-ю повстанческую дивизию, где он был военкомом, И. И. Минц на посту помощника комкора приложил много усилий для воспитания командного состава и всех бойцов на ленинских идеях советского патриотизма. Под его руководством работали политические отделы дивизий, комиссары частей, редакция газеты «Червонный казак».

Среди политработников того времени, помимо известных по этой книге имен, должны быть названы военком 7-го полка Корнелий Афанасьевич Новосельцев (уроженец смоленской деревни Жулино, путиловский рабочий, член партии с весны 1917 года, недавно скончался в Подмоскowie) и ныне здравствующий в Ялте Петр Зиновьевич Скугоров — большевик с февраля 1919 года, бывший заместитель комиссара полка и инструктор политотдела.

В воспоминаниях ветеранов (да и в иных исследованиях) нередко бывает так, что ход и результаты какой-либо операции показываются основательно, отдельные эпизоды описываются с подробностями, а вот роль штаба и его сотрудников авторы — без умысла! — почти не раскрывают. Мне хотелось бы избежать этого, отметив по до-

стоинству тех, кто в червонном казачестве приложил немало энергии и ума для достижения боевого успеха.

Про начальника штаба С. А. Туровского не зря говорили: «паш мозг». Все боевые операции и маршруты дальних переходов, которые провела украинская конница за три года гражданской войны, все оперативно-тактические учения в мирное время разрабатывались штабом с неизменной тщательностью, продумывались до мельчайших деталей. Туровский и Примаков, революционные соратники еще с гимназической поры, понимали друг друга с полуслова, во всем доверяли друг другу. И каким бы сложным и дерзким ни казался замысел командира — а дерзать приходилось часто, — начальник штаба умел претворить его в четкий план действий. А ведь был он тогда совсем еще молодым (родился в 1895 году).

Несколько лет, будучи в штабе начальником разведки, я имел возможность наблюдать безмерную работоспособность Семена Абрамовича, его по-настоящему человечный характер. В крестьянской ли хате, под буркой ли у стога сена, он, бывало, колдует, сосредоточенно и серьезно, над оперативной картой, обдумывая все «за» и «против» в предстоящем деле. Но вот, отложив карандаш и бумаги, произнесет что-нибудь веселое, задорное, окружающие тоже оживятся, а он, продолжая шутить, вдруг выскажет такую идею, что все только ахнут, удивленные неожиданностью ее и смелостью.

Превосходным качествам Семена Туровского (мы звали его дружески Ионей) подражали, можно сказать, все сотрудники полевого штаба. Было нас немного, но каждый старался как можно лучше и быстрее выполнить свои обязанности. В условиях отнюдь не канцелярских, а чаще всего верхом на коне, при бинокле, с минимумом бумаг в планшете штабник-червонец стремился быть и, как правило, всегда был в курсе ведущегося боя, совершаемого похода. Это помогало направлять ход событий так, как задумывалось, как того требовал приказ командования.

И еще следует заметить, что основной состав работников штаба оставался неизменным, и это очень способствовало слаженности, взаимопониманию.

Оперативной частью ведал Самуил Шильман — двадцатилетний юноша, но уже достаточно зрелый в жизни и борьбе. Он участвовал в революционном кружке черни-

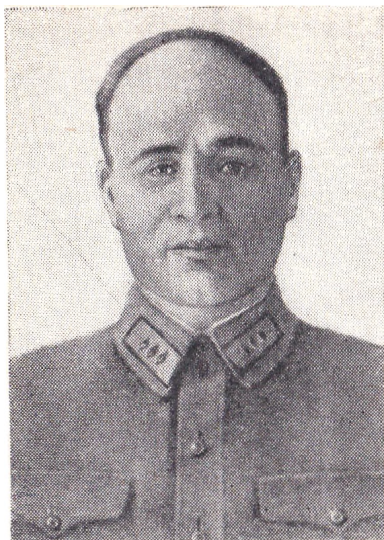
говских гимназистов. Членом большевистской партии стал в сентябре 1917 года, а в Октябрьские дни был красногвардейцем. Во время немецкой оккупации Украины оставался на подпольной работе, организовал транспортировку оружия через нейтральную зону. Арестованный и осужденный за это, полгода сидел в кааторжной тюрьме Харькова, и лишь решительный штурм города Красной Армией спас его от неминуемой белогвардейской расправы. В начале марта 1919 года Самуил Львович вступил в Червоный полк

И. И. Милд

(в районе Бердичева), служил рядовым казаком в пятой сотне, в августе стал адъютантом штаба бригады, а в октябре приступил к оперативным делам в штадиве. Храбрый воин, энергичный работник, добрый товарищ. Я очень рад, что и спустя полвека встречаю старого друга в Москве.

Административным отделом руководил Яков Григорьевич Рубинов. Сын лесопромышленника, в царское время он мог бы, наверное, сделать карьеру. Занимался на юридическом факультете. Но империалистическая война оторвала от учебы. Мобилизованный в армию, Рубинов попал сперва в 74-й запасный полк, потом в Алексеевское военное училище (в Москве). Революционные события заставили его по-новому взглянуть на прошлое и выбрать дальнейший путь. В августе 1917 года, находясь в Сызрани, молодой прапорщик встал в ряды большевиков. Вскоре его избрали секретарем Военно-революционного комитета, он организовывал отряды Красной гвардии, участвовал в разоружении следовавших через Сызрань эшелонов оренбургского и сибирского казачества. Летом 1918 года был арестован белочехами, сумел бежать из-под стражи и возглавил Сызранский красногвардейский отряд, участвовав-

Я. Г. Рубинов

ший в подавлении чехословацкого мятежа. Годом позже Рубинов приехал на Украину, работал в городе Козелец, помогал становлению Советской власти. Когда на черниговском участке происходили тяжелые оборонительные бои с денкивцами (август 1919 года), он с группой партийцев был направлен губкомом РКП(б) в Червонный полк, развертывавшийся в бригаду. Горячий, подвижной, волевой, Яков Григорьевич вообще, кажется, не знал, что такое уныние и усталость. За какое бы дело ни брался, он отдавался ему с

вдохновением. Одно время, месяца два-три, Яков отвечал за пополнение конского состава. Сравнительно несложная и мирная работа превращалась порою в настоящий бой. Частыми были, особенно в Золотоношском уезде, стычки со злыми кулацкими бандами, и немало ремонтеров погибло от вражеских пуль и шашек. И все же за короткий срок дивизия получила до двух тысяч лошадей, так ей необходимых. В 1921 году Я. Г. Рубинова командировали на учебу в Военную академию РККА. В дальнейшем он работал в Генеральном штабе, умер в конце 30-х годов.

Комендантом штаба длительное время был Смоляров Александр Прокофьевич. Когда летом 1918 года он присоединился к червонцам, это был уже опытный, успешный повидать жизнь мужчина двадцати шести лет. Еще подростком он вынужден был отправиться в Донбасс. Начиная с бурного девятисот пятого года прошел за восемь лет все ступени рудничного «университета» — работал лампоносом, коногоном, забойщиком. Достигнув призывного возраста, в 1913 году попал рядовым в 76-й Кубанский пехотный полк. Солдатская муштра не выбила из парня вольный шахтерский дух, а революция ускорила идейное созревание. Вернувшись после роспуска царской

армии в свое родное село Мефедовка, Александр вступил в партизанский отряд, воевал против немцев и гайдамаков. В Червонном полку нашлось ему дело по душе и умению. Как местный житель, хорошо знающий все окрест, занялся он подбором годных к строю лошадей, учетом фуражных ресурсов, доставкой прибывавших по железной дороге грузов и т. п. Пять лет, до 1923 года, прослужил А. П. Смоляров в червонном казачестве, прочно утвердив за собой репутацию честнейшего, неутомимого, заботливого человека. Ныне Александр Прокофьевич пенсионер, живет в Харькове.

А. П. Смоляров

Эти мемуарные заметки будут неполными, если не сказать хотя бы несколько слов о том, как высоко оценивалась боевая доблесть червонного казачества. В первую свою годовщину червонцы получили Красное знамя от правительства Советской Украины. За успешные действия под Орлом Реввоенсовет Республики в декабре 1919 года наградил 8-ю дивизию Почетным знаменем революции, а за бои под Перекопом нашу дивизию памятным знаменем отметил Петроградский Совет. Особой почести удостоился 1-й Мелитопольский полк — решением ВУЦИК от 7 марта 1921 года он награжден орденом Красного Знамени. Эта старейшая часть Червонного корпуса хранила у себя также штандарт, врученный Александрийским Советом за освобождение города от петлюровцев. Двум полкам — 2-му (за рейды в деникинский тыл) и Алатырскому (за набег на Тюн-Джанкой в Крыму) — Красные знамена вручил Реввоенсовет 14-й армии.

Несколько таких наград конный корпус и отдельные его части получили после гражданской войны от своих шефов — Всеукраинского ЦИК, комсомола Украины, со-

петских организаций Подолии, Мелитополя, Летичевского уезда, Башкирской АССР.

С гордостью вспоминают ветераны двадцатые годы, когда над Запорожской дивизией шефствовала Коммунистическая партия Франции и над Черниговской дивизией — Коммунистическая партия Германии. Это было признанием интернациональных заслуг червонцев, внесших свой боевой вклад в укрепление дружбы народов. Их гостями бывали видные деятели международного коммунистического рабочего движения. В 1928 году Марсель Кашен, приехав в Проскуров, несколько дней провел среди командиров и бойцов подшефных частей. Знаменательным было посещение 2-й дивизии Вильгельмом Пиком в 1926 году. Тогда за товарищеским обедом в Изяславе он, сидя рядом с комбригом Горбатовым, провозгласил тост за встречу в социалистическом Берлине. И пожелание сбылось: в 1945 году президент Германской Демократической Республики Вильгельм Пик действительно встретился с советским комендантом Берлина генералом А. В. Горбатовым.

В знаменательный праздник десятилетия РККА 1-я Запорожская червоного казачества дивизия имени Французской компартии получила Почетное революционное знамя Реввоенсовета СССР. В десятую годовщину своего существования эта дивизия постановлением Центрального Исполнительного Комитета награждена орденом Красного Знамени. По этому поводу был издан специальный приказ РВС № 373 от 29 ноября 1929 года, отмечавший боевой путь червонцев и их верность славным традициям. Тогда же сессия Всеукраинского ЦИК удостоила дивизию республиканской награды — ордена Трудового Красного Знамени. Пять лет спустя, 1 декабря 1934 года, Президиум ЦИК Союза ССР постановил наградить 1-ю Червонную дивизию орденом Ленина за достигнутые успехи в боевой и политической подготовке, активное участие личного состава в социалистическом строительстве и отмечая ее боевые заслуги в период гражданской войны.

Два десятилетия червоное казачество твердо стояло на страже Советской страны. В конце 30-х годов совершенствование боевой техники вызвало реорганизацию войсковых соединений. На базе 1-го конного Червоноказачьего был создан мотомеханизированный корпус. Ди-

низши были переименованы: 1-я Запорожская — в 32-ю кавалерийскую, 2-я Черниговская — в 34-ю.

Служба в червонном казачестве явилась прекрасной школой для многих тысяч советских воинов. Из их среды вышло немало военачальников, политработников, командиров, которые доблестно и умело сражались на фронтах Великой Отечественной войны. И поныне ветераны-червонцы все свои силы, знания, жизненный опыт отдают делу процветания и укрепления Советской Родины.

ПЕРШИЙ КУРІНЬ

Мы с В. М. Примаковым ночевали в той комнатухе, где помещалась касса Народного Секретариата. Это были первые недели Советской власти на Украине, и выполнение членами Центрального Исполнительного Комитета обязанностей простых караульных отнюдь не было редкостью.

Вообще это было любопытное время. В Харькове находилось Советское правительство, а рядом продолжали существовать органы мелкобуржуазной Центральной рады, даже оставались вооруженными ее воинские части, выходила шовинистическая газета. Понятно, что такое положение не могло долго быть терпимо.

В тот памятный вечер, 27 декабря 1917 года по старому стилю, Виталий сказал:

— Ты лучше не раздевайся, предстоит интересное дело ночью.

— А что, уж не готовится ли нападение на кассу?

— Нет, на этот раз мы, пожалуй, сами нападать будем.

Меня это несколько удивило. На Дону в это время шла вооруженная борьба с корниловцами, в Харькове поэтому находился штаб наркома по борьбе с контрреволюцией В. А. Антонова-Овсеенко, но сам по себе Харьков был в достаточной мере уже очищен, корниловских банд поблизости не было... На кого же мы собираемся нападать? О возможности вооруженного столкновения с Центральной радой я не подумал. Тут пока обе стороны держались выжидательной тактики, хотя до нас доходили слухи о мелких стычках в Одессе, Екатеринославе, о бесчинствах гайдамаков в Киеве.

Виталий разрешил мое недоумение:

— Будем разоружать второй Украинский полк.

Я знал, что Примаков уже ведет работу по разложению этого полка, что есть у него там «свои ребята». Поэтому поразительно простым и легко осуществимым оказался разработанный им план разоружения.

— Девятая и одиннадцатая роты совсем наши. Мы, значит, пройдем в казарму, арестуем дежурного офицера, раздадим солдатам патроны. Сопротивления можно ждать только со стороны пулеметной роты. Но мы из окон обстреляем пулеметчиков и сразу терроризируем их.

— А офицеры?

— Офицеры будут спать либо пьянствовать после спектакля, который сейчас закончится в полковом клубе.

— Но ты говоришь, что только две роты наши. Справимся ли мы со всем полком, если сопротивление все-таки будет оказано?

— В полночь придет военный комендант города Войцеховский с бронемашинами, он и будет руководить разоружением. А до этого руководство операцией возложено на Шарова.

Около полуночи мы отправились на Москалевку, в казармы 2-го Украинского полка. Мы были в серых шинелях и форменных фуражках.

— Часовой наш? — справился я у Примакова.

— Нет, незнакомый. В случае чего свяжем.

Однако обошлось благополучно. Часовой дремал и не заметил выглядывавших из-под солдатской шинели штатских брюк.

Прошли в помещение 9-й роты. Примаков разыскал знакомых солдат, мы собрали их в кружок и беседовали, обсуждая план действий. Затем собрали всю роту, раздали винтовки, патроны.

Настроение солдат было бодрое. Все они ставили лишь одно условие: чтобы по окончании операции из них была сформирована советская украинская часть.

Вскоре приволокли испуганного дежурного офицера, арестованного и обезоруженного. То же было сделано и в 11-й роте.

Во всем этом нам помогал пришедший из города Шаров. Но поведение его нам не нравилось. Держался он трусливо, о чем-то шептался тайком с наименее выдер-

жанными солдатами. Когда я обратил на это внимание Примакова, он резко ответил:

— Раз на него возложено командование, наш долг подчиняться! — Потом добавил более спокойно: — Мы с тобой не будем оставлять его ни на минуту. Если заметим подозрительное, попросту пристрелим. А я попытаюсь забрать инициативу в свои руки.

Я невольно залюбовался Примаковым: уже в те минуты в нем чувствовался будущий «железный рыцарь».

Время шло, а приступить к разоружению остальных рот и к обстрелу пулеметчиков мы не могли, так как это должно начаться лишь с прибытием бронемашин. Очевидно, что-то их задержало. Уже половина второго ночи. Солдаты стали нервничать. Поведение Шарова становилось все более подозрительным. Один лишь Виталий не падал духом, подбодрял солдат и постепенно подчинил их своему влиянию. Все уже смотрели на него как на начальника, Шаров же бледнел в их глазах.

2 часа... Минуты тянутся мучительно долго. Неужели неудача?.. Вдруг у ворот казармы послышался шум, захрипели моторы бронемашин, затрещали выстрелы. Приехали! Пора начинать и нам.

Шаров ступевался совершенно. Командовать стал Примаков. По его команде все мы бросились к окнам, дали несколько залпов... И тут-то обнаружилась любопытнейшая вещь. Только в тот начальный период гражданской войны возможно было подобное. Оказалось, что окна помещения 9-й роты выходят в сторону, противоположную казарме пулеметчиков. Мы, следовательно, стреляли впустую. План вырабатывали Войцеховский и Шаров, а мы все были столь увлечены мыслями о предстоящем выполнении этого плана, что не подумали даже проверить заранее его осуществление.

Но Примаков и здесь нашелся. Выстроив 9-ю и 11-ю роты, он быстро вывел их во двор. Там шла беспорядочная, частая стрельба в абсолютной темноте. Расположения зданий никто из нападавших не знал. Стреляли куда попало, во все окна и двери. Мы, таким образом, очутились под перекрестным обстрелом. Среди солдат вновь началось брожение:

— Что ж они, разэтакие, по своим стреляют?!

Только уверенный, начальнический тон Примакова да находчивость и правильность его приказаний успокоили

солдат. Вытянув отряд цепочкой вдоль стен, Примаков вывел нас на позицию, откуда мы могли обстреливать пулеметчиков. И вскоре наши залпы присоединились к хаотической пальбе бронемашин.

Впрочем, стрелять пришлось не слишком долго. Как мы и рассчитывали, полк был терроризирован неожиданным нападением. Сопротивления не было оказано совершенно. Офицеры почти все скрылись, оставив нам в качестве трофеев массу наскоро оторванных золотых погон.

Двор казармы осветился факелами, фонарями. Из дверей выходили группы заспанных солдат, без возражений складывавших оружие в кучи, у которых караулили красногвардейцы.

Забрезжил рассвет. 2-го Украинского полка Центральной рады уже не существовало. Зато проходил по городу заново сформированный из бывших солдат 9-й и 11-й рот «перший курінь червоного козацтва». Тот самый, который впоследствии, развернувшись в полк, затем в бригаду, дивизию и, наконец, корпус, столько славных, незабвенных страниц вписал в историю пролетарской революции.

ПАРТИЗАНЫ

Вскоре же после Октябрьской революции был организован в нашей уездной Лохвице (173 километра от Полтавы) небольшой отряд, охранявший городок от всякого рода преступных элементов. С наступлением немцев на Украину бойцы отряда превратились в партизан. Вот как это случилось.

Помню, дежурил я контролером на телефонной станции. По дороге ехали верхами мало похожие на кавалеристов люди. У одних были седла, другие сидели просто на мешках, третьи и без этого обходились. Обмундирование тоже самое разнообразное: полосатые кепи, пиджаки, крестьянские свитки, у некоторых гусарские мундиры и красные шаровары. Это был самый-самый первый отряд червонных казаков, который хоть и назывался полком, а по численности не достигал и ста человек. Червонцы шли на поддержку революционных отрядов, изнемогавших в непосильной борьбе с хорошо вооруженными немецкими войсками.

В комнату вошел высокого роста человек. Он молча улегся, или, вернее, свалился, на маленький диван. Телефонистки с каким-то страхом поглядывали в его сторону. Как я после узнал, это был В. Х. Ауссем¹.

Оттуда, где шли бои, поступали тревожные сведения: Бахмач и Ромодан заняты немецкой армией. Пришлось отступать и из Лохвицы.

¹ В то время член Народного Секретариата — правительства Советской Украины, один из организаторов отпора немецким оккупантам; осенью 1918 года — начальник 2-й повстанческой дивизии, в которую входил полк червонных казаков. — *Прим. ред.*

Вместе с червонцами ушел наш лохвицкий отряд. Командовал им Прилипин, в военном деле понимавший очень мало. Впоследствии Примаков сместил его, вначале же мы держались почти обособленно, многие, и я в том числе, до самой Ахтырки даже не видели атамана червонцев. Были мы, лохвицкие, довольно беспорядочным сборищем крестьянских молодых парней. Военному делу учились, отступая. Военская спайка, кое-какая дисциплина держались только на сознании, что на наши села идет беспощадный враг и нужно противостоять его напору. По пути к нам вливались добровольцы. Их ни о чем не спрашивали. Хочешь сражаться — иди. На тебе винтовку, лошадь доставай сам. Многих мы не знали ни по фамилии, ни по имени, и только впоследствии участники отряда перезнакомились друг с другом.

...Ночь. На станцию Гядач прибывают революционные отряды — поездами, пешком, на лошадях. Повсюду говор, шум, крик. Один ищет свой вагон, другой окликает товарища. Все это сливается в непрерывное а-а-а-а... Иногда ночную тьму прорезывает выстрел и огонь освещает близкие предметы: солдаты еще не научились обращаться с оружием.

Утро и день мы двигаемся дальше на Зеньков. Бесконечные обозы обывательских подвод. Рядом идут пешком красногвардейцы, изредка помогая «дядьку» вытащить воз из ухаба. По временам слышатся проклятия по адресу немцев, приправленные соленым русским словом. Лошади, тяжело дыша, тащат пулеметные двуколки и возы с котомками солдат.

По пути какое-то поместье. Заходим и располагаемся на отдых: уже вечерест. Кто-то догадливый распорядился приготовить ужин. В двух огромных кухонных котлах — борщ, его наливают не жалея. Однако шные хлопцы так устали, что прямо падают на нары и тотчас засыпают, не ужиная.

Тело ноет, ноги одеревенели, облепленные грязью сапоги висят тяжелым грузом. Оружие под боком... Не помню, долго ли мы спали, как вдруг влетел один из партизан и скомандовал: «Поднимайся, немцы близко!» Как угорелые, камнем сваливаемся с нар и, на ходу одеваясь, выбегаем во двор. Некоторые парни бросились к волам.

Ярма были, вместо железных колец, на веревках и неисправные. Волю бодались. Да и непонятно, для чего их запрягали: ведь на волах далеко не уедешь. И, проехав немного, ребята бросали своих «иноходцев», шли пешком.

Добрались до Зенькова. Улицы кишмя кипят солдатами. Они ходят взад-вперед, ища своих. Сюда собрались партизаны разных отрядов.

Мы разместились в жепской гимназии, на центральной улице. К вечеру на второй день нас назначили в заставу у деревни, насколько помню, Веприк. Придя туда, мы расположились по крайним хатам и поставили пост у ветрянки.

Мне выпала очередь стаповиться на пост ночью, с 12 часов. Только успел оглядеться — слышу со стороны степи топот (земля немного подмерзла), а через некоторое время и говор. Я зарядил винтовку и впился глазами туда, откуда доносились звуки. Ко мне подбежал сзади товарищ и, часто дыша, сказал, что немцы уже в деревне, зашли с тыла.

Бросились мы к хате, а там уж пикого из наших нет. Выскочили на улицу и увидели, как, скрываясь за углом, мелькают немецкие всадники. Тут я в первый раз стрелял по врагам революции. Мой товарищ выпускал патрон за патроном, тщательно целясь. Немцы тоже открыли стрельбу. Мы перелезли через тын и побежали, ежеминутно цепляясь ногами за пеньки и палки, валявшиеся на дороге. Сбежали под гору. Выстрелы со стороны немцев участились, и пули жужжа пролетали над головой, но благодаря выемке, куда мы попали, они не причинили нам вреда.

Уже за версту нагнали своих. Шедший около меня парень сообщил, что наша застава в Тарасовке попала к немцам.

— Хлопцы говорят, что слышали, как их били там, — рассказывал парень. — Они ведь долго не сдавались: отступить было некуда.

В Зенькове, куда мы вскоре явились, все было готово к дальнейшему отступлению. Выехали. Луна бросала слабый свет на равнину, по которой шли отряды. Слышался только стук копыт о мерзлую землю.

Остановились в местечке Грунь. Зашел я в чайную. Чаю уже не было, и самовары стояли пустые, и посуда свалена в кучу на жестяной поднос. А хлопцы после бессонной ночи спали где и как попало — на стульях и на полу. Тут я опять увидел Ауссема: он спал на диване сидя, откинувшись на спинку.

...На горизонте показались главы Ахтырского монастыря. Въехали как к себе домой. Монах, выдававший из амбара ячмень для лошадей, суетился и охал. Все уверял, что больше нет, а ячмень продолжал поступать.

Партизаны разместились в номерах монастырской гостиницы. Келейник обращался к нам не иначе как «рабы божие, рабы божие». Но лишь выходили мы за двери, позади слышалось: «Черти бы вас побрали!.. Накидали тут окурков».

Почти ежедневно — в боевые разъезды. По временам возвращаемся, недосчитываясь двух или трех товарищей, павших в бою.

В монастырской конторе поместилась канцелярия. Помню, мне выдали там удостоверение с подписью: «Евгения Бош». «Что же это, — подумал я, — неужели женщина командует фронтом?» И, убедившись, что это так, только диву дался.

Отступление продолжалось. В Ахтырке погрузились в вагоны. Выдали нам полушубки — желтые, хорошие. Но доезжая до Богодухова, опять выгрузились. Остановились на каком-то хуторе. По железной дороге сновал неприятельский бронепоезд и стрелял по пехоте.

Вскоре мы двинулись дальше, к Харькову. Лошади идут ровным шагом, моя серая гарцует. Приближаемся к деревне. Выслали вперед дозор. Выстрел, за ним другой. Стреляли из окон хат, неприятельские солдаты бегали по улицам. Видя такое, наши дозорные понеслись обратно.

Прибыли на довольно бойкую станцию: поезда один за другим уходили на Харьков, увозя красногвардейцев.

Утром меня с несколькими товарищами послали в разведку. Едем на конях по железнодорожной линии. Версты через три услышали сзади шум. Остановились, оглянулись — мчится наш броневик (забронирован он на скорую руку мешками с землей). Хлопцы заматались на путях. Одни кричат: «Бери вправо», другие: «Бери влево»,

третьи бегают по насыпи, но спуститься не могут — внизу болото. Кто бросился наутек вдоль пути, кто слез с коня, оставив его на произвол судьбы. Я, как самый умный, с лошади не слез, а в страхе остановил ее на правой линии. Читатель скажет: «Да, умный, нечего сказать: поезд-то идет всегда по правой, а он, дурак, на нее и встал». Что же, каюсь: сделал как раз не то, что нужно было.

Поезд в мгновение ока налетел, и я уже смутно помню, что происходило дальше. Очнулся на самом краю насыпи. Очевидно, проделал в воздухе петлю. Лошади около меня не оказалось. Пишу это, и мне чудится запах мазута. Он облил мое лицо, так как голова находилась совсем рядом с рельсом. Я поднялся, стер мазут со щек и, пятаясь как пьяный, пошел искать лошадь. Шагах в двадцати нашел одну ногу, дальше вижу — лежит другая, а пройдя еще шагов пять, нашел остатки моей бедной лошади. Словно твердый ком подкатился к горлу. Лошадь была еще жива: посмотрела на меня так жалобно, будто хотела сказать о своем страдании. Я как сноп повалился рядом, обнимая ее голову и рыдая, как ребенок. Ведь лошадь да шашка — одна надежда казака.

Меня стащили с бездыханной лошади мои товарищи — Цопа и Танчик. Я встал и бегом пустился к поезду, готовый растерзать бездушную машину. Поезд остановился. Оказалось, под него попала лошадь еще одного казак-донца. Тот со злобным видом выхватил револьвер и целился в машиниста. Машинист вылез из своей будки и стал клясться, что никак не мог вовремя остановить поезд. Он плакал и умолял пощадить его, говоря, что у него дома дети, что ему надо кормить их. Казак-донец, бормоча сквозь слезы какие-то несвязные слова, медленно спрятал револьвер в кобуру. Броневи́к, выпустив клуб белого пара, двинулся вперед.

Мы с Цопой сняли окровавленное седло, я взвалил его на плечо. Наши поехали дальше, а мы с Цопой устроились в обозе.

...Нас перебрасывают на Дон. Едем в эшелонах. Прибыли в Таганрог. Вагоны подогнали к одному из пакгаузов. По вечерам делали проводку лошадей, днем курили, лежа на сене, и говорили о прошлом, не зная будущего.

Приходил Примаков и подолгу проводил с нами время. На нем была поношенная серая папаха, которая от давности потеряла свой первоначальный цвет и была уже не серого, а какого-то пепельно-темного цвета. Не раз потом видели червонцы эту папаху, мелькавшую в пылу схватки. Она служила для нас как бы маяком, за которым мы неслись, не обращая ни на что внимания.

Однажды вечером Примаков сообщил, что завтра выступаем против Краснова. Надо готовиться. Чистили и осматривали винтовки и сабли, приводили в порядок седла и сбрую. В тот вечер никто не пошел в город или на станцию, как бывало. Ночью нас отправили на Ростов. Поезд мчался на всех парах. Высадившись в Ростове, оседлали коней и двинулись на Нахичевань.

Пройдя Нахичевань, расположились в одном из хуторов по дороге к Новочеркасску. Военных действий еще не было, лишь высылались разъезды.

Через несколько дней поехали дальше. В Аксайской у станичного правления пополнили запасы пик — их там оказалось масса.

Рядом с нами двигался партизанский отряд анархистов. Кто им командовал — не знаю. Нам сообщили, что слева идет кавалерийский Нежинский отряд. Бесечно, с ружьями наперевес, пешком, чтобы не изнурять лошадей до боя, шли мы вперед. Заблестели на горизонте главы церквей Новочеркасска. На порядочном расстоянии то показывались, то исчезали группы белых казаков. Они обнажали шашки и поднимали их. Шашки блестели на солнце, в душу вкрадывался страх, пробуждалась злоба.

Перевалив через возвышенность, мы спускались в ложину. Вдруг слева стали появляться всадники. Посчитали их за своих, нежинцев, и жестокая ошибка дорого обошлась нам. Это были враги. Они изредка стреляли, пули ложились впереди нас, поднимая пыль. Никто не подавал никакой команды, но червонцы один за другим ложились в межи, приспособляясь, чтобы не задела шальная пуля. Началась беспорядочная, спешная стрельба. Заработали пулеметы. Потом из балки, с фланга и почти с тыла выскочили красновцы с обнаженными шашками. В довершение всего посыпались орудийные снаряды, рассеивая губительные осколки.

Раздалась команда «По коням». Наш сотник Алексеевко даже скомандовал «Стройся по трое». Но враг был

уже настолько близко, что нечего было и думать о каком-то построении. Все бросились врассыпную. Пеший отряд анархистов дал тягу. Пулеметчики, вместо того чтобы стрелять, спешно тащили пулеметы с курганов, бросали их в повозки, вскакивали в них сами и неслись в долину. Враг, численно превосходивший нас раза в три, завершал окружение. Анархисты и пехотинцы падали, пораженные саблями. Мы бросились было наперерез белым, но снаряд попал в нашу конную цепь. Лошади рванулись в стороны. Пули со свистом пролетали мимо. Я уперся ногами в стремя и, положив на левую руку винтовку, стрелял, выбирая тех, кто следовал за мной. При каждом выстреле лошадь ускоряла бег.

Справа неслась по бороздам пулеметная повозка. В ней сидели два пулеметчика и сестра милосердия. Казаки-красновцы настигали их. Пулеметчики вдруг соскакивают, снимают постромки и, вскочив на коней, оставляют сестру. Она, бедная, спрыгнув с повозки, тоже бежит. Сотник Алексеенко поворачивает вправо, кричит: «Нужно спасти сестру! Я возьму ее к себе на седло». Но было уже поздно. Не пробежала она и десяти шагов, как красновцы настигли ее и начали рубить.

Враги совсем близко. Слышу уже храп чужой лошади. Я одеревенел, с ужасом думаю о том, что голова моя свалится сейчас на землю. Преследующий меня красновец ругается на чем свет стоит и исступленно машет шашкой. Однако лошадь его, видимо, выбилась из сил, стала отставать. Я заскочил в балку, добрался до речки и переправился на другой берег. Там уже собрались все наши, вырыли большие окопы. Пехота осталась на месте, а мы поехали в Аксайскую, чтобы переночевать и раздобыть сена для коней.

Ночь, проведенная в Аксайской, была не из приятных: все думали — вот-вот нагрянут красновцы. Но все обошлось благополучно, и на заре мы направились по дороге к Новочеркасску. Подъезжаем — в городе бой.

На окраине расположены кирпичные заводы и домики городской бедноты. Седые старики и женщины с ребятами умиленно встречают нас. На глазах слезы радости. Кое-где на улицах слышится перестрелка. Вокзал в наших руках.

За станционным депо можно было наблюдать ужасную картину расправы белогвардейцев: трупы неизвест-

ных лежали, присыпанные шлаком, из-под угля торчали руки и ноги.

Через несколько дней, немного отдохнув и приведя в порядок вооружение и лошадей, червопные казаки вместе с пехотой (мариупольский отряд Апатова — 400 птыков, черноморский отряд Колесникова — 300 птыков) пошли на ближайшую станицу Кривяпская.

Утро. Туман над равниной и речкой Аксай, протекающей близ станицы. По дороге лежат в разных позах убитые. Подступы к Кривяпской неудобны для наступления. Расположившиеся на возвышенности красновцы обстреливают нас, а нам на открытой местности некуда деться.

Переправились по мостику. Пехотинцы, держа лопатки у лба, пулей срывались с плота и прятались за соломенными и глиняными заборами. А червонцы с конями вынуждены были идти вдоль улицы, придерживаясь заборов.

Беспорядочный огонь противника не остановил атакующих. Пехота вошла в станицу, потеряв при этом всего десять человек. Червопная конница довершила дело, изрубив немало вражеских солдат и захватив тридцать лошадей.

После этого мариупольскому и черноморскому отрядам было приказано принять участие в боях за станицу Заплавская. До прихода на смену им другой пехотной части червопные казаки должны были одни удерживать Кривяпскую. Заметив уход нашей пехоты и зная о малочисленности оставшегося конного отряда, белые бросили на станицу до четырехсот всадников.

Червонцы начали отходить к переправе. Последней нашей опорой послужила высокая церковная ограда. Засев за ней, мы пять часов упорно отстреливались, не пуская красновцев на площадь. Четверо наших было ранено, и это сильно всех нас озлобляло. Полусотник и адъютант командира Ганжа, вне себя от гнева, перескочил ограду и почти в упор стрелял по приблизившимся белякам.

К вечеру подъехал какой-то всадник, вроде офицер, как будто для переговоров.

— Кто вы такие? — крикнул он.

— Мы революционные войска, отряд Примакова! А вы? — ответил Ганжа.

Не помню, что сказал затем красновец, по Виталий Маркович крепко выругался и пустил в него пулю, Ганжа тоже. «Дипломат», накрепко набок, скрылся за углом и больше не появлялся.

Своих раненых мы скрытно, по единственной оставшейся в наших руках дороге переправили к реке, а потом на тот берег.

Обещанное подкрепление не приходило, вместо него примчался верховой гонец с запиской от командующего участком, который велел уходить из Кривянской.

Как только первые наши всадники, выскочив из-за ограды, помчались к плавучему мостику, вслед за ними бросилась большая группа конных красновцев. Примаков решился запалить ближайшие дома гранатами и спичками. Под огневой и дымовой завесой удалось переправиться благополучно.

...Я ехал рядом с казаком Зевакиным. Несмотря на то что было жарко, он носил высокую баранью шапку. Воротники куртки, гимнастерки и нижней рубахи никогда у него не застегивались, и грудь была кирпично-красного цвета. На поясе висело несколько бомб, шашка и револьвер, за плечами — винтовка.

Описанный ниже случай подтвердит характер этого «партизанского» бойца.

Отправились мы с ним на рысях к левому флангу. Почти все червонцы уже выбрались из горящего села. Мы остановились у деревянного, выделявшегося среди остальных дома какого-то кулака.

Зевакин говорит: «Надо сжечь». Несмотря на мой совет убраться подобиру-поздорову, он соскакивает с лошади и забирается через окно внутрь. Стою, минуты кажутся вечностью, а Зевакина не видно. Рисуем попасть в лапы красновцам. Однако уходить один не хочу: нельзя бросать товарища, да и лошадь без присмотра может сорвать повод, останется Зевакин пешим.

Через продолжительное время из окон повалил белый дым, а затем, отдуваясь, вылез и сам Зевакин. Мы можем дать ходу. Но не тут-то было! Мой товарищ решил сжечь и конюшню. Чиркал он там спички одну за другой, а я сидел в седле как на иголках.

Наконец загорелась и конюшня. Зевакин сел на ло-

шадь, и мы помчались. Я рад, что все обошлось. Вдруг Зевакин кричит:

— Плетки нет! Там осталась. Поеду возьму!..

Напрасно я упрашивал его бросить эту затею, суля отдать свою плетку.

«Мне, говорит, твоя не пужна!» — и, повернув лошадь, поскакал обратно.

Пришлось и мне последовать за ним. Долго он возился в горящей конюшне, разыскивая свою плетку. Все-таки отыскал. И мы стрелой понеслись по охваченным пламенем улицам к переправе.

Приехали в Новочеркасск. Спали у арсенала, вернее, у складов оружия: тут было свалено множество австрийских винтовок. Сена коням вдоволь. Хлопцы привезли откуда-то целую бочку вина, и, по правде сказать, почти все были пьяны. Кружка переходила из рук в руки. Обед варился в походной кухне. Борщ наливали прямо в ведро — на восемь человек, и мы уплетали его за обе щеки.

В Новочеркасске с нами слился отряд Багинского. Мы быстро подружились с его ребятами.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В заметках А. Прималенного, которые взяты из сборника, изданного в Харькове к пятилетию червонного казачества (1923 год), речь идет о событиях марта — апреля 1918 года, когда в схватках с немецкими оккупантами и белогвардейскими частями генерала Краснова происходило боевое становление червонцев. Для более полного освещения этого периода, названного «великим исходом», приводим и другие сведения, факты из указанной книжки.

В наступлении на станицу Заплавская, предпринятом советским командованием в двадцатых числах апреля, участвовало до двух тысяч пехотинцев при восьми орудиях и бронемашинах. Червонные казаки находились в резерве, готовые в любой миг оказать поддержку наступающим частям.

Пехота дружно заняла окраины станицы. Еще напор — и враг, сломленный, побежит. Но случилось непредвиденное: в разгар боя пронесся слух, будто в тыл заходит конница белых, и сперва малоустойчивые подразделения, а вслед за ними и все остальные покатались назад, бросая броневики и орудия на произвол судьбы.

Дикую эту панику заметили конные разъезды червопцев, выехавшие разведать местность. Они поскакали на холмы, где оставалась брошенная артиллерия, взяли ее под свою охрану, затем вернули оружейную прислугу. Командиру полка Примакову было послано донесение о слухах насчет вражеской конницы.

Примерно через полчаса показались белоказачьи разъезды, за ними — огромное облако пыли. Пока Примаков

Группа командиров червопного казачества; в центре — помощник начальника дивизии А. В. Багинский

рассматривал в бинокль, пытаясь отгадать, что там такое, успокоившиеся артиллеристы открыли беглый огонь, и от разрывов снарядов пыли стало еще больше.

Наконец, подъехав ближе, Виталий Маркович убедился, что никакая это не конница, а большое стадо. То ли само оно с перепугу мчалось неведомо куда, то ли противник и впрямь гнал его «для устрашения», только несчастные буйволы и коровы, попавшие под шрапнель, имели ужасный вид.

Обнаружив такое, Примаков тут же послал на батарею записку: это не противник, пожалейте животных. Но комбат, видимо, вошел в раж и, ответив: «Сам знаю, куда стреляю», — продолжал вести огонь.

После того как белые разъезды были отогнаны и ста-

до оцеплено, Виталий Маркович, подпучивая над артиллеристами, отправил комбату новую записку, предложив ему «выслать обозных с повозками и изготовить жаркое из убитого скота».

Вскоре пехотные части, оправившись от испуга, опять перешли в наступление и заняли станицу Заплавская.

Упоминаемое А. Прималенным присоединение к червонцам отряда Багинского заслуживает подробностей, как немаловажный факт истории красного украинского казачества.

В этом отряде было семьдесят киевских пролетариев, преимущественно тех, кто вместе с А. В. Багинским участвовал в январском вооруженном восстании против Центральной рады. Они составляли команду бронепоезда, сформированного при эвакуации Киева под напором германских войск. Рабочие воины хорошо знали и уважали Андрея Васильевича, храбро сражались, будучи самостоятельной боевой единицей, и остались образцом пролетарской дисциплинированности в Червонно-казачьем полку, где в немалой степени чувствовалось еще влияние крестьянской стихии.

В рядах червонцев Багинский и его товарищи некоторое время воевали на Дону, а затем выполняли ответственное задание по сопровождению в Москву поезда с правительством Советской Украины.

Маленькая, но интересная деталь: в те дни ради сохранения своей боевой силы червонные казаки применили маскировку. Ввиду того что договор с Германией предусматривал разоружение и интернирование украинских частей, переходивших границу РСФСР, было решено назвать полк 1-м Днепровским отрядом Российской Советской Федеративной Республики. Под этим названием червонцы действовали на всем пути к Москве, в самой столице и позже, направляясь в нейтральную зону, где вновь предстали перед немцами и гайдамаками как революционная украинская часть.

На своем пути к северу правительственный эшелон встречал немало преград. Сальские степи пылали огнем белогвардейских очагов. Близ Царицына (теперь Волгоград) бесчинствовали анархисты. По распоряжению Царицынского Совета червонные казаки решительно обезоружили две анархистские банды — Ворона и Черпяка, отобрав у них награбленное золото.

С одним из таких отрядов ловко управился лично А. В. Багинский. В городском Совете Андрей Васильевич случайно узнал, что с движущегося поезда анархистов поступило грозное требование: предоставить в их распоряжение лучшие здания, иначе разгромят все на свете. Пока банда застряла из-за вагонной пробки на ближней станции Елищаны, но вот-вот прибудет.

Недолго размышляя, Багинский берет паровоз своего испытанного бронепоезда, прицепляет платформу с двумя пушками и, устроившись в будке с машинистом, мчит-ся в Елищаны. Там шла гулянка, анархисты крепко на-пились. Появление неведомого гостя сперва всполошило их, Багинскому угрожали расправой. Но, увидев, что он один, да еще безрукий, ведет себя тихо и дружелюбно, анархисты понемногу успокоились. Увлеченные пьянкой «вольные люди» меньше всего думали об охране своего эшелона, состоявшего из бронированного локомотива и нескольких платформ для угля, приспособленных под орудийные площадки. Багинский на то и рассчитывал. Потихоньку приблизился он к анархистскому составу, подцепил «углярки» — и был таков.

На пригородном разъезде, где стоял поезд червонцев, Андрей Васильевич остановился, но не успел спрыгнуть на землю, как был окружен неизвестными людьми. Ока-залось, в недавно прибывший сюда отряд некоего Пет-ренко уже поступила жалоба от разоруженных анархистов. Петренковцы выставили часового в паровозной буд-ке, обосновались на платформах, которые пригнал Багин-ский, а ему самому предложили убираться подальше.

Как же теперь быть? Идти к Примакову с докладом о деле, успешно проведенном в Елищанах и так нелепо обернувшимся здесь, Андрею Васильевичу не хотелось. Повременив, он изменил насколько возможно внешность под анархиста и пошел к своему паровозу, рассчитывая лишь на случайную удачу. Не торопясь поднялся в буд-ку, спокойно сказал часовому: «Иди, тебя зовет Петрен-ко, а я тут покараулю». Едва тот ушел, Багинский кив-нул машинисту: давай, мол! — и паровоз тронулся.

Непредвиденный оборот дела обескуражил петренков-цев, они сделали несколько бесполезных уже выстрелов, невольные «пассажиры» начали прыгать с открытых пло-щадок. А смелый червонец Багинский, приведя состав в Царицын, передал его местному отряду Красной Армии.

БОЙ У СЕЛА ВОРОБЬЕВКА

До июня 1918 года я жил в своем селе Лыщицы, что в двенадцати от железнодорожной станции Унеча. Хотя по всей стране около полутора лет бурлили революционные события, в моей жизни перемен, считай, и не было: как раньше пас куркульский скот, так батраком и оставался. Ну, думаю, хватит. Тем более что появились в наше село немецкие солдаты и заодно с кулаками обирали трудящихся крестьян. Сговорился я с несколькими парнями из бедняцких семей, и решили мы перейти на советскую территорию, в городок Почеп, где, по слухам, находились червонные казаки, о которых каких только разговоров не велось по селянским хатам...

Сказано — сделано. Добрались до Почеп, отыскивали штаб. Располагался он в каком-то помещичьем особняке. Народу толпилось тут много всякого: и конные, и пешие, кто с оружием, кто просто так, — видать, тоже добровольцы. Мы сказали дежурному у входа, зачем пришли, и вскоре нас стали по одному вызывать в дом. Разговаривал с нами молодой командир, разве чуть-чуть постарше нас, лыщичан, но по тому, как относились к нему другие военные, мы догадались, что он здесь главный — сам Примаков. Вопросов он задавал немного: откуда родом, кто такой? Наши ответы его удовлетворили, и всю нашу группу зачислили в полк.

Меня определили во взвод Ивана Фортунатовича Хвистецкого. Выдали винтовку, саблю, две ручные гранаты, лошадь, седло и пику. Столько имущества — да еще боевого! — у меня сроду не бывало. Поначалу я даже растерялся: что с ним буду делать? Но взводный занимал-

И. Ф. Хвостецкий

ся с новичками спокойно, терпеливо, и я начал привыкать к новому своему положению.

Дней через десять меня и еще пять лыщичан вызвали в штаб. Там вместе с В. М. Примаковым находились его адъютанты Ганжа и 17-летний москвич Борис Кузьмичев.

— Не соскучились по дому? — загадочно спросил Виталий Маркович. — Скоро побываете...

Оказывается, нам поручалось первое боевое задание — пробраться в Лыщичи с взрывчаткой и прокламациями. Выбор на нас пал, очевидно, потому,

что наше отсутствие в селе было еще недолгим и возвращение, может, не очень-то кого удивит. Старшим группы напачили Романа Гречиху. И он, и я, и другие ребята, чувствую, загорелись таким интересным и довольно опасным заданием.

Переоделись мы в прежнюю крестьянскую одежду. От Почепа до Унечи доехали поездом, а там пошли пешком. В само село надумали входить порознь, чтобы меньше привлекать внимание. Мне старший передал котомку с прокламациями и взрывчаткой и велел идти по тракту, остальные направились в обход, через луга и огороды.

Недалеко от Лыщич я догнал подводы: мужики из села Найтоповичи везли коноплю на маслобойку. Сославшись на усталость, попросил положить котомку среди мешков, и возница разрешил. Подъехали к селу. На окраине — немецкая застава. Солдаты осмотрели возы, пощупали мешки с коноплей и пропустили. По улице тоже расхаживали немцы, но к обозу не подходили. Приближаясь к своему дому, я забрал котомку и шмыгнул на крыльцо.

Так первое дело обошлось благополучно. Мать, зная о моем намерении побывать в Унече, сказала: «Ну

заявился наконец!» — и спросила, что это я принес. Я ответил небрежно: «Мануфактура» (тогда ею здорово спекулировали) — и прибавил, что по метрам продавать не буду, а придет один человек и заберет все сразу.

Поздно вечером явился Гречиха с кем-то еще, они взяли котомку, оставив мне штук десять листовок.

На следующий день как раз был сельский праздник, справляли свадьбы, и наша группа затерялась среди гуляющих. Веселье продолжалось допоздна, а когда поутихло, вдруг раздался страшный грохот. Это взорван был дом урядника Тарасевича, угодливо служившего немцам.

Ко мне прибежал боец Годунов из нашей группы, позвал с собой. Я захватил листовки, кусок хлеба. Размятым мякишем прилепил несколько листов к заборам, остальные посовал у крылец, окон. И мы помчались задворками в условное место — к перелазу через речушку. Вскоре собрались все шестеро. Гречиха объявил: задание наше выполнено, возвращаемся в пояк. Знакомыми тропками, обогнув подальше село, вышли на дорогу. До Унечи прошагать молодым было нетрудно. Там сели на первый же поезд и уже к вечеру вернулись в Почеп.

Командир полка, вызвав нас всех к себе, внимательно выслушал сообщение Романа Гречихи, расспрашивал то одного, то другого о подробностях и под конец беседы поблагодарил за успешно выполненную маленькую, но небезопасную операцию.

В Почепе Червонно-казачий полк пробыл свыше месяца. Во всех подразделениях усиленно занимались военной подготовкой. Нас учили ходить в конном строю, рубить на скаку пашкой, колоть пикой, бросать гранаты. Не каждому все это давалось легко, помучились с нами взводные командиры, а все же мало-помалу получались из новобранцев неплохие солдаты. Полк, нельзя было не заметить, крепко вырос: сформированы два конных эскадрона, велосипедная команда в сто машин, пулеметная — с восемью «максимами» и двенадцатью «льюисами». Это уже сила!

В первых числах августа «солдатский телефон» разнес, что скоро отправляемся в поход. И верно, как-то вечером состоялось общее собрание, на котором В. М. Примаков объявил о завтрашнем выступлении. Причем он говорил, что будто направляемся мы на Восточный фронт, переход предстоит тяжелый, в дальнейшем ожидаются

жестокие бои и если кому-то страшно, кто боится не выдержать, пусть теперь же уходит, никаких обвинений за это не будет. Не могу судить, почему так говорил Виталий Маркович: то ли для запутывания возможных вражеских агентов (про Восточный фронт), то ли для проверки моральной устойчивости бойцов. Ведь когда рано утром подразделения построились, было объявлено, что идем мы в направлении Новгород-Северска. Вчерашние же слова командира полка помогли очиститься от нескольких слабовольных, которые ночью ушли, и их не задерживали.

Любо было поглядеть на походную колонну — сидят на конях brave молодцы, вооруженные винтовками, пиками, шашками. Обмундирование, правда, неодинаковое: брюки с лампасами не у всех, на головах и папахи, и кубанки, и фуражки; зато на груди у каждого алый бант. Командир Примаков одет в кожаный костюм, у него серая папаха с красным верхом, маузер в деревянной кобуре покачивается на ремне, перекинутом через плечо, кубанская сабля сбоку свешивается. Насколько помнится, так же (разве что без маузера, а с наганом) одеты были адъютанты Ганжа и Кузьмичев, неотступно находившиеся возле командира.

Вместе с двумя кавалерийскими сотнями (запомнювал, впереди или позади них) следовали бойцы на велосипедах. Не только мне, деревенскому, а и горожанам столько машин сразу видеть было в диковинку, да еще с вооруженными «всадниками». Ехали также повозки с имуществом, трехдюймовые пушки в конной упряжке. В общем, растянулась колонна, двигалась небыстро. Наконец переплыли на пароме реку Десна, а там уж недалеко и место нового базирования — село Хильчицы.

Совсем рядом проходила южная граница нейтральной зоны. Формально, по договору между РСФСР и германско-гетманскими властями, в эту полосу не должны были вторгаться войска ни той ни другой стороны. Потому ее облюбовали украинские партизаны — они накапливали там силы и совершали набеги на врага. И кайзеровские офицеры, мстя партизанам, частенько нарушали условие, посылали за свою линию солдат-карателей, и те во всю бесчинствовали в нейтральных селениях и лесах. Особенно усердствовал один немецкий батальон, расквартиро-

ванный в Воробьевке, примерно в 15—20 верстах от правого берега Десны.

Об этом стало известно штабу червонных казаков сразу же по прибытии в Хильчицы. Примаков решил прочить наглый батальон, а заодно вдохновить партизан. Установили связь с отрядом Черняка, договорились о совместном ударе по воробьевскому гарнизону. От червонных казаков выделялось сто кавалеристов с шестнадцатью пулеметами. Тимофей Черняк выставял триста пехотинцев с десятью пулеметами. Словом, отряд внушительный, надо лишь умело и смело действовать.

Для меня, еще необстрелянного, это был первый в жизни бой, так сказать, воинское крещение, потому, наверное, и помнится все отчетливо.

Мы, конные червонцы, в ночь на 14 августа переправились на паромы через Десну. Выслали вперед разведку и вслед за ней вошли в рощицу западнее Воробьевки. Черняк должен нападать с другой, восточной стороны. Едва забрезжила заря, он начал атаку. Часть партизан прорывалась к поповскому дому, в котором помещался батальонный штаб, другие устремились на площадь, где обычно назначается гарнизону место сбора по тревоге. Разбуженные стрельбой немцы, толкнувшись туда-сюда, группами выбегали из села по дороге на местечко Смячь, как раз к нашей засаде. Червонцы встретили их ружейно-пулеметным огнем, многих сразили, а до роты залегло в конопляных посевах. Атаковать бы в конном строю, да мешало небольшое болото. Тогда спешенные казаки, человек сорок, пошли с гранатами и шашками наголо. Схватка продолжалась минут двадцать. Залегшие в конопле немцы стреляли беспорядочно, червонцы оглушили их гранатами и, ворвавшись в цепь, стали рубить сплеча. До полутора сот вражеских солдат было уничтожено на дороге и в коноплянике. В самом селе партизаны Черняка перебили до восьмидесяти немцев. Лишь около сорока человек во главе с унтером сумели удрать в северном направлении, которое не было перерезано. В качестве трофеев червонцы взяли обоз из тридцати подвод с обмундированием и немало оружия.

Разгром немецкого батальона и нам достался дорогой ценой. Партизаны потеряли тридцать шесть человек. Среди червонных казаков четверо убитых и восемь раненых. Погибли адъютант Ганжа, командир сотни Коропец,

взводный Чуприпа и ординарец комполка Ибрагим Фролов.

Задерживаться в Воробьевке нам было ни к чему, и весь объединенный отряд казаков и партизан направился к Десне. Вперед ушел обоз, первыми переправляли раненых. Замыкавшие колонну червонцы вдруг обнаружили немецких кавалеристов, мчавшихся из леса. Слышим команду Примакова «Шашки к бою!». И вот сотня конников, обнажив сабли, бросилась навстречу противнику. Хваленые немецкие нервы не выдержали этой атаки, конная группа врага быстро повернула и скрылась в лесу. Потом появилась какая-то пехотная часть. От нее червонцы отстреливались из пулеметов и винтовок прямо с лошадей, продолжая путь к переправе. Наконец последний взвод погрузился на паром, и вскоре мы все были на другом, своем берегу Десны.

Об этой ночной вылазке во вражеский тыл долго вспоминали бойцы Червоно-казацкого полка. Те, кому не довелось побывать в том бою, расспрашивали участников. Припоминались всякие подробности. Рассказывали, например, о любопытном случае с казаком Ильей Литвиновым. Когда наступали на немцев в коноплянике, у него что-то произошло с винтовкой — засорилась, видно. Высоченный малый, косая сажень в плечах, аж заплакал от обиды.

— Ты чего? — спросил кто-то из бойцов.

— Да не стреляет! — крикнул Литвинов, нервно дергая затвор винтовки.

— Так у тебя же паган за поясом, — подсказал сосед.

— Эх ты, я и забыл! — воскликнул повеселевший богатырь и с револьвером в руке бросился вперед.

Воробьевский бой получил сильный отзвук в округе. Активизировались, начали объединяться мелкие отряды партизан. Много мужчин и парней переходило на советскую территорию, требуя зачислить их в регулярные войска. В скором времени из повстанческих групп ближайшего района была сформирована целая дивизия, которую вначале возглавлял знаменитый вожак черниговских партизан Николай Григорьевич Крапивянский, а затем прославленный герой Николай Александрович Щорс. Третьим полком этой дивизии, получившим название Новгород-Северского, командовал Тимофей Черняк, наш товарищ и соратник по воробьевскому бою. В ряды червон-

ного казачества было зачислено тогда до двухсот повстанцев с конями.

На побережье Десны в нейтральной зоне, с основной базой в селе Хильчицы, полк Примакова провел, наверное, месяца два. Редкий день обходился без перестрелки или прямой стычки с противником, располагавшимся на другом берегу. По ночам перехватывались и топились вражеские баржи, плившие по реке. Всех боевых эпизодов не припомнить. А вот один памятен: как Примаков проучил кулака Жоткевича — старосту прибрежного селения. Именем гетмана тот объявил приказ о награде в семьсот тысяч карбованцев за голову командира червонных казаков. Узнав об этом, Виталий Маркович сказал: «Дешевит куркуль» — и послал в то село свой отряд, который отобрал у старосты весь его скот на сумму по тогдашнему курсу два миллиона карбованцев. По этому поводу сколько шуток и смеха было среди червонных казаков!

ЗИМА, ВЕСНА, ЛЕТО ДЕВЯТНАДЦАТОГО

Новый, 1919 год наш полк встретил боями за Харьков и Люботин. Червонные казаки находились в оперативном подчинении 2-й повстанческой дивизии, только что сформированной из партизанских отрядов, и, как говорится, искали еще общий язык с ее молодыми полками. Сильные морозы и глубокий снег затрудняли боевые действия. Испытывался недостаток продуктов питания, грабивший иной раз просто с голодухой. Но это ничуть не снижало наступательного духа красных войск. А вот из-за нехватки оружия и боеприпасов мы волновались. Ведь перед нами был серьезный противник — петлюровский кош (корпус) атамана Балбачана, голыми руками его не возьмешь. И все же под Белгородом петлюровцы получили крепкую трепку, откатились к Люботину. В первых числах января мы вошли в Харьков, где хозяевами положения были восставшие рабочие. Червонцы пробыли в городе всего один день, а затем вместе с 5-м пехотным полком двинулись к станции Люботин, навстречу частям Балбачана.

Схватка была недолгой, но яростной. 5-й повстанческий полк, которым командовал отважный Дмитрий Шмидт, столкнулся с противником в лоб и приковал его к себе. Казаки же обошли город севернее и атаковали врага в конном строю. Зажатый в тиски корпус Балбачана, — вернее, остатки его после больших потерь убитыми и пленными — бежал на Полтаву, оставив на железнодорожной станции восемнадцать паровозов и триста вагонов со всяким добром.

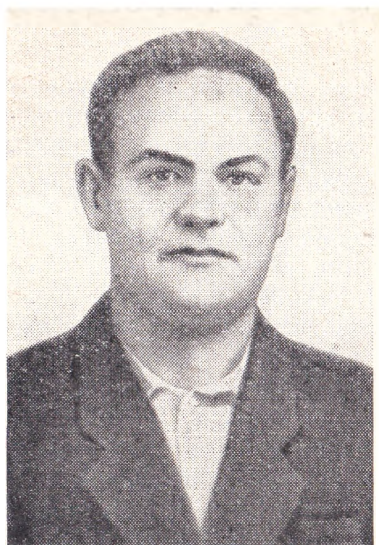
Смотр в Люботине

В теплых квартирах местных жителей мы немножко отдохнули и подкормились. И тут, в Люботине, произошло событие, которое, уверен, до сих пор волнующе отзывается в сердце каждого ветерана.

10 января, в годовщину зарождения червонного казачества, полк получал свою первую боевую награду. Морозным утром все подразделения выстроились на городской площади. Прибыли В. П. Затонский и другие члены правительства республики. Раздалась команда «Смирно!». В торжественной обстановке вручалось полковое знамя. Приняв его, В. М. Примаков обратился к воинам с краткой пламенной речью. Ликующей радостью охвачены были все червонные казаки, когда сопровождаемый ассистентами знаменосец на серой в яблоках лошади проследовал под громогласное «ура» вдоль строя и встал впереди полка. На ярком полотнище горели золотом слова: «Славним червоним козакам Тимчасовий робітниче-селянський уряд України»¹.

Вспоминая ту зиму и весну, хочу отметить, что Червонно-казачий полк не только не растрачивал свои силы (на войне это естественно), но даже наращивал их. В него постоянно вливались добровольцы, особенно крестьянская молодежь. Тех, кто приходил с лошадей — со своего двора или отобранной у кулака, — направляли в кавалерийские подразделения, а безлошадных — в пешую команду, пока сами не добудут коня в бою или закупочная комиссия не приобретет в освобожденном селении. Хорошее подкрепление получили червонные казаки из совсем неожиданного источника — от австро-германской армии, откуда дезертировали и пришли к нам наиболее сознательные солдаты и офицеры. Воодушевленные ноябрьской революцией в Германии, интернационалисты рядом с русскими и украинцами самоотверженно боролись за общее дело пролетарской свободы. Вся третья сотня нашего полка состояла из таких людей — немцев, австрийцев, чехов, венгров и т. д. Командовал ею М. Маркутан, политруком был А. Вареш, оба венгры, люди очень смелые, горячо преданные делу революции.

¹ «Славным червонным козакам Временное рабоче-крестьянское правительство Украины».

А. Д. Впitosкий

Вторая половина января прошла в боях на полтавско-кременчугском направлении. Из Люботина вышли 12 января и через день были уже близ местечка Коломак. Занимала его пехотная часть противника, силы которой выяснить сразу не удалось. Только когда ринулись в атаку — три конные сотни с разных сторон, — оказалось, что обороняют селение примерно пятьсот стрелков с четырьмя орудиями и двумя бомбометами. Тут выявились и наши слабые стороны: не привыкшие к самостоятельности сотни дей-

ствовали неуверенно, молодые бойцы еще не обладали должным упорством и умением. Начатая разновременная атака не удалась. Однако подоспел 5-й полк Шмидта, и дружным совместным ударом одолели противника, заняли местечко и станцию Коломак.

Полтава, Кременчуг, Александрия

Открылся путь на Полтаву. Город взяли в ночь на 19 января, опять при взаимодействии пехотных частей 2-й дивизии и червонной кавалерии. Потом двинулись на Кременчуг. Шли по большому шляху. Сильно выжило, морозило. Три дня этого перехода послужили хорошей закалкой для молодежи, которая училась выдержке у «старичков».

Кременчугом наш полк овладел снова вместе с 5-м повстанческим. Бойцы Шмидта, сбив противника с позиций, переправились по льду через Днепр, захватили Крюков Посад и преградили петлюровцам путь к отступлению. Тем временем червонные казаки ворвались в город, захватили богатые трофеи и пленных. Задерживаться в Кременчуге не стали, а форсированным маршем, пресле-

дуя противника, перешли в Александрию, где полку дали двухнедельный отдых.

Отдых не безделье. Усиленно занимались конно-стрелковой, стрелковой и политической подготовкой, принимали добровольческие пополнения. 1-й полк червонного казачества стал полнокровной воинской частью. В нем было теперь до 700 сабель, имелась также и своя артиллерия — батарея трехдюймовых пушек на конной тяге. В пешей команде насчитывалось до 350 бойцов, им еще предстояло обзавестись конями.

На должности командиров подразделений В. М. Примаков и его штаб подбирали людей храбрых, с боевым опытом. Так, второй сотней, в которой я служил, командовал Никифор Федорович Кобзарь, рядовой казак, быстро выделившийся смекалкой, лихостью в бою, безупречностью поведения. Он и у командования был на лучшем счету, и подчиненные очень любили его.

Дело при Деражне

В марте настала новая пора боевых действий. Из Александрии походным порядком, а от станции Коротковка эшелонами полк был переброшен в Бердичев. Петлюровцы в то время находились на линии Литин, Жмеринка. Наш маршрут — Хмельник, Летичев, Деражня. Параллельно нам двигался 1-й Советский кавполк под командой Гребенко (из 2-й повстанческой дивизии), насчитывавший тоже 700 сабель.

Гребенко атаковал противника близ Литина, забрал у него артиллерию, многих порубил. Остатки петлюровской части бежали на Летичев и нарвались на червонцев, которые довершили дело. Разгром этот как эхо отозвался в Жмеринке: и оттуда неприятель удрал на Деражню.

Местечко с таким названием стало свидетелем настоящей отваги красных казаков и искусного мастерства нашего командира Виталия Примакова.

К северо-востоку от Деражни разъезд червонцев приметил неприятельскую пехоту, штыков четыреста. С нею завязал перестрелку авангард — две спешенные сотни. С двумя другими Примаков обошел противника с фланга, еще одна выскочила на шоссе, ведущее в тыловое село Шпичинцы. И оставалась еще резервная сотня, го-

товая ринуться на врага на наиболее опасном участке. Вот какими силами располагал уже полк червонных казаков!

Когда петлюровцы очутились в крепких клещах, авангардные подразделения вскочили на коней и ударили в лоб. Отступить врагу было некуда. Как выяснилось вскоре, удар червонцев пришелся на галицийских стрелков. От их батальона не осталось ничего — кого порубили, кого пленили.

Рейд на Старокопстантинов

Теперь расскажу о первом глубоком рейде нашего полка в петлюровский тыл. Задумывая эту операцию, командование исходило из того, что сплошной линии фронта не было, противник держался железной дороги и собирал в районе Шепетовки значительные силы, которые и следовало разгромить. Для этого рейда объединялись временно в бригаду два полка — Примакова и Гребенко. Червонцы шли маршрутом Деражня, Меджибож, Волосовцы, Старокопстантинов. 1-й Советский кавполк, стоявший в городе Бар, должен был догнать нас в пути.

Свою артбатарею взять в рейд мы не смогли, а взяли горную, сформированную в Деражне из трофеев. Было это хорошим подспорьем в бою, потому орудиями дорожили. И вот случилась беда: застряла наша батарея в болоте за Меджибожем — хоть бросай ее. Но нет, червонцы так не поступают! Они нашли выход, никакими наставлениями и уставами не предусмотренный. Казаки сняли с себя шинели, полушубки, бурки, выложили ими дорогу и по такому «мосту» перетаскивали орудия на сухое место.

На вторые сутки к вечеру остановились в населенных пунктах Жеребки и Погорелая. До Старокопстантинова оставалось каких-нибудь двенадцать верст. Следовало уже развертываться для штурма города, но кавполка Гребенко все еще не было: он застрял где-то у села Меджибож, наверное, в том самом болоте, из которого мы с таким трудом выбрались. Что тут делать?

Наш командир Примаков и начальник штаба 2-й повстанческой дивизии Август Барабаш, находившийся с червонными казаками, стали держать совет.

Виталий Маркович рассуждал так:

— Конечно, двумя полками легче бы справиться с противником. Да ведь Гребенко прождешь здесь целые сутки. А где гарантия, что неприятель за это время не обнаружит нас? Потеря же внезапности дорого обойдется. Выходит, надо атаковать одним полком...

Наштадив Барабаш (это был хорват, бывший офицер австро-венгерской армии) не возражал, но и приказывать не мог, понимая, что обстоятельства тут исключительные.

— Решайте сами, — сказал он Примакову. — За неудачу вам и отвечать; а удастся дело — так вся слава ваша.

Примаков не колебался:

— Атакую!

Точных сведений о силах противника в Староконстантинове мы не имели. Предполагалось, что там от пятисот до семисот пехотинцев.

План наступления Виталий Маркович разработал такой. С востока атакуют две сотни под командой Маркутана. С тремя другими сам Примаков обходит город через село Григоровка и атакует с юга. Совместный удар начинать в 11.45. Резервная рота и артбатарея останавливаются у хутора, что в трех верстах от города, но пушки стреляют только в том случае, если противник отразит атаку и будет преследовать наших или появятся его бронепоезда. Атакующие, прорвавшись на городские улицы, не должны рассыпаться, действовать надо не меньше чем взводом.

Следующим утром подразделения заняли исходные позиции. Наша вторая сотня была в группе Примакова. После того как прошли Григоровку и втянулись в ближайшую рошу, откуда были видны окраины города, командир полка поставил перед сотником Кобзарем задачу занять железнодорожную станцию и казармы неподалеку от нее. Все всадники спешили, оправили седловку, подтянули подпруги. Время близилось к условленному. Вот всего пять минут остается до атаки. Команда «По колям!» — и начался памятный староконстантиновский бой.

Наша вторая сотня рассыпалась цепью и переводила коней уже на галоп, как вдруг с левой стороны послышался шум железнодорожного состава, шедшего сзади, от Проскурова. Можно себе представить, как заволновались

Н. Ф. Кобзарь

всадники, увидев обгоняющий их воинский эшелон! Никифор Кобзарь не медля ни секунды скомапдовал:

— Первая полусотня — за мной, вторая — на станцию! В атаку — марш, марш!

Я находился во второй полусотне, которую возглавлял Федор Сиротенко. Он впереди своих бойцов на замыленном Орлике — серая папаха заломлена на затылок, в руке сверкающий клинок. Мы мчимся к станции, влетаем на перрон. Воинский эшелон уже там — стоит на крайнем пути, паровоз еще отдувается.

У входа в комендатуру Сиротенко поднял разгоряченной лошастью какого-то офицера, тот поднял в испуге руки. Он-то и оказался начальником эшелона, направлявшимся с докладом к коменданту станции. Дружное «ура» и особенно очереди наших пулеметов заставили петлюровских солдат выскакивать из вагонов без оружия и сдаваться в плен.

Со своей задачей Федор Сиротенко справился молниеносно. Никифор Кобзарь в это время уничтожил караульную роту в казармах. Примаков и Маркутан во главе конных сотен с разных сторон ворвались в город, очищая улицы саблями и пулями. На центральной площади они встретились, салютуя друг другу вскинутыми клинками.

Среди захваченных в Староконстантинове трофеев были паровоз, до тридцати вагонов, три исправных автомобиля, взятые Кобзарем в военных казармах. Артиллеристы установили на одной из платформ горную пушку, прицепили локомотив, и этот «бронепоезд» отправился на разведку в сторону Шепетовки.

Для ночевки были выбраны окраина города и села

Григоровка, где имелся фураж. Однако на полное спокойствие рассчитывать не приходилось, поэтому всюду выставили сторожевые заставы. И предосторожность оправдала себя.

У Кузьминского озера

Прискакавший из местечка Кузьмин боец доложил о появлении со стороны Проскурова крупной пехотной части противника.

Полковой штаб во главе с Примаковым быстро выработал план действий. Сотня всадников и «бронепоезд» оставались для прикрытия шепетовского направления, а остальные силы направлялись в село Воронковцы (шесть верст юго-западнее Старокопачинского), навстречу наступавшему неприятелю. Две сотни поспешили в Кузьмин на помощь заставе. На сельской колокольне устроили наблюдательный пункт. В то ясное утро сверху хорошо были видны озеро и большое поле, на котором разворачивались вражеские цепи общим числом до двух тысяч штыков.

Примаков приказал горной батарее открыть огонь по петлюровской пехоте, а Маркутану с двумя конными сотнями двинуться к деревне Верхняки и ударить с фланга и тыла.

Я был тогда со второй сотней в местечке Кузьмин. Мы завязали огневой бой с передовыми подразделениями противника, пытавшимися овладеть переправой через реку Случь. Свои позиции червонцы защищали крепко, огонь вели меткий, и на берегу Случи немало полегло петлюровцев, ни один из них так и не вошел в местечко.

Вот настал и главный момент. Сразу с трех сторон бросилась в атаку наша конница и начала отжимать противника к озеру — иного пути ему не давалось. Кое-кто из петлюровцев пытался спастись вплавь, но глубокая озерная вода поглощала отчаявшихся. Основная же масса — 1700 человек — предпочла сложить оружие. Пленные показали, что разгромленная пехота представляет собой Херсонскую дивизию. Начальник ее генерал Луценко, которого величали доктором и считали другом Петлюры, отыскался среди убитых. Его зарубил в жарком бою полусотник Очерман. Вся казна этой дивизии, ее артилле-

рия, пулеметы и винтовки очутились в руках червонных казаков.

Командование нашего полка особенно отметило стойкость первой сотни, оборонявшей переправу у местечка Кузьмин, и лихость интернациональной третьей сотни, атаковавшей петлюровцев с тыла.

В Староконстантинов прибыл к этому времени кавполк Гребенко, и дальнейшие бои червонцы вели вместе с ним. Удвоение сил было очень кстати, так как предстояло драться с весьма крупной группировкой противника в районе Шепетовки.

Штурм Изяслава

На совещании командиров временной бригады, состоявшемся в селе Вербовцы, после рассмотрения данных разведки было решено нанести первый удар не прямо на Шепетовку — там противник, узнав о разгроме Херсонской дивизии, готовится, очевидно, к отпору, — а сначала на Изяслав, глубже в тыл, где нас меньше всего ожидают.

Из села Вербовцы бригада вышла на село Зусари, а затем разделилась: кавполку Гребенко под прикрытием леса предстояло атаковать Изяслав с востока, а червонцы охватывали город с запада.

На подходе к реке Горынь Примаков оставил две сотни и горную батарею, которые должны были прорваться через фольварк Прилуки. Остальные четыре сотни Виталий Маркович повел в село Васьковцы, где казаки с ходу форсировали реку — кто вброд, кто по наплавному мостику. Очень заманчивым было еще глубже оцепить Изяслав, ударить и со стороны Острожского шоссе. И Примаков рискнул — направил туда Маркутана с двумя сотнями. Командир полка надеялся, что это вынужденное разделение сил компенсируется отвагой каждого красного казака, готового биться не щадя жизни, за двоих и троих. Так оно и вышло: обе группы червонцев одновременно ворвались в город.

Прошло всего десять — пятнадцать минут с начала штурма, и западный район Изяслава был нашим. Первая сотня карьером проскочила плотину, соединяющую берега Горыни, и начала бой за восточный район. Другим подразделениям дорогу преградил фланговый огонь противника, засевшего в старинном замке князей Сангуш-

ко. Червонцы выдвинули свои пулеметы — двенадцать «льюнсов» было поднято на какую-то башню возле плотины, шесть «максимов» установлено в окнах прибрежного монастыря.

Ружейно-пулеметная дуэль, однако, не решала судьбы сражения. Конникам нужно было переходить на другой берег. И Примаков распорядился: разведывательной сотне Пантелеймона Потапенко остаться по эту сторону Горыни, наблюдать за дорогами на Острог и Славуту, а третьей и пятой сотням прорываться.

На сей раз даже бойцы Маркутана замешкались перед огневой завесой. Примакову неприятна была эта заминка, но он сохранил выдержку, только выслал к сотне своего адъютанта Бориса Кузьмичева. Молодой и горячий москвич, едва приблизившись к маркутановским всадникам, крикнул «За мной!» и бросился вперед. За Кузьмичевым последовали лишь два взвода, и они проскочили сквозь огонь с малыми потерями.

Обстановка мало разрядилась: оставшиеся кавалеристы продолжали гарцевать в нерешительности. И тут Виталий Маркович поступил как истинный герой. Закурив трубку, он спокойно, будто прогуливаясь, шагом поехал на плотину. Вокруг свистели пули, но Примаков оставался верен себе. И эта смелость подействовала. Не доехал командир и до середины реки, как следом за ним ринулась вся конная лавина. С победным гиком всадники проскочили опасную зону и ворвались на улицы.

Княжеский замок у Горыни, откуда обстреливалась плотина, червонцы взяли в упорной схватке. Оборонялись там до четырехсот петлюровцев. Ручными гранатами выбив противника из крайних комнат, казаки проникли внутрь и продвигались шаг за шагом, пока врукопашную не очистили все огромное здание.

Одно наше подразделение отыскило в лабиринте улиц штаб корпуса галицийских стрелков. Отчаянно сопротивлялись штабники, но недолго, при этом было убито несколько десятков офицеров.

Закончив здесь дело, червонцы ударили по железнодорожной станции, которую с другой стороны атаковал кавполк Гребенко.

Трофеи этого боя были солидными — склад оружия, эшелон с орудиями и снарядами, девять автомобилей.

Пленные, среди которых оказались генерал и много офицеров, сообщили ценные сведения: в Шепетовке — дивизия с тремя броневидами, в Славуте и Остроге — пехотные полки, по железной дороге курсируют четыре бронепоезда.

Наличие таких сил позволяло противнику крепко оборонять Шепетовку. Неоднократные атаки червонцев отбивались огнем артиллерии, бронепоездов и пехоты. Сюда же, к Шепетовке, отходили с востока другие петлюровские части, преследуемые советскими войсками. В этом районе завязались упорные, длительные бои.

Схватка в местечко Кунев

Вспоминается интересный случай того периода. Дело происходило в апреле 1919 года, когда червонные казаки выступили рейдом на Острог.

Наша вторая сотня в город тогда не врывалась, Примаков приказал ей действовать южнее — выйти на шоссе, занять местечко Кунев. Получив такую задачу, сотник Никифор Кобзарь выслал головной дозор. Назначенный старшим дозора, я в свою очередь направил вперед трех опытных казаков на лучших конях — коммуниста И. Литвинова, сочувствующего П. Сластенова и беспартийного К. Пономаренко. Выйдя по шоссе к деревне Каменка, они узнали от местных жителей, что в соседнем Куневе бесчинствует карательный отряд, обирающий население. Мы решили настичь карателей. Порвали телефонно-телеграфные провода, связывающие Кунев с Острогом, и двинулись дальше.

В это время, как выяснилось потом, командир карательного отряда, услышав артиллерийскую стрельбу под Острогом, хотел узнать причину, но липия не работала. Тогда офицер приказал своему помощнику собрать отряд и следовать в город, а сам, захватив награбленные ценности, под охраной двух всадников отправился вперед. Проехав с версту, эта тройца столкнулась с нашими дозорными. Враги круто повернули лошадей и хотели удраить. Однако удалось это лишь одному солдату, увильнувшему в придорожный кустарник, а двое были убиты.

Вскоре сюда прибыли остальная часть дозора и Кобзарь с сотней. На окраину селения мы влетели, когда неприятельскому отряду играли седловку. Неожиданное

появление червонцев внесло переполох — каратели бросали лошадей и пускались наутек в ближайший лес. Спаслись, конечно, единицы. Многие попали под шашки красных казаков, а остальные сдались в плен.

Жители Кулева встретили нас с большой радостью и сразу же показали, куда складывали грабители фураж, продовольствие и другое добро. Все это было возвращено населению.

В городе Острог Червонно-казачий полк блестяще справился с вражеским гарнизоном. Стоявший там 4-й полк галицийских стрелков ожидал, говорят, в тот день приезда самого Симона Петлюры, а дождался острых сабель червонцев. В числе пленных, кстати, оказался полный состав духового оркестра с начищенными трубами. Музыкантов посадили на серых лошадей, поставили в строй казаков, собравшихся на главной площади, и они довольно дружно сыграли «Марсельезу». Так наш полк обзавелся собственным хором трубачей.

Киев, Барвенково

К концу апреля 1919 года основные петлюровские части были разгромлены, остатки их рассеивались по многочисленным хуторам и местечкам, скрывались за кордоном. Красные войска вышли на западные границы Украины. Но в южных районах начал активничать царский генерал Деникин, враг куда более опасный, чем гайдамаки. И туда, на юг, по приказу командования перебрасывался полк червонных казаков.

1 мая эшелоны прибыли в Киев. Представилась возможность показать правительству республики, как возмужал и окреп полк за четыре месяца после люботинского смотра, на котором нам вручалось Красное знамя. Теперь на площади Богдана Хмельницкого выстроились уже не три, как в Люботине, а шесть сотен общей численностью 900 сабель, вдвое усилившаяся артиллерия, выросшая команда пулеметчиков. Парад принимал главком Украины В. А. Антонов-Овсеенко. Видя перед собою лихо гарцующих кавалеристов, пулеметные тачанки, орудия в конной упряжке, он имел основание телеграфировать в Москву: «Мы посылаем на Южный фронт наилучшую часть — червонное казачество».

Прямо с парада червонцы отправились на железнодорожную станцию, погрузились в два эшелона. Через Полтаву и Лозовую нам предстояло идти в Донбасс, куда подкатилась белогвардейская армия. Однако и по дороге нашлась работа.

Дело в том, что первоначальные успехи денкинцев вскружили голову небезызвестному авантюристу Григорьеву. Этот головорез еще зимой с санкции эсеровского центра организовал крупный, хорошо вооруженный отряд из кулацких сынков, бывших офицеров и прочего сброда. В то время как Красная Армия упорно громила Петлюру, григорьевцы всячески мешали ей коварными нападками с тыла. Червонцам довелось столкнуться с ними в феврале в районе Знаменка, Александрия. Решительный удар заставил эсеровского атамана «просить пардону», заявить о солидарности с Советами. Некоторый срок его отряд участвовал совместно с красными частями в боях на одесском направлении. Но минуло всего два месяца, перешла в наступление денкинская армия, и Григорьев со всей бандой, действуя по директиве своего партийного органа, опять переметнулся в стан наших врагов. Упомянутая директива, кстати говоря, стала тогда же известна советскому командованию. Она полностью раскрыла не только личность самого атамана, но и подлую тактику партии эсеров и ее центра на Украине. Новое предательство Григорьева было тем опаснее, что на данном участке не оказалось достаточных сил ни для борьбы с ним, ни для закрытия образовавшейся бреши. Потому Червоноказачий полк, доехав до Александрии, вынужден был высадиться из вагонов и во взаимодействии с другими подоспевшими частями дал бой эсеровскому сброду. Майская схватка произошла примерно в тех же местах, что и февральская, но на этот раз никакие «извинения» уже не принимались, с изменниками расправились по всей революционной строгости.

С денкинцами впервые столкнулись мы в районе Барвенково. Едва разгрузился там один наш эшелон (другой лишь приближался к станции), как в вечерних сумерках донеслись раскаты артиллерийских залпов со стороны села Очеретино. Сразу же в том направлении была послана вторая сотня, которой вместо Никифора Кобзаря командовал товарищ Павлов. Меня со взводом сотник назначил в головную походную заставу. Не пройдя и пяти

верст, мы заметили маячившую вдали кучку всадников: они ехали к хутору, стоявшему неподалеку от дороги.

Нужно было уточнить, кто они такие. Выслали вперед группу казаков. Через пятнадцать — двадцать минут слышалась ружейная стрельба, показались бегущие без всадников лошади.

Как потом выяснилось, на хуторе случилось вот что. Наши разведчики увидели солдата, стерегущего четырех лошадей, и стали окружать дом. Но сторож в свою очередь их обнаружил, выстрелом поднял тревогу, а сам прыгнул на коня и удрал. Трое его спутников, усевшиеся за хозяйский стол, так и не успели отведать горячих вареников. Перепуганные, выскочили они во двор и тоже начали палить из карабинов. В завязавшейся стычке двое были убиты, а третий, старший унтер-офицер, тяжело ранен. Он-то, поняв близость своего конца, и рассказал «как на духу», что от села Очеретино сюда движется конница генерала Шкуро и что их четверка производила разведку.

Сотник Павлов немедленно отправил гонцов с донесением в штаб полка. Время было уже позднее. Двигаться дальше рискованно, ибо ускакавший с хутора шкуровец, конечно же, доложил начальству о появлении красных. Павлов расположил сотню на привал в ближайшей балке, разослал вокруг конные разъезды, которые всю ночь прощупывали местность.

К утру стало ясно, что кавалерийские части противника стремятся окружить Барвенково. В пяти-шести верстах юго-восточнее станции тяжелый оборонительный бой против кавалерии ведут красные пехотинцы Бахмутского полка. На западной стороне четвертая сотня червонцев бьется с превосходящим неприятелем.

В таких условиях сотник Павлов правильно решил вернуться на станцию, чтобы сражаться бок о бок с другими подразделениями.

Весь полк сосредоточился на окраине пристанционного поселка, среди густых посадок. Артиллерия заняла удобные позиции. Пулеметчики выдвинулись за фланги. Разведывательные группы разлетелись во всех направлениях.

Нетерпеливое ожидание боя взвинчивало нервы. Да и можно ли оставаться спокойным, когда развернутый строй конницы уже показался на дальнем гребне балки, в какой-нибудь версте от нас. Вот кавалерия спустилась

вниз. Балку она быстро проскочит на рысях. Но неприятелю предстоит еще крутой подъем, его лошади измотаются, а это нам на руку. Как только всадники появились наверху, юный штаб-трубач Николай Пряхин заиграл сигнал атаки, подхваченный горнистами сотен. Беглый огонь открыли артиллерийские батареи, на флангах застрекотали пулеметы, конники с обнаженными клинками ринулись вперед.

Явно не ожидавший такого сюрприза противник замешкался. Передние ряды его, прорезанные нашим огнем, стали пятиться, задние продолжали наступать, лошади упавших всадников металась из стороны в сторону, путая строй. Правда, общей паники и отступления еще не было, белые держались, видя скачущую вдали свою резервную часть. Но по этому резерву ударила червонная артиллерия, рассеяла его губительной шрапнелью. А на поле началась беспощадная сабельная рубка.

Утренняя битва у станции Барвенково завершилась беспорядочным бегством шкуровцев, которые оставили здесь свыше пятидесяти трупов и до ста раненых.

В рукопашных схватках погибло несколько червонцев, более десяти было ранено. Вражеский клинок задел, и довольно сильно, любимца красных казаков Паптелеймона Потапенко. Родом он из Барвенковского уезда, и когда местные жители узнали, что этот храбрец, командир разведывательной сотни — их земляк, немало молодых парней и мужчин добровольцами вступило в наши ряды.

Налет на Кегичевку

Успешное отражение червонцами конной атаки и стойкость Бахмутского полка у станции Барвенково были, однако, лишь частным эпизодом. Общая линия фронта под натиском деникинских орд отодвигалась все дальше на север, приближаясь к Харькову и Полтаве. Эти крупные центры, имевшие важное стратегическое значение, служили также базой военного имущества, столь необходимого Красной Армии. Следовало как можно дольше задержать противника на дальних подступах. Сделать это удалось в районе Константинограда (ныне Красноград), хотя сам город был захвачен белыми.

Упорные оборонительные бои развернулись на реке Орчик. Пехотные части, отошедшие к станции Карловка,

закрепились на высоком и крутом берегу, а червонные казаки и Бахмутский стрелковый полк удерживали позиции южнее, между селами Орчиково и Руновщина, нависая над неприятельским флангом.

Таким выгодным положением червонцев и решил воспользоваться Примаков. Весьма заманчивым и вполне реальным казалось: пробиться на конях к станции Кегичевка (это по прямой в 50—60 верстах от наших позиций), разрушить железнодорожное полотно, дезорганизовать тыл противника.

Соответствующее ходатайство, посланное командованию, было одобрено. К нашему рейду приурочивалось наступление пехоты на Константиноград.

Приказ о боевой операции был получен штабом полка 16 июля. Вечером в подразделениях состоялись партийные собрания, на них присутствовали также и сочувствующие. В нашей сотне председатель партячейки Иван Никулин, сообщив о предстоящем походе, напомнил о героическом подвиге полусотника Рамазана, который в марте под Шепетовкой бился с врагом до последнего патрона, и призвал коммунистов быть достойным примером для остальных бойцов.

Ночь прошла в напряженной подготовке к рейду: личный состав проверял оружие, получал боеприпасы; конные разъезды, переправившись через Орчик, уточняли обстановку на том берегу.

Ранним утром 17 июля полк в полном составе выступил из Руновщины и лощинами, балками, соблюдая меры маскировки, углублялся все дальше на неприятельскую территорию. Селения, где могли быть гарнизоны, мы обходили, а немногочисленные встречавшиеся мелкие группы белых быстро обезвреживали. Прodelав за день большую часть пути, на ночлег остановились в Лукашевке. С рассветом — снова в путь. Верстах в десяти от Кегичевки командир полка разделил силы на два направления: дивизион во главе с Петром Григорьевым пошел к селу Крутоярровка, а наша вторая сотня — на Кегичевку.

В полуверсте от станции раскинулось несколько хуторов. Когда мы входили туда, жители настороженно выглядывали из домов. Они, оказывается, собирались в поле на уборку урожая, но теперь отложили это дело, опасаясь шальных снарядов и пуль. Беседы с мужиками и высланный вперед разъезд помогли уточнить силы неприятеля и

Кегичевке. Захватывать станцию сотник Павлов надумал так: полусотня под командой Ивана Никулина пойдет с севера, а первый взвод Филиппа Бороздина — с юга; начало атаки ровно в пять часов утра. Сам Павлов с пулеметным и вторым сабельным взводами оставался в боевой готовности на хуторах. Меня, как своего помощника, сотник направил с Бороздиным.

Хорошо вроде бы продуманный план чуть не дал осечку. До обусловленного времени совместной атаки оставалось минут двадцать, когда наш первый взвод был обнаружен неприятельским патрулем. Ошеломленные внезапным появлением красных, стояли в замешательстве белые солдаты. А нам что делать? Идти в заданный район и ожидать общего сигнала уже не имело смысла: патруль опомнится, сообщит о нас своему штабу. В эти считанные секунды раздумья Бороздин проявил решительность:

— Шашки к бою, за мной!

С незадачливыми патрульными было покончено в три-четыре минуты. Не останавливая коней, помчались мы с Филиппом Бороздиным, а за нами весь взвод. Так, разгоряченные, и влетели на станцию раньше срока, меньшими, чем намечалось, силами. Выручила нас неожиданность нападения.

На платформе еще несколько минут назад стояла идиллическая тишина: подремывали невыспавшиеся часовые, дымил самовар для коменданта, а сам он, молоденький поручик, довольный утренней прохладой, прогуливался в предвкушении чаепития.

И вдруг как гром среди ясного неба грянуло лихое «ура», затрещали выстрелы, выскочила словно из-под земли кавалерия.

Растерявшиеся часовые, пальнув в воздух, бросили винтовки и побежали к пристанционным постройкам, где квартировала комендантская рота. Заметался на платформе комендант, пытаясь остановить бегущих солдат. Его я сразу заметил по новенькому мундиру и ярко-малиновой фуражке и решил захватить в плен. Подлетев на полном скаку, быстро сорвал с седла брезентовое ведро и надел эту «лошадиную кружку» на голову поручику. От страха ли, от удара ли коня он шлепнулся на асфальт перрона, потерял сознание. Соскочив с лошади, я забрал у него оружие, расстегнул воротник мундира и кое-как привел в чувство. Пошли в комендатуру. Поручик нехотя

открыл свой сейф. Я забрал секретные документы, запас патронов для нагана (несколько тысяч штук). Потом передал пленного командиру взвода Бороздину с условием, что поручика доставят невредимым в штаб полка.

Близ станции в это время происходила небольшая по масштабам, но кипучая схватка. Поднятая по тревоге комendanтская рота высыпала из своего здания (оно было в двухстах метрах от вокзала), но выстрелы и панические крики солдат охраны внесли такую неразбериху, что о сопротивлении никто и не думал. Все гуртом побежали в степь. А там подходила с севера полусотня Ивана Никулина, она взяла противника в клинки.

Завершив свое дело, мы отправились обратно в хутора, к сотнику Павлову. Только удалились от станции, как раздались один за другим оглушительные взрывы. Это сработала взрывчатка, заложенная нашими подрывниками. Были уничтожены подвижный состав, стрелки, крепостины, телеграф и иные объекты.

Под Константиноградом

После полудня 18 июля наша сотня — при восьми раненых — с важными трофеями и тремя десятками пленных присоединилась в селе Новопавловка к своему полку. Радостно было узнать, что и дивизион Григорьева успешно выполнил боевую задачу. Севернее Кегичевки его конники взорвали мост. Значит, на этом участке белые долго не смогут пользоваться железнодорожными путями и телеграфной связью.

Как и предусматривалось планом операции, налет конницы на тыл противника приурочивался к напору советской пехоты по линии фронта. Когда Червонный полк из Новопавловки двигался к Константинограду, оттуда доносился гул канонады. Наш удар с юга помог пехотным частям выбить белых из города.

Начавшийся ночью сильный ливень продолжался почти всю субботу 19 июля, дороги развезло, все раскисло. Широких боевых действий не вела ни та, ни другая сторона. Но как только дождь утих и подсохло, ранним воскресным утром червонцы скрытно подошли к селу Шахово. Тамошний гарнизон, включавший конногвардейский и пехотный полки, не успел опомниться, как наши кавалеристы ворвались на улицу. Понесший немалые по-

тери неприятель был выбит из селения, оставив пятнадцать пулеметов, много лошадей и прочего добра. Правда, этот бой и нам стоил двадцати убитых и раненых. Помнится, в тот день ранен был командир полевой батареи Михаил Зюк, но отнесся к этому со свойственным ему оптимизмом — «Э-э, заживет!» — и поста своего не покинул.

Преследуя остатки шаховского гарнизона, мы где-то у Путаровки столкнулись с более крупными силами пехоты и артиллерии. Красные казаки на рысях, подбадриваемые музыкой трубачей, атаковали противника и вынудили его отойти дальше на юго-восток.

После пяти напряженных дней и ночей боев и маршей червонцы были выведены в резерв. Полк расположился в селе Песчанки, к северу от Копстантинограда. Отдых был, однако, недолгим. Подтянутая с царицынского участка так называемая Железная бригада генерала Геймана 25 июля вытеснила из города стрелковые части, вынудив их отступить к станции Карловка. Во встречном бою у села Лебяжье червонные казаки потрепали один из гейманских полков.

Для более прочной обороны был избран берег Орчика, и наш полк опять занял ту самую линию, что и до кеичевского рейда, снова соседствуя с Бахмутским полком (он был в селе Климовка, на восточном берегу).

На берегу Орчика

Наша задача определялась тем, что позади нас была железнодорожная станция Селешино с артиллерийскими складами и большим числом эшелонов с военным имуществом. Требовалось выиграть время на эвакуацию. И Примаков со штабом, организуя здесь сопротивление, сделали все возможное, чтобы продержаться не менее суток.

В пятницу 26 июля стояла жаркая, солнечная погода. Часа в два пополудни пехота генерала Геймана тремя густыми цепями начала приближаться к хутору Романовскому и Климовке. По хутору ударила четырехорудийная батарея белых. Но местность была заранее пристреляна нашей артиллерией, расположенной на горе к западу от реки, и бомбардиры-червонцы меткими снарядами вскоре разбили два вражеских орудия. Это несколько охладило пыл неприятеля. К вечеру артогонь усилился: генерал

прислал еще одну полевую батарею и взвод гаубиц. Возобновившееся наступление было приторможено стойкостью казаков и бахмутцев, которые до ночи держались на восточном берегу, а потом перешли на западный.

Реку Орчик в этом районе мы более или менее изучили, знали и глубины ее и броды. Возможные места переправ взяли под прицел пушек и пулеметов. Три сотни казаков, спешенные, заняли оборону, три другие были отведены в резерв.

В два часа ночи 27 июля противник подошел к самой реке, пытаясь найти мелководье. Ракеты осветили скопления войск, по ним открыли сильнейший ружейно-пулеметный огонь, а когда белые цепи отхлынули к хутору Романовскому, вслед бросилась конная сотня. Ночная темнота помешала сабельной атаке, да она и не изменила бы общего положения, так как неприятельских сил накапливалось тут гораздо больше, чем мы могли отразить.

Подошло время оставить этот рубеж. Бахмутский полк, встревоженный обстановкой, рано утром отступил в полтавском направлении. Четыре сотни червонцев с артиллерией взяли курс на Селешино. Две сотни еще несколько часов бились на берегу, а потом под прикрытием тумана ушли и они, оставив арьергардный взвод, который, помаячив на видных со стороны противника буграх, тоже вскоре скрылся.

Выиграпные на Орчике сутки, а затем выход Червонного полка к станции Селешино и участие в ее защите способствовали спасению для Красной Армии большого количества военного снаряжения и боеприпасов.

СТАНЦИЯ ХРОЛИН

Ниже печатаются отрывки из киноповести Дмитрия Аркадьевича Шмидта, опубликованной в журнале «Молодая гвардия» № 7 за 1933 год. Описываемые автором события достоверны, литературные герои имеют реальных прототипов. Бой на станции Хролин, близ Шепетовки, происходил в конце марта 1919 года. Боевыми действиями бригады 2-й повстанческой дивизии руководил сам Д. А. Шмидт (в тексте — комбриг). Под именем Андрея Бубекина выведен помощник командира Червонно-казацкого полка Андрей Васильевич Багинский (Ружпульпарк — его дружеское прозвище за многочисленные ранения).

Титр: АРМИЯ ДИРЕКТОРИИ УХОДИЛА НА ЮГО-ЗАПАД С ТАКОЙ БЫСТРОТОЙ, КАКУЮ ТОЛЬКО ВЫДЕРЖИВАЛИ ПАРОВОЗЫ.

Вдаль, к горизонту, уходят провожаемые разрывами снарядов бронепоезда и воинские товарные составы с торчащими над платформами телами орудий, с теплушками, забитыми людьми.

Видна лихорадочная погрузка петлюровских войск под огнем рвущейся шрапнели. Видны составы, в панике отпавляющиеся до окончания погрузки. Гайдамаки бросают зарядные ящики и бегут вслед за уходящими поездами.

Под громко звучащую тревожную музыку проходят пейзажи, и становится все более заметным приближение весны. Вначале это маленькие ручейки, потом это реки, озера воды и, наконец, непролазная грязь, в которой вязнут лошади и пехота.

Титр: ПЕРВАЯ БРИГАДА ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДИВИЗИИ ПРЕСЛЕДОВАЛА ГАЙДАМАКОВ.

Мы видим комбрига, пропускающего переходящие мост части.

— Лошади приста-
ют... — говорит Палый,
командир 5-го полка. —
Нужно грузить артилле-
рию на платформы.

Комбриг утвердитель-
но кивает головой.

— Что это за со-
став? — спрашивает он.

Перед бронепоездом, у
моста, стоят железнодоро-
жные платформы с по-
крытыми брезентом ору-
диями... Какой-то безрукий
человек прыгает с тормоз-
ной площадки и бросается
к комбригу, спотыкаясь и
увязая в грязи.

— А, Ружпульпарк,
здорово! — приветствует
его комбриг. — Это ты влез
со своими колымажками? Что везешь, картошку или сти-
ральное мыло?

Бубекин протягивает комбригу единственную руку.

— Три новых горных орудия для Червоного полка.
Я везу их напрямую, в Шепетовку.

— А где же твоя прислуга?

— Прислуги нет, я получил эти орудия свеженькими,
прямо из духовки в Киевском арсенале. Мы везем их толь-
ко вдвоем, я и начальник особого отдела...

— Так он же, раненный в голову, лежит в госпитале?

— Сбежал... Вон он... Масальский!

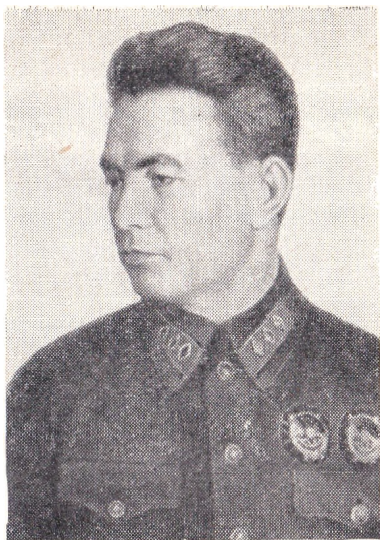
Затянутый в тугую шинель, с перевязанной головой, к
ним подходит Масальский.

— Ты что же, решил без головы воевать?

— Обойдусь, — мрачно отвечает Масальский.

— Так что мне с вами делать, ребята? — спрашивает
комбриг. — Вы вперди ваши платформы, а мне нужно пус-
кать бронепоезда.

— Давай пусть идет наш состав, — говорит Масаль-
ский, — а в Хролине мы его переведем на запасный и
пропустим твой бронепоезд.

Д. А. Шмидт

Последние части бригады уже переходят через мост.

— Идет, — говорит комбриг, и Бубекин машет рукой.

Паровоз дает свисток, платформы въезжают на мост. За ними движутся комбриг, Левка (порученец комбрига. — *Ред.*), Палий и севшие на лошадей Бубекин с Масальским. Сзади, в нескольких шагах, два гиганта матроса на одинаковых белых конях.

Комбриг едет между Бубекиным и Масальским.

— В хорошую компанию я попал, — говорит комбриг, — один без головы, а в другом сидит двенадцать пуль...

— Восемнадцать, — поправляет Бубекин.

Оглушительный взрыв потрясает воздух, взлетают куски дерева и железа. Вода в реке и плывущие льдины покрываются обломками. Река беснуется, ударяясь об упавший пролет моста.

— Мина замедленного действия... — бормочет безрукий Бубекин.

Взбешенный комбриг соскакивает на землю.

— Замедленного! — орет он на них в чем не повинных товарищей. — Вам бы такую замедленную смерть с вашими колымажками!.. Я теперь без бронепоезда...

Пыхтящий бронепоезд стоит по ту сторону взорванного моста.

— Восстановить телефонную связь в полчаса! — приказывает комбриг, держа в руке конец оборванного провода.

Т и т р: СТАНЦИЯ ХРОЛИН

Крохотный человек в фуражке дежурного по станции:

— Но я ничего не могу сделать... Пути забиты, вы видите, я прилагаю все усилия...

— Слухай, парень, — отвечает ему верзила офицер с висящими усами. Он держит дежурного за пуговицу тужурки и смотрит исподлобья. — Если о ци шить вагонны не будут выведенные из тупика и отправленные, то я своими властными руками отвинчу твою голову...

— Вот вы удивительный человек, — щебечет маленький дежурный. — Идемте вместе, и я при вас буду все делать... Эй, Семен! — кричит он проходящему хрому стрелочнику. — Иди на пятую путь, к тупику...

Семен едва передвигает ноги.

— А не можно поживей? — со злобой кричит ему офицер.

— Походка... — не оборачиваясь, оправдывается хромой стрелочник.

К стоящим в тупике товарным вагонам подцепляется паровоз. Сцепщик свистит, и паровоз тащит вагоны за собой.

Офицер и маленький дежурный идут рядом с составом.

Паровоз останавливается.

— Сюда нельзя, — объясняет дежурный, показывая рукой, — здесь путь разбита.

— Нельзя, — соглашается офицер.

— Значит, на седьмую, — и дежурный машет флажком.

Переводится стрелка, паровоз тянет вагоны на седьмой путь и снова останавливается.

— Теперь нужно назад, — полувопросительно говорит дежурный.

— Назад! — мычит офицер.

Снова переводится стрелка. Офицер и маленький дежурный неотступно следуют за составом.

— Ну-с, теперь нужно выводить или на пятую, или на третью... Смотрите, третья забита, дальше некуда. Значит, на пятую. Так?

— Ну, так... — бормочет верзила.

Дежурный машет флажком. Смотрящий в его сторону стрелочник переводит стрелку, едва заметно моргнув глазом. Паровоз свистит, движется и снова останавливается.

— Ну, куда вы его выведете? — спрашивает дежурный.

Недоумение отражается на иднотском квадратном лице офицера.

— Так он же обратно в том самом тупике?

— В том самом, куда же вы его теперь выведете?

Офицер смотрит вперед, вдоль линии, потом назад. Он идет к паровозу, затем возвращается.

— Чего ты мене пытаешь, сука! — набрасывается он на дежурного. — Ты сам выводи, душа с тебя долой!

Дежурный беспомощно разводит руками.

Неожиданно раздается треск пулеметов.

— Эй! — Офицер, выхватив шашку, в бешенстве ударяет маленького дежурного, тот отскакивает, и удар приходится по спине.

Гайдамаки в панике бросаются в вагоны. Свистят паровозы.

Из-за поворота показывается мчащийся прямо на станцию отряд кавалерии... Красноармейцы прицеливаются на скаку и бьют по уходящим поездам.

— Таким образом, положение наше вот какое... — слышим мы голос комбрига и видим карту-трехверстку, напей руку, зажавшую в пальцах огрызок карандаша. — Взорванный мост и распутица отрезали нас от бронепоездов и от армии... Рассчитывать на поддержку мы сейчас не можем...

Маленькая станционная дежурка. Головы Палия, Топчего (командир Миргородского полка. — *Ред.*) и военкомов полков склонились над картой. Бубекин и Масальский сидят поодаль на деревянном диванчике.

— Ты, Палий, сейчас выступаешь. Общее направление на Шепетовку... Разграничения справа — железнодорожное полотно... Миргородский полк идет на рассвете, разграничения у него — полотно слева. Наступать обоим завтра, в восемь утра...

— Ты спрашивал насчет моста, Леонид? — Комбриг поворачивается к Масальскому.

— Да, попробую еще раз. — Масальский выходит.

Темные лесные массивы встают из светящейся линии горизонта. Станционный домик черным силуэтом вырисовывается на почном небе.

Эскадроны 5-го полка шагом уходят со станции. Пехота спускается с насыпи и исчезает в темноте.

— Можно войти? — спрашивает кто-то в дверях, и в полосу света входит маленький дежурный в тужурке, забрызганной грязью, в красной фуражке, примятой и потерявшей фасон.

— Кто такой? — Комбриг поворачивается в его сторону.

— Дежурный станции Хролиц... Товарищ командир, я вам приберег шесть вагонов снарядов...

— Ого! Иди-ка сюда... — Комбриг подсовывает ему табуретку. — Какого калибра?

— Не знаю.

— Андрей, — обращается комбриг к Бубекину, — пощупай-ка эти снаряды: может быть, как раз твой калибр.

В опущенных эпизодах киноповести рассказывается, как кулацкие элементы разлагали дисциплину в Миргородском полку и склонили его к переходу на сторону врага. Командир полка Топчий после отчаянной попытки предотвратить измену на глазах у всех покончил самоубийством. Его смерть отрезвила некоторую часть бойцов, и они повернули к своим. Комиссар полка в завязавшейся суматохе был ранен.

Вся тяжесть борьбы с петлюровским бронепоездом, который прикрывал свою наступающую пехоту, легла на 5-й Советский полк. Его бойцы в наскоро сделанных окопах вели ружейный и пулеметный огонь, бросались на бронепоезд с гранатами. Но враг упрямо продолжал двигаться к станции Хролин, где оставалась лишь небольшая группа штабных командиров и красноармейцев.

На горизонте виден дымок приближающегося бронепоезда.

— Ого-го! — кричит Бубекин, к нему подскакивает матрос. — Принеси мне из обоза руку!

— Есть, принести из обоза руку! — козыряет матрос.

Красноармейцы переглядываются, ничего не понимая.

— Андрей! — К Бубекину подходит комбриг. — Твои пушки готовы?

— Готовы! — Бубекин хлопает по спине маленького дежурного. — И твои снаряды сейчас так зажарят из моих пушек, что от Петлюры песок посыплется.

Над станцией рвется шрапнель.

— Вот только, — чешет здоровой рукой загривок Бубекин, — артиллеристами нас бог обидел... Один я на три орудия — не скажу, чтоб богато...

Второй матрос указывает комбригу на крышу станции:

— Вот начальник особого отдела кличут...

На крыше станции, размахивая зажатым в руке биноклем, побледневший Масальский зовет комбрига. Командир и Бубекин быстро поднимаются туда.

— Миргородцы соединились с гайдамаками и идут в обход пятому полку...

Комбриг подносит к лицу бинокль.

— Стукалов! — кричит он.

Второй матрос, перескакивая через четыре ступеньки, взлетает на вышку станции.

— Товарищ Стукалов, — поворачивается к нему комбриг, — сообщить командиру пятого полка, что Миргородский полк изменил революции и, соединившись с неприятелем,

телем, идет им в обход. Я приказываю пятому полку выйти из боя и отступить.

Матрос стоит навтыжку перед комбригом, легкий ветер треплет полы его бушлата.

— Скажешь Палию, — продолжает комбриг, — что я со штабом буду держаться здесь, на станции, до получения от него известия об отходе.

Матрос берет под козырек и исчезает с вышки.

— Я останусь, — говорит Масальский, держа бинокль у глаз.

Комбриг спускается вниз.

Разрыв шрапнели. Второй. Третий.

— Есть рука из обоза! — щелкает каблуками первый матрос.

Андрей Бубекин на глазах у остолбеневших красноармейцев привинчивает протез к культяпке.

Комбриг берет прицел на бронепоезд.

Бубекин делает у себя и у Левки наводку.

— Ну, ребята, теперь только подноси! — кричит назад комбриг. — Огонь! — командует он и тянет ремень.

Снаряд рвется перед самым бронепоездом, у насыпи.

Первый матрос, красноармейцы и маленький дежурный бегают от вагона к орудиям, поднося снаряды. От хромоты стрелочника Семена не осталось и следа. Он носится как ошалелый.

Бубекин поправляет прицел. Комбриг и Левка стреляют по бронепоезду.

Разрыв шрапнели. Матрос падает со снарядом в руках. Стрелочник на мгновение останавливается и потом проносится мимо.

...Жерла трех орудий изрыгают в ночь пламя. Непрерывный гул выстрелов и разрывов стоит над кучкой измученных людей.

Бубекин вдруг останавливается, схватившись за плечо.

— Девятнадцать... — говорит он. — Теперь девятнадцать...

Комбриг яростно дергает ремень. Он шатается, темный, в пороховом дыму.

— Хорошо бегаешь, парень, — говорит, держась рукой за плечо, Бубекин стрелочнику Семену.

— Походка! — кричит на ходу стрелочник,

Из орудия Бубекина стреляет маленький дежурный. Бубекин, с трудом подняв раненую руку, поправляет наводку.

...Бледный рассвет поднимается над землей. В совершенном изнеможении, почти засыпая, люди стреляют из раскалившихся трех орудий.

— Никаких известий от пятого полка... — скорей себе, чем стоящему рядом Масальскому, тихо говорит комбриг.

Масальский сменил его у орудия. Командир стоит, пошатываясь на неверных ногах.

С оглушительным грохотом рвутся снаряды.

— Попробуй еще связаться с мостом... — говорит комбриг и снова становится у орудия.

Масальский идет к зданию станции.

Комбриг, Левка и маленький дежурный стреляют, окруженные горами расстрелянных гильз. Безрукий Бубекин, лежащий возле орудия на земле, пытается подняться, но острая боль в плече снова сваливает его.

Красноармейцы подносят снаряды, шатаясь и спотыкаясь от усталости. И лишь стрелочник, как хорошо смазанная машина, работает не переставая, только немного медленнее, чем в начале боя.

Петлюровская разведка с обнаженными саблями вылетает из леса.

— Пулеметы! — хрипло кричит комбриг. Бросив орудия, люди хватаются за пулеметы и винтовки.

Снаряд ударяет в станционное здание. Вспыхивает пожар.

Левка целится из винтовки, щуря глаз. Его ноги в блистательных парчевых рейтузах лежат как золотые змеи.

Комбриг стреляет и трясется вместе со своим пулеметом.

— Левка! — кричит он. — Бери паровоз и мотай на мост! Объясни им все, что надо.

— Сейчас, товарищ канбриг, — бормочет Левка, — сейчас... Он у меня уже сидит на мушке...

Еще мгновение Левка целится, нажимает курок, и один из летящих на станцию всадников падает на землю. Левка уползает.

В разведке падают еще несколько человек. Остальные поворачивают коней и гонят обратно в лес.

— К орудиям! — кричит комбриг.

И, оставив винтовки и пулеметы, бойцы снова бегут к орудиям.

— Товарищ комбриг!.. — кричит маленький дежурный.

Комбриг оборачивается. И мы видим появляющуюся из леса, куда скрылась разведка, лавину конницы.

— Винтовки и пулеметы!.. — хрипит комбриг, и люди опять ложатся с пулеметами и винтовками за батареями.

Ряд эпизодов киноповести связан с ремонтом взорванного моста. Туда прибыли рабочие-добровольцы, красноармейцы, инженеры. Старый специалист полагает, что на надежное восстановление моста пужно не меньше трех суток. «Нас не устраивают даже сутки, — говорит комиссар дивизии. — Бригада гибнет, дорога каждая минута». Молодой инженер предлагает соединить фермы и рельсы на временной опоре. Это рискованно, но только так можно быстрее пропустить бронепоезда на выручку защитников станции Хролин. Предложение принимается, закипает работа.

Посланный комбригом порученец Левка появляется у моста, когда воинские составы уже перешли опасный участок, и спешит вслед за ними.

Появление красных бронепоездов решает исход хролинского боя. Осыпаемые огненным градом, петлюровцы отступают.

С буфера подходящего к станции эшелона соскакивает Левка и бросается к тому месту, где стояла батарея.

Станционные пути и площадка перед сгоревшим зданием заполнены красноармейцами и рабочими.

— Где канбриг? — вопит Левка, налетев на Масальского, и трясет его, схватив за борт шинели.

Лицо Масальского обожжено порохом. Он шатается, с трудом держась на ногах.

— Там, — кивает он головой в сторону.

И Левка, сорвавшись, несется дальше.

Комбриг сидит на земле, возле орудия. Его плечо перевязано, рука бессильно висит вдоль тела.

— Канбриг! — кричит Левка и хватается его руками за голову.

— Подожди, подожди, Левка, — говорит комбриг. Лицо его неподвижно, а глаза сияют улыбкой. — Вон Стукалов меня ищет...

Левка поворачивается и кричит саженному матросу.

Тот, повернувшись, бежит к ним. Его бушлат разорван. Весь он с головы до ног покрыт грязью.

— Товарищ командир бригады! — рапортует, козырнув, Стукалов. — Доношу, что пятый полк, согласно вашему приказанию, вышел из боя и отступил.

— Товарищ Стукалов, — отвечает комбриг, — передай командиру пятого полка: приказываю ему наступать...

ЗАЩИЩАЯ КРАЙ РОДНОЙ

Слухом земля полнится... Так и до села Малая Загоровка, стоявшего вроде бы в стороне от мест кровопролитных сражений, долетела в августе 1919 года весть, что неподалеку, в районе города Нежин, появились червонные казаки, которые здорово бьют беляков-деникинцев. Сильно меня это взволновало. Я ведь служил в Червонно-казачьем полку минувшей зимой, вступив в него под Харьковом. Повоевал недолго: заболел тифом, отправили на лечение в Ахтырку. Выздоровление шло медленно, и, выписавшись из больницы, я был еще слаб. Летние месяцы, проведенные в родном доме, прибавили сил, и мысли все чаще возвращались к одному и тому же: как бы разыскать свой полк?

Хоть и невелик был мой жизненный путь, но довелось хлебнуть горя. Годовалым остался без отца, учился только в церковноприходской школе. Смолоду пас сельское стадо, батрачил на помещика Горбача. Так что выбирать свою линию в развернувшейся после Октябрьской революции вооруженной борьбе не приходилось, она была мне ясна: за Советскую власть, против белогвардейских банд.

И вот, когда червонцы оказались поблизости, я снова собрал в котомку вещички, продукты и вернулся в боевой строй. Встречая старых друзей, знакомясь с новыми людьми, с интересом слушал их рассказы о весенне-летних боях, которые «пропустил» из-за болезни. Своими глазами видел: крепко выросли за эти месяцы ряды червонных казаков, стало их до двух тысяч, тогда как зимой было раза в три меньше. Что особенно удивляло и радовало, так это сильная и маневренная полковая артиллерия. Пушкири всегда вызывали у меня уважение, и я попро-

силъся на батарею. В просьбе моей и то сказалоcь, что, ослабленный тифом, я не смог бы сразу стать полноценным всадником, а обузой быть не хотелось.

В те дни полк преобразовывался в бригаду двухполкового состава. Приказ об этом был издан, если не ошибаюсь, 14 августа. Рождение бригады осталось заметной датой в истории красного украинского казачества.

В тогдашней обстановке быстрого деникинского наступления, которое селo уныние в одних красноармейских частях, расшатывало дисциплину в других, червонные казаки оставались наиболее боеспособными на данном участке фронта. Вынужденные отходить вместе со всей армией, они до последней возможности удерживали каждое селение, дрались за каждую балку, речку. Такая стойкость отрезвляюще действовала на противника и одновременно позволяла своему командованию наводить порядок в отступающих войсках.

Хорошо помнятся бои в районе железнодорожной станции Круты. Там неожиданно объявилась, помогая деникинцам, крупная кулацкая банда Ангела, которого за зверства и коварство правильнее бы назвать Чертом. Близ поселка Ичня (около 30 верст к югу от станции Круты) эти бандиты напали на конный разъезд 2-го червонного полка. В завязавшейся стычке были убиты командир взвода и политрук, несколько казаков ранены. Совершив черное дело, «ангелы» ушли на разгул в селение южнее Ични.

Донесение разъезда командир 2-го полка П. Р. Потапенко выслушал, сцепив зубы и хмурясь. Человек очень выдержанный, Пантелеймон Романович и на этот раз не дал воли чувствам. Минут пять он молча обдумывал слу-

П. А. Маслак (спимок 1966 г.)

чившееся и принял такое решение. Полусотня червонцев пойдет навстречу бандитам, выманит их из села, а остальными силами полк, замаскированный в ближнем лесу, завершит разгром.

Получилось, как задумали. Приблизившись к селению, где гуляли бандиты, червонная полусотня демонстративно, с криком «ура» как бы пошла в атаку. Завязалась частая перестрелка. Потом казаки, спешенные, начали потихоньку отступать. Разгоряченная «успехом», бросилась за ними чуть ли не вся банда — сто конных и семьсот пеших. Ускоряя отход, червонцы сели на коней и рысью поскакали к лесу, все дальше увлекая за собой «ангелов». И когда те очутились на обширной поляне близ лесной опушки, внезапно выхлестнул из засады кавалерийский полк. Рубка была беспощадная, пленных не брали. До двухсот бандитов свалились на месте схватки. Не меньше уничтожили при преследовании. Атаман Ангел получил крепкий урок.

Положение на фронте продолжало, однако, ухудшаться. Сдана противнику станция Круты, червонцы отошли к северу. Части 12-й армии, оборонявшие Киев, под натиском крупных неприятельских сил отступали по Черниговскому шоссе, потеряв при этом несколько бронепоездов, немало артиллерии, бронированных автомобилей, то есть лучшее из боевой техники той поры. Никем не управляемые, на десятки верст растянулись разрозненные группы пехотинцев вперемежку с обозами.

Прикрывать отходящую армию от флангового удара, выиграть время для восстановления боеспособности стрелковых полков выпало на долю кавалерийской бригады В. М. Примакова. Боевой дух червонцев не иссяк. Сам факт, что они воюют на Черниговщине, прибавлял им мужества. Ведь многие из казаков и большинство командиров были местными уроженцами. Негоже, считали они, ронять воинскую и революционную честь в глазах земляков. Сама родная черниговская земля помогала своим сынам и защитникам.

Не забыть боев в районе станции Британы. Наша артиллерия взаимодействовала со 2-м полком Потапенко, который прислал для ее прикрытия двадцать казаков. Орудия установили на опушке соснового леса. Приказано было обстрелять позиции деникинцев возле селений Заньки и Смолеж, хорошо мне известных, так как это в

20—25 верстах от моей Малой Загоровки. Артиллеристы постарались, и метко пущенные ими снаряды причинили врагу немалый урон.

Вдруг бойцы, наблюдавшие за лежащей впереди мостностью, закричали:

— Чеченцы! Чеченцы!

Тревожные голоса заставили всех всмотреться вдаль. Действительно, к нашим позициям стремглав неслись кавалеристы в форме Кавказского полка белых. Сколько их было, не помню, но эта пенстова орущая и размахивающая саблями орда явно рассчитывала на устрашение.

Однако, как говорится, не на тех напали. Секундное замешательство червонцев сменилось деловитой командой:

— Ложись в цепь! Задпом — или!

Завод прикрытия открыл дружный огонь из винтовок, ручных пулеметов. И тут же ударили шрапнелью пушки. Лавина чеченцев вскоре повернула назад, оставляя упавших всадников и их разбежавшихся лошадей.

На другой или третий день наша батарея совместно со 2-м полком приняла участие в бою за многодворное село Веркеевка. Конные сотни во главе с самим Потапенко не раз бросались в атаку, артиллеристы и пулеметчики помогали им огнем, и в конце концов денкинцы были выбиты из села. Крестьяне явились к командиру полка с хлебом-солью, большая группа веркеевских активистов упростила припать их в червонцы. Эти товарищи вместе с нами до позднего вечера отбивали вражеские палеты. А когда стемнело, мы сами оставили Веркеевку и поплы по Черниговскому тракту, чтобы в селе Вересочь перейти на другой берег одноименной реки для соединения с основными силами бригады.

В этот район обходными путями успели просочиться белые. Укрываясь в густых зарослях вересоченских лесов, они обрушили на нас сильный огонь. Бой в ночной темноте по накалу не уступал дневному. Ухали трехдюймовки, лихорадочно стреляли пулеметы, спешенные казаки шаг за шагом пробивались вперед. Не выдержав напора, денкинцы отступили в глубину леса, а мы быстрым броском достигли Вересочи. Но мост оказался разрушенным, а река тут глубокая — не перейти, не переплыть. Пришлось повернуть на север и вдоль берега идти к деревне Хибаловка, где имелся брод.

Только утром достигли назначенного командованием пункта — села Дроздовка. Стояла небывалая августовская жара. Уставшие и разморенные люди разбрелись по сеновалам, клуням и завалились спать. Бодрствовала лишь охрана обоза, расположившегося посредине села, да конные дозоры, высланные в сторону Вересочи. Мне тоже не скоро удалось отдохнуть. В ночном бою нескольких казаков ранило, им требовалась медицинская помощь. Дело это я знал: еще при мобилизации в царскую армию меня определили в школу военных фельдшеров, кое-чему научили там, а практику, и немалую, я прошел на германском фронте. Так что теперь, числясь рядовым в оружейном расчете, я выполнял попутно и лекарские обязанности.

Пока в доме, приспособленном под лазарет, промывал раны, бинтовал, давал лекарства, которые держал про запас, уже и смеркаться начало. На сельской улице местные парни и молодые казаки затянули под гармонию залихватские песни. Мне тоже хотелось побыть в веселой компании, да усталость и сон брали свое.

Пребывание в Дроздовке длилось несколько дней. Наши бойцы помогали крестьянам молотить и перевозить хлеб, и это крепко сдружило их. Существенной тому причиной было, не сомневаюсь, и то, что в красном казачестве оказались люди родом из этого и соседних сел. Только среди наших артиллеристов помню двоих уроженцев Дроздовки — умного коммуниста, прекрасного наводчика Дмитрия Кулинича и умелого, распорядительного помощника командира батареи Гончара. Рассказы о боевой службе и дальних походах и бравый вид червонцев не могли оставить молодых ребят равнодушными. И когда мы двинулись дальше, к Орловке и Грабовке, то не удивительно, что к нам присоединились почти все дроздовские парни. А следом ушли, под материнские причитания, и девушки, опасавшиеся бесчинств денякинского офицера.

В военной судьбе моей вскоре произошла перемена. Мне велено было явиться в штаб бригады. Пришел. В комнате, куда пропустил меня дежурный, находились комбриг Примаков, командиры полков Потапенко, Григорьев, штабные сотрудники. Видимо, перед этим они совещались. Наш артиллерийский начальник Михаил Осипович Зюк с веселой улыбкой сказал:

— А вот и доктор!

Виталий Маркович спросил:

— Ты вправду закончил фельдшерскую школу?

— Так точно, товарищ командир бригады! — ответил я, протягивая ему свой старый документ, который сохранял больше для памяти.

Мельком взглянув на удостоверение военного фельдшера, Примаков заговорил о большой нужде в медицинском персонале: запрашиваем, мол, таких людей сверху, ждем не дождемся, а они порой совсем рядом.

— Ну, принимайся за свою профессию! — Комбриг дружески положил ладонь мне на плечо. И, обращаясь к Зюку, произнес не то извинительно, не то с укором, что раньше это не сделано: — А на батарее, думаю, вы и без него управитесь...

С тех пор помощь раненым и больным стала главной моей заботой в червонном казачестве. В мое распоряжение была предоставлена тачанка с ездовым; прежняя верховая лошадь и оружие тоже остались при мне. Получил также мандат за подписью самого комбрига: военный фельдшер такой-то, говорилось в нем, имеет право реквизировать медикаменты в аптеках по пути следования Червонно-казачьей бригады. Эта предусмотрительность не раз выручала, когда были очень необходимы лекарства. А требовались они часто: не только вражеская пуля, но и проклятая тифозная вошь постоянно угрожали людям. Должен отметить, что я всегда находил поддержку у В. М. Примакова и комиссара Е. И. Петровского, у всего командно-политического состава, проявлявшего искреннюю заботу о здоровье бойцов.

На черниговском участке Червонно-казачья бригада сражалась до конца сентября. В то время я бывал по служебным делам во многих подразделениях и могу свидетельствовать: более надежного щита Чернигов и его округа не могли бы и желать. С рыцарской доблестью защищали червонцы родной край, отбивая натиск вражеских войск.

Оборона черниговского плацдарма строилась так. Естественной преградой служила река Десна, огибающая город подковой. Единственный мост, по которому возможен прорыв неприятеля, охраняли двести казаков из обоза при четырех станковых пулеметах. Основные силы бригады, собранные в кулак, свободно маневрировали по предместью, раскинувшемуся на тридцать пять верст в ширину. Это давало червонцам определенное преимущество в

тех условиях, когда за спиной почти не было других, поддерживающих частей.

Противник, остановившийся по линии реки Вересочь, неоднократно пытался пробиться к Чернигову. Однажды реку перешла конница (Кавказский полк, все те же чеченцы) и направилась к селу Бакланово-Муравейка. Патрулировавший в тех местах разъезд червонцев сообщил об этом в штаб. Противника встретил полк Петра Григорьева. Завязался кавалерийский бой, в результате которого белые, потеряв десятки всадников и лошадей, отхлынули обратно за Вересочь.

Через два дня неприятель повторил вылазку, подкрепив конницу пехотой (сводным полком дроздовской дивизии). На этот раз бой был более длительным и тяжелым. участвовали в нем оба червонных полка.

Кавалеристы-чеченцы, выйдя из небольшого леса, направились на сотню 1-го полка. Белые рассчитывали ошеломить червонцев сабельной атакой, но встретили дружный отпор. Кавказцы спешились и, поддерживаемые пулеметами, опять повели наступление.

Геройски дрался один червонец-пулеметчик (жалею, что фамилию запомнил). Раненный в ногу, он лег на другой бок и продолжал стрелять. Вторая пуля впиалась ему в плечо. На какой-то момент «максим» затих, но здоровая рука снова нажала спуск. Третий раз казака ранило в грудь. Совсем уже оставляют его силы, а пулемет, хоть и с перебоями, продолжает строчить. Только четвертая пуля оборвала жизнь богатыря. Так и не увидев он, как его товарищи кинулись в шашки и жестоко отомстили врагу.

Был в тот памятный день еще вот какой случай. Командир сотни 2-го полка Сергей Глот, молодой и отчаянный вояка, во главе конников галопом выскочил на окраину села, куда въезжал вражеский эскадрон. Офицер принял червонцев за своих, даже «узнал» Глота и крикнул ему, козыряя:

— Мое почтение, Викентий Владимирович!

Наш молодец не растерялся:

— Мое почтение! — и выстрелом из нагана убил беляка.

Я хорошо помню Сергея Глота, много раз встречался с ним. Он был москвич, из состоятельной семьи, нужды в прошлом не знал. Но, парень увлекающийся, Сергей увидел настоящую жизнь не в личном богатстве, а в рево-

люционной борьбе. Храбро сражался он и на врангелевском и на польском фронтах. Во время галицийского похода, в бою за город Рогатин, наш герой с двумя сотнями атаковал три пехотных батальона. Численное превосходство не спасло врага от поражения. В этой жаркой сече Сергей Глот погиб, его посмертно наградили орденом Красного Знамени.

В той же схватке близ Вересочи был еще один драматический эпизод. 2-й полк Потапенко после сильной перестрелки погнался противника за реку. Увлеченный погоней, один червонный взвод промчался далеко вперед и оказался в неприятельском тылу. Деникинцы окружили его, надеясь хоть тут отыграться. Красные казаки, не потерявшись, пашками пробивались сквозь вражеские ряды. Однако трое бойцов — Масловский, Маховский и Белик — оказались отрезанными так крепко, что им оставалось только биться до конца. Отстреливаясь до последней возможности, они предпочли смерть от собственной пули позорному плену.

Припоминается дерзкий подвиг казака пулеметчика Резникова из 1-го полка. Направляясь со своей сотней к селу Вересочь, он выдвинулся в составе дозора, разведальное расположение передовых частей противника, сообщил об этом командиру. Потом Резников и пять его товарищей, решив забраться поглубже, натолкнулись, уже верстах в пяти от окопов, на артиллерийскую батарею. Можно было лишь запомнить ее место, и то принесло бы пользу. Но Резников, увидев одно, стоявшее в стороне, орудие, предложил захватить его, чтобы ударить по вражеской батарее. Попытка эта, к сожалению, не удалась. Охранявшие пушку деникинцы заметили червонцев, открыли по ним огонь, и разорвавшимся снарядом Резников был убит. Остальные казаки, сумевшие выбраться из переделки, рассказали о гибели отважного товарища.

В середине сентября в Чернигов прибыли подкрепления. Совместными действиями стрелковые части и червонные казаки расширили придеснинский плацдарм. Во время этих боев червонцы сабельным ударом разбили пехотную часть противника и захватили четыре орудия, пулеметы. Линия фронта установилась вдоль реки Вересочь, на ее берегу прочно закрепилась красная пехота. Червонная бригада, отведенная в резерв, получила небольшую передышку перед новыми сражениями.

РЕШАЮЩЕЕ СРАЖЕНИЕ

Едва ли назовешь из всей гражданской войны столь же опасный для Советской республики период, каким была осень 1919 года. Белогвардейские войска, предводительствуемые царским генералом Деникиным, начав наступление с юга, рвались тогда к Москве, казалось, неудержимо. В центре деникинского фронта двигалась Добровольческая армия генерала Май-Маевского. Ее ударный корпус под командованием генерала Кутепова действовал уже под Орлом.

Орловский район стал главным на советском Южном фронте: там, по существу, решалась судьба Республики. И в самом пекле развернувшегося сражения находилось червонное казачество.

Создается ударная группа

Из-под Чернигова, где мы были до конца августа, нашу бригаду одиннадцатью эшелонами перебросили со станции Гродня через Брянск до станций Карачев и Шахово. Оттуда походным порядком отправились к городу Кромы. На полевой дороге догнали шедший к передовым позициям латышский батальон. Он приятно удивил меня да и других червонцев. Последнее время чаще встречались понурые, утомленные пехотинцы — удручающе сказывалось отступление. А тут целый батальон бодро шагает в ногу даже без барабана. Словно сговорившись, латыши все, как один, лихо заломили на затылок фуражки с красной звездой, подвернули внутрь воротники гимнастерок так, что видна грудь. У каждого шинель в

скалке через плечо, винтовка на ремне почему-то прикладом вверх, а к поясу подвешена малая саперная лопата, чего раньше ни у кого из красноармейцев мы не замечали. Наш комбриг В. М. Примаков остановил свою колонну. Все уважительно смотрели на brave батальон. Невольно подумалось: нет, не иссяк боевой дух красной пехоты, еще сумеет она показать свое мужество.

На орловском участке для противоборства корпусу Кутепова создавалась ударная группа из наиболее боеспособных частей,

какими располагало командование Южного фронта. Получив приказ о включении в эту группу, червонные казаки были довольны тем, что рядом с ними будут сражаться Латышская стрелковая дивизия (о ее бойцах мы могли судить по встрече на марше) и Отдельная пластунская бригада (о ней слышали тоже хорошие отзывы). В общей сложности группа насчитывала до десяти тысяч штыков и полторы тысячи сабель, подчинялась она непосредственно командарму И. П. Уборевичу и штабу 14-й армии.

Обстановка между тем ухудшалась с каждым днем. Противник занял 13 октября Орел, подходил к Кромам со стороны Фатежа. Белые полки двигались с развернутыми знаменами и под грохочущую музыку, в полной уверенности, что так будет до самой Москвы, которая-де встретит их колокольным звоном.

Хвастливые эти расчеты предстояло опрокинуть советской Ударной группе. Ей было приказано: пропуская отходящие на север подразделения, занять и удерживать рубеж реки Кромы.

Червонная бригада со своей последней стоянки в селе Красный Клипок вышла на полперехода раньше латышских стрелков. Передовую деникинскую часть, до шести-

М. С. Медянский

сот пштыков, наш кавалерийский разезд обнаружил в селе Мелихово, когда остальные конники расположились на ночлег в Хмелевой (между этими пунктами около пяти верст). На рассвете подступы к Мелихову вновь были разведаны, и комбриг Примаков принял решение об атаке.

1-й полк П. Григорьева шел на село развернутым строем. Две сотни спешили со всеми пулеметами и завязали перестрелку вдоль дороги, артиллерия М. Зюка ударила по вражеской батарее, вызывая ее ответный огонь. А две другие сотни, маневрируя в конном строю, нажимали на восточном фланге. Одновременно 2-й полк П. Потапенко отправился в глубокий обход с запада на тот случай, если Григорьеву не удастся решить задачу своими силами.

Помощь 1-му полку не потребовалась, он сам разыграл дело как по потам. Почувствовав перелом в ходе боя, Григорьев поднял спешенных червонцев на коней, и все четыре сотни начали беспощадную рубку. Вокруг села и на улицах осталось множество трупов, до двухсот вражеских солдат было взято в плен. Только батарея белых успела уйти, поспешно снявшись с позиции, что, кстати, тоже способствовало нашему успеху. В захваченном обозе нашлись документы Самурского полка. И пленные подтвердили, что уничтоженный батальон принадлежал к этому полку, составлявшему авангард дроздовской дивизии.

При опросе пленных в штабе бригады присутствовал член Реввоенсовета 14-й армии Г. К. Орджоникидзе. Он объезжал фронт и попал к нам как раз в момент мелиховской схватки. Григорий Константинович выглядел бодрым, удовлетворенно поправлял кулаком усы, делал какие-то записи, слушая показания пленных. Первую на новом участке стычку червонцев с белыми Орджоникидзе оценил как доброе начало: «непобедимые» самурцы крепко побиты, и теперь следует ожидать подъем духа у всех наших частей. На противника же неожиданное появление здесь красной конницы наверняка подействует отрезвляюще, собьет спесь.

От Мелихова Червонно-казачья бригада развила наступление на Старое Гнездилово, а шедшие следом латышские полки вынудили неприятеля отойти за реку. Ударная группа развернулась вдоль северного берега

Кромы на 50-верстном расстоянии от села Кирово-Городище через город Кромы до села Шахово. С этой линии советские ударники, нависшие над левым флангом белых, должны были нанести совместный удар. И нанесли. Не везде одинаково дружно действовали красные части, с разными первыми результатами, но самоуверенность врага была поколеблена.

Церемониал под огнем

Червоная бригада имела сперва задачу прорваться к станции Еропкино и разрушить железную дорогу Орел — Курск. Но уже с марша пришлось вернуться, чтобы встречным боем остановить полки дроздовской дивизии, наступавшие западнее города Кромы. Форсированным броском примчались туда червонцы и совместно с 1-й Латышской бригадой два дня отражали натиск дроздовцев.

Тут произошел случай, очень ярко показавший характер нашего комбрига Примакова. В штаб пришло донесение, что правый фланг латышей обойден белыми, которые, не считаясь с потерями, захватывали местность, где еще вчера были мы. Следовало остановить их и отбросить. Комбриг послал в атаку 1-й полк, а 2-й оставил в резерве, чтобы в нужный момент развить успех. Но элемент внезапности, выгодно сказавшийся в мелиховском бою, здесь дал осечку. Противник, обнаружив движение конницы, встретил кавалерийскую лаву организованным огнем. Пулеметы, винтовки, пушки — все ошестинилось против григорьевского полка.

Примакову, хоть и поднялся он на пригорок, не было видно из-за строений, что происходит по ту сторону села. Вдруг скачущие в беспорядке всадники показались на сельской улице. Беда — Григорьев отступает! На выручку отправился полк Потапенко, но, едва стал втягиваться в село, тоже попал под сильный артиллерийский обстрел. Потапенко повернул севернее, в лощину, а григорьевцы выскакивали из селения на восток.

Вот тут-то и проявил удивительную выдержку Примаков. Прежде всего он приказал Зюку открыть массированный артогонь по стреляющим батареям противника. А нас, своих адъютантов и ординарцев, послал остановить отступающие сотни 1-го полка. Мне было велено пере-

дать Григорьеву, чтобы он провел свой полк церемониальным маршем мимо комбрига. Петр Петрович, еще не остывший после горячей схватки, посмотрел на меня большими глазами: не спятил ли, мол, парень — какой сейчас церемониал?! Я, тоже еще не очень-то понимая затею Примакова, механически повторил приказание. Секунду-две мы постояли в недоумении. Но и Григорьев и я безгранично верили комбригу, и если тот распорядился, значит, так надо. Комполка подал команду на построение, а я поскакал обратно.

Вокруг небольшой придорожной возвышенности, на которой стоял Виталий Маркович, взрывались снаряды. Знаком руки он не разрешил никому из адъютантов приближаться, и мы остались внизу, шагах в двухстах. Ясно: кучка людей скорее привлекла бы внимание вражеских наблюдателей.

В это время Григорьев, собрав первую сотню — старую гвардию и любимицу Примакова, — повел ее по дороге. Другие сотни, видя это, подравнивали строй и двигались вслед.

Поравнявшись с комбригом, командир полка отсалютовал шапкой. Так же сделали сотенный и взводные. Виталий Маркович стоял спокойный, с приложенной к головному убору рукой. Кавалеристы гарцевали, и в их взглядах, устремленных чуть вверх, виделось восхищение бесстрашным Примаком.

Батареи белых продолжали стрелять, но беспорядочно. Наш ответный огонь, видимо, ослепил неприятельских корректировщиков, и они не замечали, какая прекрасная цель восточнее села. Шальной снаряд, однако, мог залететь и сюда. Поэтому Примаков, подозревая меня, приказал вторую сотню пропустить рысью, третью и четвертую — галопом. Я мигом полетел навстречу кавалерийской колонне и передал приказание сотенным командирам. Голова полка входила уже в ложину, а вскоре туда втянулся весь полк, стройно проскакавший мимо комбрига.

Пожалуй, лишь после того как спешили в укрытии и немного пришли в себя от недавнего возбуждения, червонцы 1-го полка поняли, зачем Примаков устроил этот необычный смотр под вражеским обстрелом. Церемониальный марш в такой обстановке подействовал как холодный душ, успокоил нервы, восстановил порядок.

«Слоеный пирог»

Последующие бои перемешали карты деникинского командования. С одной стороны, белым удалось, форсировав реку, выйти к селу Старое Гнездилово. На другом фланге Латышская бригада и молодая Эстонская дивизия порвались 20 октября в Орел, бывший у врага всего педелию. Центром сражения стал район южнее города Кромь. Получился, как тогда говорили, «слоеный пирог»: позиции белых и красных перемежались — не сразу поймешь, кто кого окружил и окружил ли вообще, куда раньше наносить удар — на север, на юг ли, ибо противник и там, и тут.

Бригада червонных казаков мечется между флангами Латышской дивизии, клинками уничтожая прорывающиеся подразделения деникинцев. Наш комбриг и начдив латышей почти не расстаются, так важно сейчас взаимодействие. Они стараются обо всем информировать штаб 14-й армии, используя сохранившуюся связь через город Карачев.

Упорные бои в дурную осеннюю погоду — то в дождь, то под мокрым снегом, на гористой, изрезанной оврагами местности со множеством речек, по сути дела, без хлеба и, конечно, без горячей пищи вели к большим потерям. Только исключительная боеспособность, товарищеская спайка латышских стрелков и червонцев, их высокая политическая сознательность помогли выстоять в тяжелейшие дни.

В расположение Ударной группы прибыли командарм И. П. Уборевич и член армейского Реввоенсовета Г. К. Орджоникидзе. На совещании с участием начальника Латышской дивизии Ф. К. Калнина, командира пластунской бригады П. А. Павлова и комбрига червонцев В. М. Примакова обсуждалась обстановка на нашем участке фронта. Положение было таково: противник получает с юга свежие подкрепления, нападает, у нас же никаких резервов нет, из командного состава многие убиты и ранены, части устали. Если не предпринять что-либо исключительное, то, возможно, снова придется оставить Орел, а это страшная угроза Москве. Как же быть?

Выход предложил Примаков. Нужно, сказал он, собрать в единый кулак имеющиеся кавалерийские части, пробить брешь в линии противника и бросить конницу

на дезорганизацию вражеского тыла. Удар этот, согласованный с натиском пехотных частей, должен всполошить и сломить белых.

Командарм не требовал особых доводов в пользу кавалерийского рейда. Он знал о весеннем походе червонцев по петлюровским тылам на Старокопанин, Изяслав, Острог. Теперь, правда, противник иной — части кутебовского корпуса крепче петлюровских и численностью значительнее. Но Уборевич верил в смелость и выносливость красных казаков, прекрасно представлял, какой результат может дать удачный рейд. И неизбежный риск тут вполне оправдан, ибо настал момент, когда промедление смерти подобно.

Рождение дивизии

Предложение Примакова принято. Командарм распорядился усилить нашу бригаду кавполком Латышской дивизии и конниками Кубанской бригады. Сначала объединение мыслилось как временное. Но военная необходимость диктовала создание постоянной крепкой конницы, и здесь, в огне решающего сражения, родилась 8-я Червонно-казацкая дивизия.

Сразу же после совещания член РВС Орджоникидзе отправился к червонцам, чтобы лично посмотреть, как они готовятся к трудному рейду. Бригада дислоцировалась в соседних селениях — Чувардино и Волобуево, в 20 верстах юго-западнее Кром. Проходя по сельским улицам, Григорий Константинович останавливался то у одной, то у другой кучки бойцов, затевал разговор — где шуточный, где серьезный, изучал настроение людей. Поговорил с командирами полков, сотен. Вернулся в штаб веселый и довольный.

В те дни штабриг получил приказ командования Южного фронта № 1650 от 28 октября 1919 года: «За стойкость и мужество, проявленные бойцами и командным составом Латышской дивизии и бригады червонного казачества в жестоких боях за Орел и Кром, объявляем братскую благодарность. Реввоенсовет Южного фронта не сомневается, что в предстоящих решительных боях Латышская дивизия и червонные казаки так же высоко будут держать знамя освобождения трудового народа от ига кровопийц и насильников капитала».

Приказ, как и предписывалось, был немедленно прочитан вслух перед строем сотен и батарей. Надо ли говорить, какой боевой дух вселил во всех нас этот документ!

Вновь образованная дивизия, судя по списочному составу, располагала довольно значительной силой. В строю оставалась тысяча старых червонцев. Четыреста сабель было в Латышском полку Яна Кришьяна. Сколько боевых способных кубанцев — еще не было ясно: их бригада бродила где-то у города Дмитровск. На поиск ее и для передачи приказа о присоединении к нам отправился военком Е. И. Петровский. Когда он встретился с комбригом Коротчаевым, выяснилось, что из-за последних потерь готовыми к боевым действиям можно считать пока триста конников. С ними Петровский и пришел в Чувардино. Итого стало 1700 сабель. Однако брать в рейд всех подряд начдив Примаков не хотел: пусть пойдет меньше, зато самые надежные. У кого были слабые лошади или сам ослаб, тех свели в эскадрон для охраны обоза второго разряда. Для рейда было отобрано полторы тысячи казаков. Старую Червонную бригаду возглавил П. П. Григорьев, новую Сводную, из латышей и кубанцев, — Ян Кришьян.

Напряженно работал штаб дивизии. Начальник штаба С. А. Туровский и его сотрудники с утра до поздней ночи занимались подготовкой к предстоящей операции. Все нужно продумать, подсчитать — наиболее выгодный маршрут, необходимое вооружение, провиант, фураж. Наконец план рейда готов, составлен приказ.

Пишущей машинки в нашем штабе тогда не было, документы не размножались. Просто Примаков созывал командный состав, ставил каждому подразделению задачу, а командиры записывали, что касалось их, в полевые книжки или делали пометки на карте. И шли потом к себе в полки и сотни, доводили задачу до подчиненных.

Совещание 2 ноября 1919 года запомнилось мне уж только тем, что было оно многолюднее прежних. Из Латышской дивизии прибыли начдив Калнин, военкомдив Дозит, комбриги Вайнян и Студка, еще несколько товарищей. Прибавилось и кавалерийских командиров 8-й Червонно-казачьей.

Примаков, посерьезневший и сосредоточенный, сознающий сразу возросшую свою ответственность за исход труднейшего боевого дела, говорит не спеша, обдуманно. Выступаем завтра. Прорыв неприятельской линии начи-

нают латышские стрелки в пять часов утра на восьми-верстном участке. Идущие в рейд конные части выступают из Волобуево, Чувардино часом раньше, чтобы с ходу устремиться в пробитую брешь. Взаимодействие и еще раз взаимодействие. Надо предусмотреть, когда и где после рейда конница вновь встретится с нашей пехотой, быть бдительными и осторожными, чтобы не пострелять друг друга. Ведь в белогвардейский тыл идем под видом конницы генерала Шкуро, все будут в погонах. Узнавай своего!

Начдив Калинин сообщает, что перегруппировка латышских частей производится сегодня. Судя по всему, противнику пока неизвестно о перемещении сюда новых наших сил. Село Чернь атакует 1-я бригада Вайняна, на Чернодье пойдет 3-я бригада Стуцки. Наступление начнут без лишнего шума, в штыки. Латышские стрелки сделают все, что от них зависит, и желают боевого успеха товарищам червоным казакам.

Гонец за оружием

Помню тот вечер очень хорошо. По поручению Примакова я ходил в подразделения, видел предпосылное оживление. Заботливо осматривают, поглаживают бойцы своих коней, проверяют, чистят карабины. Вон какой-то парень почесывает затылок: нужно приладить к шинели погоны, а черт его знает — как правильно-то они пришиваются... А вот старичок учит молодых отвечать «их благородию» и становиться «во хрунт» перед начальством. В дивизионном штабе тоже ни минуты тишины. Являются гонцы из частей, приходят командиры: мало ли вопросов, требующих немедленного решения! Вместе со всеми и я готовлюсь в дальний, трудный путь.

Вдруг вбегает начальник снабжения бригады Климок. Он земляк нашего начдива, черниговский, из бедняков села Жуковка, человек расторопный, хозяйственный. Сообщает Примакову: выдал в рейд все патроны, в запасе ничего не осталось, и с чем дивизия будет воевать по возвращении, неизвестно. Да, он, Климок, связывался со штабом 14-й армии, но и там на складах пусто, скорого пополнения не обещают. Я стою рядом, вижу, как досаждает Примаков. Он мучительно думает, потом спешит к связистам. По прямому проводу вызывает Брянск,

командарма. Разговор короткий. Уборевич тоже обеспокоен, предлагает взять на армейском складе японские винтовки и патроны, их-то много осталось с царских времен, а боеприпасы русского производства рекомендует приберечь для пулеметов.

— Едемь в Брянск! — говорит мне Примаков.

Вот так раз! Я уж и погоны пришил, и шашка наточена — собрался в рейд. В конце концов если не сам Климок, то его помощник, бывший донецкий шахтер Смоляров мог бы отправиться за патронами. Им поручено снабжение, пусть они и едут... Нет, это я только думаю так — не говорю: Примаков не любит «рассуждений».

Со мной на непредвиденное задание отправляются Иван Столбовой, полусотник комендантского эскадрона, в прошлом профессионал борец из Харькова, и шесть бойцов при пулемете «люис», среди них китаец Ваня, не раз удивлявший нас своим бесстрашием. На все дело дается трое суток. И мы трогаемся в путь, оглядываясь на село, откуда вот-вот двинется в рейд колонна червонных казаков.

Клянем погоду: повалил снег, завихрилась метель, в десяти шагах ничего не видно. Одумавшись, ее же и похваливаем: нашим товарищам это поможет при прорыве обороны белых.

Лошадей подобрал Столбовой отличных. Но и дорога по близкая — до города Карачев ни много ни мало верст семьдесят, пройти их верхом надо умеючи. Время от времени останавливаемся на короткие привалы, даем коням передышку. И добрались хорошо, никаких потертостей не было.

Однако один день миновал, надо спешить. Оставив коней на базе наших снабженцев в городе, явились к коменданту станции Карачев. Тот уже получил приказ из штаба армии, приготовил паровоз с вагонами, мы тут же поехали, и через какой-нибудь час глядим — Брянск.

Словно волшебник помогал нам — до чего же шло все удачно! В Брянске связь между вокзалом и самим городом поддерживалась по реке Десна — она еще не встала, паром ходил курсировал. В штабе командарм не заставил ждать. Доложив о своем прибытии и увидев добрую улыбку Иеронима Петровича, я стал догадываться, почему именно мне, оперативному адъютанту, поручена снабженческая миссия. Уборевич знал меня на северо-

двинском направлении в 1918 году. Мы встречались там на заседаниях партийного комитета и по делам ревтрибунала, секретарем которого был я, а председателем, согласно тогдашнему положению, был он, как командующий. Поэтому, вероятно, Иероним Петрович и согласился с предложенной Примаковым кандидатурой «гонца за оружием». Поговорили мы недолго, вспомнили однополчан по Северному фронту, а за это время были подготовлены документы: нам отпускалось две тысячи японских винтовок с тремя боекомплектами на каждую.

Обратного парохода я ждать не стал, добрался до вокзала на попутной телеге. Иван Столбовой, имея под рукой собственный состав, помчался на станцию Брянск II, где находились военные склады. Через три часа он вернулся, и мы без задержки выехали в Карачев. Нас ожидал там Александр Прокофьевич Смоляров (ныне он живет в Харькове), пригнавший около двадцати подвод — своих и мобилизованных в ближних селах по гужевой повинности. Перебрасываем драгоценный груз на базу снабжения. К полуночи формируем обоз, которому предстоит доставить винтовки и патроны в дивизию.

Нужно позаботиться и об охране. Ночь длинна, погода скверная, не исключено бандитское нападение. Приказываю передать в подчинение Столбового фуражиров и других бойцов базы снабжения, имеющих коня с седлом. Набирается около тридцати всадников при двух «льюнсах». Сам Смоляров тоже идет с обозом.

Я с ординарцем выезжаю вперед, чтобы организовать встречу и раздачу оружия. Не прошло еще и двух суток, а мы уже возвращаемся обратно. Хорошо: приказ выполняется в срок. Только где же искать штаб дивизии? Южнее Кром встретился нам обоз латышей, от них узнал, что червонцы, должно быть, в Сабуровке. И верно, прибыв ранним утром в это село, я, качаясь от усталости, смог доложить Примакову о выполнении задания. Он, выслушав, распорядился: спать!

Да, спать, и без промедления. Этого мне хотелось больше всего на свете: трое суток я лишь дремал в седле. Расстегиваю ворот гимнастерки, распускаю пояс (раздеваться нельзя, противник недалеко), валюсь на какую-то постель и засыпаю мертвецким сном. Организм молодой, здоровый, четыре-пять часов — и силы восстановлены.

После отдыха иду в общую комнату штаба. Не дожидаясь моих вопросов, товарищи наперебой рассказывают, как проходил рейд. Я вновь завидую друзьям, сумевшим совершить такой удивительный и победоносный поход по вражеским тылам. Ведь в результате этой операции противник вынужден по всей линии нашего участка отойти почти на сто верст, и сейчас вот мы беседуем в селе, которое считалось его надежным тылом. Да, червонцам пришлось нелегко, сколько опасных схваток выдержали! Но удары их, неожиданные и дерзкие, привели к уничтожению отборных частей неприятеля. Захвачено много вооружения, в том числе девять орудий разного калибра, что мне, артиллеристу, особенно приятно слышать.

К вечеру подоспел Смоляров с обозом. Добытое в Брянске оружие пришлось кстати, ибо свои патроны все червонцы, конечно, израсходовали во время рейда. В штабе составили разнарядку на японские винтовки, Смоляров быстро организовал выдачу их полкам взамен русских трехлинейек.

Перед новым походом

Дивизии дан короткий отдых. Расположилась она в селах Петроселки и Молотычи, что северо-западнее Фатежа. Вконец измотанные люди набирались сил. Коней следовало заново подковать, и сельские кузницы работали всюю.

Штаб дивизии находился в селе Петроселки в помещении местной школы. Там же на полу, на соломе, мы спали. С питанием туговато, бедный район Курской губернии не мог предоставить провиант. Наш повар, крымский татарин Али, выдумщик на вкусные блюда даже из подмороженной картошки, на сей раз выходит из положения за счет яиц, неожиданно обнаруженных в белогвардейском обозе. Яичницу с маслом или салом сменяют яйца печеные. Мы не сстуем на однообразие меню — было бы пожирнее да побольше.

Погода возвещала приближение зимы: за дождями ударил мороз с гололедом, 10 ноября выпал снег. А для червонных казаков снова наступало горячее время. Убедившись, что конница отдохнула и готова к новым боям, командарм Уборевич решил бросить ее в набег на Львовский железнодорожный узел. Для противника Львов

имел серьезное стратегическое значение: здесь сходились пути на Курск, Брянск, Харьков, Коренево. На Львовский узел опирались дроздовская и корниловская дивизии белых. Его нужно было разрушить во что бы то ни стало.

Опять, как и в прошлый раз, прорыв вражеской линии поручен латышским стрелкам. 3-я Латышская бригада Стуцки должна сделать это на рассвете 14 ноября в районе села Солдатское, в шести верстах западнее Фатежа.

Червоные казаки перебазировались ближе к месту прорыва, в села Нижне-Реут и Путчино. Под штаб заняли усадьбу путчинского священника. Причина тут практическая: для связных ориентир заметный — рядом с церковью, да и попов дом обычно вместительнее других, а нас, штабных сотрудников, как-никак человек десять, и нужно быть всем вместе.

Всечер. Просторную комнату сле-сле освещает каганец. Люди чистят оружие, чинят одежду. Справившиеся с этим достают из шкафа журналы «Паломник», «Жития святых». Иного чтива здесь не найдешь, а глаза соскучились по печатному слову.

Частенько гудит телефон — идет проверка линий. Из частей, кроме «Все спокойно», ничего не докладывают.

Легли спать. Кругом тишина. За окном слышны шаги часового по скрипучему снегу и фырканье лошадей.

Вдруг топот. Должно быть, что-то важное. Дежурный по штабу выскакивает навстречу прибывшим. То ординарцы Латышской дивизии:

— Срочный оперативный приказ из штарма!

Весть поднимает, вернее, вскидывает всех на ноги. Куда девалась только что владевшая нами дремота! Достаем у попады смалец для новых каганцев. Больше свету!

Примаков стоит с распечатанным пакетом, вглядывается в листок. Все к нему: что за приказ?

— Ура, хлопцы, идем на Львов!

По всем направлениям заработал телефон — вызывают в штадив командиров и комиссаров бригад, полков. Начальник штаба Туровский, водя цветным карандашом по карте, диктует текст приказа, уже выношенного, сложившегося в его голове.

Начинает съезжаться командно-политический состав.

В дом каждый влетает с горящим взглядом, чувствует — не зря потревожили среди ночи. Наконец на месте все, кто нужен. Примаков объясняет боевую задачу, поставленную штабом 14-й армии. Вслед за приказом по дивизии зачитывается записка командарма Уборевича: «Не посрамите армии и себя, не отстайте от Буденного. Жду донесения о захвате Льгова».

— С рассветом всем полкам выстроиться на шоссе, — говорит Виталий Маркович. — Пойдем, как прошлый раз, под видом шкуровцев. Чтобы все было как следует! Через два часа я буду на шоссе. А теперь — по своим частям галопом!

В штадиве шуму стало меньше, первое его дело исполнено — части получили приказ. Штабисты сидят и тянут козыи ножки, поглядывая на медленно ползущие стрелки часов.

Но то в полках. Там оставшиеся до выступления часа полтора-два — самые оживленные. Сигналист сыграл подъем, бойцы, на бегу одеваясь, спешат к коням. Труба сзывает командиров сотен и взводов. Комполка, понимающий, что весь спрос с него, по-хозяйски отдает распоряжения:

— Овес не жалеть, коней накормить досыта. Патроны раздать по двести пятьдесят штук и наполнить двуколки. Лишних повозок не брать ни одной. Через час седловка.

Как всегда, главная тяжесть падает на комвзвода. Рассказал, приказал, но надо проверить и исполнение. Бежит по хатам, смотрит, задан ли овес лошадям, есть ли патроны у казаков. Торопится рапортовать сотнику.

В льговский рейд дивизия идет с пополнением: прибыли остальные кубанцы бригады Коротчаева, их влили к прежним соратникам — в 3-й Кубанский, ныне Червононо-казачий полк. Новеньким непривычно, что нужно под белую кофницу маскироваться. Растерянно спрашивают:

— Товарищ командир, как паган прицепить?

— Товарищ командир, куда кокарду прибить?

Сотник смеется:

— Разве я «товарищ»? Я — «ваше благородие». Запомните и не путайте. А кокарду... — улыбается во весь рот, — ты прибей на нос, а ты к спине... Идите, товарищи, к старым солдатам, они научат этой премудрости.

Сам сотник неуклюже прилаживает к плечам золотистые погоны с тремя звездочками, и у него что-то не ладится.

Кругом суета и хлопоты. Насыпав в торбы корм и потрепав коней по шее, парни забегают в хату — попрощаться с хозяевами, поблагодарить за ночлег, выпить на дорогу кружку молока. Хоть и не выспались люди, вокруг смех и говор.

Ночная мгла только-только начинала рассеиваться, когда полки развернутым строем вытянулись вдоль шоссе. Тут же показалась скачущая кавалькада. Примаков едет — ура! Сотни глоток посылают привет своему начальнику.

— Здорово, казаки! — выкрикивает Примаков перед строем. — Поздравляю с новым походом, с вами надеюсь выйти победителем!

Снова дружное «ура», приглушаемое густым снегом, повалившимся вдруг с прохудившегося неба.

Сквозь пургу, по оврагам

Дивизия трогается. Впереди Виталий Маркович на своем пеизменном Мальчике. Завернулся в бурку, но ветер распахнул ее, на плече блеснул кончик генеральского погона. И рядом с ним и следом покачиваются в седлах тоже «офицеры». И никто уж не пускает шуток про балмаскарад, все серьезны — линия фронта близко.

Так одной колонной, полк за полком, проследовали через Солдатское. Здесь совсем недавно происходила схватка. Латышская бригада без выстрела атаковала селение, отбросила белых в разные стороны от шоссе. Еще тяжело дыша, стояли кучки стрелков у дороги, махали фуражками конникам, уходившим в снежную замять.

Колонна вытянулась длинная: четыре полка — 1900 сабель — шли в порядке своих номеров, между ними пулеметные тачанки с 32 «максимами», 6 орудий при зарядных ящиках, 32 патронные двуколки и 16 санитарных повозок. При штадиве, кроме того, 2 троечные повозки с патронами и 4 с подрывным имуществом. В авангарде, в двух верстах, нацупывал путь дивизион 1-го полка, поддерживавший связь с главными силами густой парной цепочкой. Замыкал движение, отстав на версту, латышский полуэскадрон, и от него шла цепочка

к своему полку. Фланги охранялись конными разъездами.

Одним из разъездов у села Решиника обнаружен пешотный батальон. Окружить его и уничтожить не составляло особых трудностей, да не имело смысла ввязываться в бой — жаль каждую минуту. Решили просто перехитрить. Выставили заслоном сотню 2-го полка, она приковала к себе внимание неприятеля. А дивизия двинулась дальше по намеченному маршруту, укрытая снежной пеленой. Затем в заслон встали кубанцы, их сменили латыши, снявшиеся при подходе арьергардного полукэскадрона. Все время перед противником маячила редкая цепочка всадников, потом оказалось пустое место. Вьюга быстро заметала следы не только конницы, но и артиллерии, повозок. Тех редких всадников белые принимали, как нами и замыслилось, за разведку с далекой линии фронта.

Прошли село Щуклино. Из местных крестьян взяли четырех проводников, чтобы вернее выйти на Большое Городьково. Но метель усиливалась и за полдень совсем обезумела — все вертелось, кружилось, свистело, словно земля встала дыбом. С дороги сбились. Проводники, останавливаясь, спорили между собой и снова куда-то вели нас, а мы были бессильны с нашими топографическими картами. Местность, пересеченная оврагами и пригорками, затрудняла движение. К артиллерийским упряжкам прикрепили по взводу кавалеристов, которые помогали обессиленным лошадям. Облепленные десятками людей пушки, будто чудовищные сороконожки, с шумом и криком медленно передвигались по сугробам.

Возле села Большое Городьково овраг оказался так крут, что в помощь артиллерии пришлось спешить еще две сотни. Одна спускала орудия на руках, другая втаскивала наверх. Какая-то пушка, подтянутая почти до верха, сорвалась и увлекла за собой казаков. Громадный ком из людей и металла понесся с ледяной вершины, с грохотом упал на дно оврага. При этом одному бойцу отрезало ступни ног. Но на смену поспешили новые взводы, вытащили орудие кружным путем, через огорды и сломанные заборы.

В Городькове взяли двадцать крестьян, которые должны провести нас на Журавлинку.

Мороз пробирал до костей: одеты кто во что. У старых казаков имелись оставшиеся от германской войны шинели, молодежь же больше в домоткапых свитках, а под ними гимнастерка или ситцевая рубаша. Ладно, хоть голова укрыта теплой смушковой шапкой — их приобретали на личные средства и носили как форму, по-украински, зимой и летом. Обувь тоже своя и случайная, у иных ботинки с обмотками, а они неудобны — разматываются от трения о путалище стремяни. И командный состав одет пестро и легко, только счастливицов согревает отбитая в бою кавказская бурка. На мне, по неписаной адъютантской моде, тонкая коричневая черкеска с красной сатиновой вставкой вместо бешмета и с серебряными газырями. Все содержимое полевой сумки — топокарты, уставы и прочее — я рассовал под черкеску на груди, чтобы хоть бумагой задержать собственное тепло, и все равно зуб на зуб не попадал.

В таком обмундировании в холод долго верхом не продержишься. Поэтому часто подавались команды «Стой», «Слезай», «В поводу — марш». Колонна то и дело останавливалась, поджидая отставшие подразделения. У проводников не было согласия, и в конце концов даже они, местные, заплутались среди бесчисленных балок и оврагов.

Примаков распорядился остановить дивизию, сомкнуть части без интервалов. Разведку и охранение высылать опасно — найдут ли обратную дорогу? От возможного нападения опоясались пулеметами. Конники спешились, загородились от ветра лошадьми. Возникло опасение, как бы не вздумали уставшие отдохнуть, подремать на снегу — простудятся. Военком Петровский и некоторые штабные работники стали обходить колонну, предупреждая командиров: следите, не разрешайте бойцам ложиться на снег.

При обсуждении: где же дорога, куда двигаться дальше? — я сказал, что Журавлинка должна быть уже недалеко, и предложил отправиться на розыски. Начдив согласился с моими доводами, приказал ехать с комендантской сотней, оставляя через каждые 30—50 шагов казака для связи и ориентировки. Не припомнить, чем я тогда руководствовался, или чутье моей Нади выручило, но, поблуждав совсем недолго, мы, шедшие впереди, наткнулись на ветряную мельницу. Я так обрадовался,

что в само селение не стал уже заглядывать, а немедленно передал по цепочке: «Нашли!» Скоро к нам подъехал Примаков с проводниками, которые узнали мельницу и повели в село, оказавшееся действительно Журавлинкой. Через некоторое время сюда подтянулись все полки, артиллерия и обоз.

Привал в Журавлинке недолог. Все же кавалеристы, разместившиеся в хатах повзводно, отдохнули, поели, согрелись. Хуже пришлось пулеметчикам — они не отходили от тачанок, охраняя дивизию от возможного налета, да половина комсостава осталась на улице, следя за порядком. В штаб, занявший ближайший к мельнице дом, вызвали местных крестьян, человек двадцать, попросили сопровождать нас до Олышанки. Мужики косо поглядывали на странных людей — вроде белые, при погонах, но ведут себя пристойно, не безобразничают. Ветер понемногу начал утихать, метель ослабевала, отказаться журавлинцы не могли: кто знает, не было бы хуже...

Связные поскакали к командирам полков с приказанием строиться. В разведку отправилась сотня Никифора Кобзаря из 1-го полка. Сотник этот был у Примакова на лучшем счету, ему обычно давались поручения трудные и срочные. Отличился он и на этот раз. Внезапно нагрянув в Олышанку, его сотня захватила обоз из сорока повозок и пулеметную команду в десять человек при восьми «максимах», взяла в плен буквально голенькими двух офицеров, затеявших пьяную гульбу с девицами легкого поведения.

Когда уже за полночь в Олышанку прибыл Примаков со штабом, стройный и красивый Кобзарь явился и доложил:

— Задание выполнено. Вокруг села выставил охранение. Посланы разъезды в сторону Льгова и станции Морица. Пленные обездоружены и взяты под стражу.

Виталий Маркович крепко пожал руку Никифору Федоровичу и направил его к Туровскому, чтобы на карте уточнить расположение застав и маршруты конных разъездов.

На ночевку дивизия заняла три соседние селения — Олышанку, Мармыжи и Кастельцово. Штаб поместился в апартаментах мармыжского попа и сразу начал под-

готовку к завтрашнему бою, точнее, уже к сегодняшнему, ибо шел третий час утра 15 ноября.

Прежде всего подвели итог. За восемнадцать часов дивизия, несмотря на сильнейшую снежную бурю, прошла свыше шестидесяти верст. Сейчас мы в двадцати верстах северо-восточнее Льгова, отсюда атаковать город вполне возможно.

Протрезвившиеся «адамы» на допросе сообщили, что они из Самурского полка. Наше появление — полная для них неожиданность. И в Льгове о нас, они уверены, ничего не знают. Там находятся пехотные части и артиллерия, на станции стоят эшелоны с имуществом и штаб Май-Маевского. По линии Льгов — Брянск курсируют бронепоезда, которые оказали поддержку дроздовским полкам при взятии станции Комаричи. Кстати, «адамы» и гульнули на радостях по этому поводу.

Обстановка стала яснее, и предстоящие боевые действия рисовались теперь более отчетливо. С рассветом 2-я Сводная бригада (кубанцы и латыши), сделав бросок на село Кочетно, пойдет оттуда на штурм города и станции Льгов. 1-й полк во главе с комбригом Григорьевым атакует станцию Морица, что в десяти верстах севернее Льгова, и взорвет мост через реку Котловец. 2-й полк, оставаясь в резерве, вышлет одну сотню для взрыва моста у станции Пена на Курской линии. Такие боевые задания, определенные начдивом, были зафиксированы в очередном приказе.

Врываемся в Льгов

Отдохнуть штабные работники легли перед рассветом, спали совсем мало, но, поднявшись, чувствовали себя бодрыми — близилась жаркая схватка. В девять часов при мало утихшей метели вышла в путь бригада под командой Яна Крисьяна. Вслед за ней выступил Григорьев со своим полком.

Мне Примаков приказал отправиться к Льгову с полусотней конников и саперным отделением, в действия комбрига и полков не вмешиваться, а когда будет взята железнодорожная станция, организовать подрыв виадука, где пересекаются Курская и Харьковская линии. Я вызвал в помощники Ивана Столбового — уж очень полюбился мне этот храбрый и серьезный человек. Обсу-

див вдвоем задание, решили взять с собой только взвод и трех подрывников. Начдив санкционировал наше предложение.

Выйдя из Мармыжей, наша конная группа никакого охранения по сторонам выставлять не стала, лишь впереди шли двое дозорных. Особой опаски не было, так как по всем дорогам находились наши заставы. Небольшой морозец пощипывал уши. Кони вели себя тихо, шумливых жеребцов мы не взяли.

В двух-трех верстах от города на лесной опушке догнали Латышский полк. Я подъехал к Кришьяну, сказал ему о своей задаче взорвать виадук. Увидев, что артбатарея становится на огневую позицию, не выдержал, спросил:

— Зачем теряете время? Лучше атаковать без стрельбы.

Кришьян придерживался иного мнения: сперва огневая подготовка, потом атака — так вернее. Тем паче артиллерия противника стоит на окраине города. Спорить с ним, доказывать, что внезапным налетом можно скорее выиграть, я не стал, не имел на это полномочий. Кроме того, я знал: латыши на конях — это вчерашние стрелки-снайперы, они больше верят в пулю и не мыслят боя без предварительного артогня. Это у нас, червонных казаков, вся надежда на быстроту, внезапность и пашку.

Я поехал к кубанцам, они вправо от латышей. При выезде из рощи, приставив к глазам бинокль, разглядел: действительно, на окраинной улице стоит батарея. Но орудия на передках, а упряжек не видать. Поодаль несколько военных — то ли часовые, то ли случайные солдаты. Мне, артиллеристу, было ясно, что батарея на отдыхе, воевать пока не собирается.

Один из казаков показал рукой на запад: смотрите! Там с горы спускалась копница. Это наш Кубанский полк. Едут шагом по открытой местности. Где же тут внезапность нападения? Противнику все видно, он подготовится к отпору. А нам ведь надо проскочить весь город, мост через реку Псел, чтобы выйти на железнодорожную станцию.

Медлить нельзя. Решаю: начнем атаку сами, одним взводом, должны же последовать за нами и латыши и кубанцы. Выхватываю из пояса пашку, подаю команду: «Рысью марш!» И помчались. Больше половины расстояния до батареи прошли на рысях, а когда осталось с полверсты — карьером бросились в атаку. Впереди, видно,

вспыхивают отдельные винтовочные выстрелы. Это нас не смущает, лишь бы пушки молчали, не встретили бы картечью. Но нет, дешикиныцы разбегаются. Прорвавшись к батарее, не застали возле нее ни одного человека. Задерживаемся лишь на миг, чтобы Столбовой выделил бойцов для охраны орудий — много не нужно, сейчас подойдут латыши. С остальными казаками скачем дальше, во все глотки кричим «ура», непрерывно стреляем — страшитесь, паникуйте, беляки!

В центре города на углу — двухэтажное кирпичное здание. Около него толкуются, бегают военные. Подлетаем — они поднимают руки. Кто такие? Мобилизованные... Где офицеры? Побежали туда — показывают в сторону моста через Псел.

Кажется, случилось то, чего я опасался: у реки организуется оборона. Кричу своим казакам: «За мной!» — и мчусь: может, успеем захватить переправу раньше белых. Оглянувшись, вижу Столбового, за ним остальных бойцов. Иван почти лег на шею коня, пускает в ход плетку, к чему настоящий конник прибегает в исключительных случаях. На улице раздаются винтовочные и револьверные выстрелы, разбегаются в подворотни какие-то люди. Закрываются окна, хлопают ставни...

Сейчас будет поворот, за ним — мост. Но... как раз на повороте-то нас и встречает огонь станкового пулемета. Один бросок остался до моста, а не пройдешь в конном строю — это верная гибель.

Укрылись за домами, спешили. Со мною около двадцати человек. Приказываю следить, чтобы никто из белогвардейцев не прорвался к мосту. Столбового посылаю к Кришьяну — пусть спешат сюда латыши.

Не прошло и десяти минут, прискакал вместе с Иваном латышский эскадрон. Комэску не надо ничего разъяснять, сам все видит. Три «максима», снятые с тачанок, начинают неистово строчить по врагу, спешенные бойцы продвигаются ползком и перебежками. У противника слышен один пулемет, винтовок, судя по голосам, до пятидесяти.

К нашей группе, оставшейся за домами, подъезжает на рысях Ян Кришьян с двумя эскадронами. Я бегу навстречу, кричу:

— Река неглубокая, нет ли поблизости брода?

Кришьян соглашается со мной, посылает людей вправо и влево по реке.

Мои саперы вертятся рядом, напоминая: скоро ли, мол? У меня и без них все кипит внутри — дело усложнилось, не опоздать бы, вдруг деникинские бронепоезда проскочат виадук...

Но вот слышу слева длинную очередь нашего «максима». Это латыши нащупали фланг противника, приглушили его пулемет. Такой минуты достаточно, чтобы шедший в лобовую атаку взвод прорвался, смял сопротивление. Другие взводы атакуют на флангах, огнем прижимая врага к земле.

Латыши бегут уже по мосту. Ян Кришнян командует оставшемуся при нем эскадрону: «Шашки вон, в атаку марш!» — и сам летит впереди, невредимый проскакивает на другой берег Псела. Огня уж нет, раздаются только победоносное наше «ура» да предсмертные вскрики белых.

Из центра города сюда, к мосту, приближается Кубанский полк, очищающий улицы и дома от уцелевших деникинцев.

Не мешкая, наша группа вскакивает на коней и скорее, скорее через мост, напрямик к виадуку. Головной разъезд сигналист: свободно, никакой охраны. Саперы — галопом туда. Остальные отъезжают подальше от перекрестка железных дорог, чтобы следить за подступами, пока подрывники делают свое дело. Со стороны станции раздается стрельба, там латыши и кубанцы хозяйничают среди эшелонов и на вокзале. Вижу: наши рысью удирают с виадука, значит, бикфордов шнур подожжен. Саперы уже около нас, в опасной зоне, а взрыва все нет. В таких случаях секунды всегда очень медлительны. И вот он, долгожданный, — глухо ахнул, полетели вверх железные куски, один конец фермы рухнул вниз, загородив проходящую под виадуком вторую линию.

Больше здесь делать нам нечего. В колонне по трое наш отряд едет через мост, охраняемый сильной заставой латышей. На центральной улице жители выглядят из окон и ворот, еще боязливо, но приветливо машут руками, шапками. Мы шенкелями горячим коней — так кавалерист выглядит боевитее — и улыбаемся в ответ льготчанам.

С хорошим донесением приятно было возвращаться в штаб дивизии. обстоятельно доложил о своих действиях Примакову. Узнал, что 1-й полк во главе с Григорьевым атаковал станцию Морица, взорвал железнодорожный

путь. Однако подошедший от Дмитриева бронепоезд сильным артогнем вынудил Григорьева отойти. Команда бронепоезда линию исправила и прорвалась через Льгов (до нашей операции у виадука).

Один взвод 1-го полка был послан по большаку на село Панкеево. Ему встретилась пехотная рота белых, сопровождавшая два орудия 45-линейных и два 3-дюймовых. Конники изрубили шашками прикрытие, взяли в плен семьдесят пехотинцев и доставили их вместе с орудиями в село Мармыжи. Уничтоженная рота принадлежала 2-му дроздовскому полку.

Сотня из 2-го полка червонных казаков, высланная на станцию Пена, добиться успеха не смогла. У села Глушково ей нужно было перейти мост через реку Сейм, а на нем белые выставили пулеметное подразделение. Сотня отошла в село Козля.

Вечером в штабе, остававшемся в Мармыжах, подводили итог сделанного за 15 ноября. Этот день можно обозначить началом разгрома дроздовской дивизии: она потеряла пленными восемьсот солдат и офицеров (порубленных сосчитать не могли), семь орудий, двести вагонов с военным имуществом и несколько локомотивов. Разрушение Льговского узла отрезало дроздовцам пути отхода, лишило их связи с высшим командованием.

Конец дроздовского полка

Весь следующий день буря продолжала бушевать. Крупных действий начдив Примаков решил не предпринимать, дав казакам и коням некоторый отдых. Ведь фронтовые части противника, как только узнают, что у них за спиной красная копница, начнут отступать, и нужно встретить их со свежими силами. На север в разных направлениях были посланы четыре взвода — большаком по Дмитриев, к Святой Роже, обратно к Фатежу и по Курскому шоссе. Им предписывалось проникать по возможности дальше, завязывать перестрелку, захватывать пленных и вообще производить больше шума. Нехитрый прием оказался верным: среди белых усилилась паника, они заботились уже не об организованном сопротивлении, а как бы уцелеть, уйти из-под удара с тыла.

17 ноября, предвидя нелегкие схватки, штадив сосредоточил свои части в кулак. В Мармыжи, где ранее бази-

ровался 2-й полк П. Потапенко, подтянулись 1-й и Кубанский полки. Латыши оставили в Льгове один эскадрон, другие подразделения сошлись в селе Кочетно.

От разъезда 2-го полка поступило донесение: три батальона противника, двигаясь от села Черный Колодезь, вошли в Кафельцово. Их решили окружить и уничтожить, для чего Потапенко с полком пошел со стороны Журавлики, а кубанцы — от села Рогово. Однако лабиринт оврагов, изрезавших всю эту местность, и продолжавшаяся метель не позволяли действовать в конном строю.

В дело вступила артиллерия. Сначала обстрел Кафельцово вела только 1-я батарея, стоявшая в Мармыжах. Такого огня было недостаточно. К начдиву обратился командир дивизиона Михаил Зюк. Предложил использовать захваченную у белых 45-линейную гаубицу: снаряды есть, прислуга и офицеры у нас в плену. Идея понравилась. Пленных артиллеристов вызвали к Примакову. Он гарантировал им свободу, если примут участие в бою и будут стрелять без промаха. Ушло всего полчаса на подготовку гаубицы, и вот тяжелые снаряды, еще позавчера принадлежавшие денкинцам, начали крушить своих бывших хозяев, сбили колокольню, на которой белые установили пулеметы. Находившийся в цепи Зюк по телефону управлял артиллерийским огнем.

В полдень близ села Клесово был замечен еще один батальон, направлявшийся в Кафельцово. Прискакавший с этой вестью казак сообщил, что пехота идет без оружия, оно сложено на плетущиеся поодаль сани. Решили послать сотню 1-го полка, чтобы отбить оружие. Но не успела она выйти из Мармыжей, как обоз прибыл сюда, сопровождаемый червонцами. Оказалось, взводный командир разъезда сам проявил инициативу. Подъехал он в погонах к обозу, отвлек разговором юного прапорщика, который возглавлял охрану. А затем наши казаки бросились в шашки и зарубили все прикрытие. Только один офицер, спавший в санях, уцелел и был представлен начдиву. Он сказал, что их батальон входит в состав 2-го дроздовского полка. С оружием осталась только знаменная офицерская рота, другие подразделения из-за дурной погоды шли налегке, сложив винтовки (их было до четырехсот) на крестьянские подводы.

Пока шел этот доклад, Потапенко из Журавлики донес, что к белым в Кафельцово прибыло подкрепление.

Его успокоили: этот батальон с голыми руками много не навоюет.

Итак, весь дроздовский полк собрался в Кастельцово, охваченном нами с трех сторон. В 16 часов бурной атакой червонные казаки ворвались в село. Противник не выдержал этого натиска. До тысячи солдат сдались в плен. Многие офицеры кончили самоубийством, но тридцать шесть человек предпочли жить и сложили оружие. Уйти из села успела лишь знаменная рота, да и она, прихватив было два орудия, бросила их без замков в ближнем овраге.

В этой схватке червонцы потеряли убитыми и ранеными до сорока своих товарищей. Ранен был помощник командира 2-го полка Ислам-Гирей Макеев.

Охота за бронепоездами

Утро 18 ноября началось стычкой в селе Кудищево. Находившаяся там наша застава была атакована и оттеснена целым полком, быстро ушедшим на Льгов. Через город противник тоже прорвался и ушел за реку Сейм. Латышские эскадроны, преследуя его, захватили несколько пленных, которые показали, что это был 1-й офицерский полк дроздовской дивизии под командой полковника Туркуля. Надо отдать ему должное: отступал в полном порядке, действовал напористо и решительно. Наших сил на том направлении оказалось явно мало, чтобы задержать полк Туркуля.

Тем не менее фронт дрогнул и стал приближаться к нам. Высланная в Черный Колодезь разведка встретила передовые подразделения Латышской дивизии и узнала от друзей стрелков, что вчера, 17 ноября, взят Курск. Около полудня к Льгову начали подходить части 41-й советской дивизии.

Главным событием того дня явился захват вражеских бронепоездов и эшелонов, удиравших из Курска. Шли они из-за снежных заносов медленно, почти вслепую. Мы знали: дальше Льгова не пройдут, железнодорожное полотно загорожено громадной фермой подорванного виадука. Чтобы отрезать им и обратный путь, две сотни 2-го полка направились к станции Лукашевка с задачей — после прохода составов взорвать мост через реку Реут.

Перед отправкой со штабом и 1-м полком к селу Ре-

чица Примаков поручил мне побывать на ближайшей от Льгова станции, куда ранее выехал со взводом начальник связи. Я застал его в аппаратной рядом с перепуганным железнодорожником, который под диктовку отвечал на телефонные звонки. Входная стрелка на станции была выведена из строя, рельсы забросаны кучами шпал, мостик на всякий случай подготовлен к взрыву. Все сделано, как надо, и я, удовлетворенный распорядительностью начальника связи, возвратился в штабдив. Штабисты облюбовали себе небольшую рощу на возвышенности, откуда открывался довольно хороший обзор. Силы дивизии были уже расставлены вдоль железной дороги.

Мимо нас прошел головной бронепоезд, скрылся за поворотом. Послышался его гудок, — видимо, сигнал другим составам. Вскоре проследовали обычные эшелоны, за ними снова бронепоезд... Вдруг на востоке ухнуло, оттуда раздались тревожные гудки паровозов, стрельба. Значит, мост у Лукашевки взлетел на воздух, и белые теперь в мышеловке. Сколько их? Потом выяснилось — пять бронепоездов и три состава из теплушек, пассажирских вагонов, в которых пытались спастись буржуи, попы, высшие чиновники...

С бронепоездов сначала вели сильный артогонь по оврагам, ближним селениям. Нашим цепям вреда это не причинило. Потом неприятель притих. Уже темнело. Мы ждали ночи, чтобы атаковать под покровом темноты. Но темнотой воспользовались и поездные команды — все, словно по уговору, покинули свои места и ускользнули на юг. Червонцы совместно с пехотой 41-й дивизии взяли, по существу, без боя пять бронепоездов: «На Москву», «Дроздовец», «Генерал Дроздовский», «Иван Калита» и «Офицер». На двух оказались поврежденными орудия, остальные были в полной исправности. Одному из этих трофеев присвоили название «Червонный казак». Через две недели он бил деникинцев южнее Харькова.

Льговский рейд 8-й Червонно-казацкой дивизии, как и предыдущий, полностью оправдал поставленную цель. Еще более потрепанный и деморализованный корпус генерала Кутепова откатывался на юг, очистив территорию до 150 верст в глубину, от Фатежа до Суджи. Красная 14-я армия, вдохновленная верой в свои силы, продолжала победное наступление.

КОНЕЦ „СВЯТОЙ РОТЫ“

Это было осенью 1919 года в районе реки Кромы. Червоновые казаки держали здесь оборону рядом с латышскими стрелками.

Утром ожидалось наступление противника, все об этом были предупреждены, и все-таки произошло необычное.

Деникинцы шли словно на парад, а не в бой: развернутые шеренги, сомкнутый строй, винтовки со штыками наперевес, слышатся духовые оркестры. Будто ничего не боятся, заранее уверены в успехе.

Картина, что ни говори, жуткая. Наши нервы напряжены. Ждем — пусть приближаются, вернее будет отпор.

Но что это черное движется вперед?

Наш командир сотни смотрит в бинокль, по цепи пробегают слова: «святая рота». А вскоре и невооруженным глазом стало видно, что парадное шествие корниловских офицерских полков возглавляют... попы и монахи. В рясах, с крестами. Распевают что-то тягуче-священное, доносится колокольный звон.

Ситуация не из легких. Пойдут ли на рубку казаки? Ведь среди них много верующих в бога.

Заминка, и верно, была, но недолгая. Когда подали команду приготовиться к атаке, один казак из полтавской деревни спросил своего сотника:

— А не грешно? Что Ленин говорил по этому поводу?

На миг задумался командир, потом смело и громко ответил:

— Ленин приказал рубить до последнего попа!

Слова эти кто воспринял всерьез, кто улыбнулся. Но в атаку все бросились дружно.

«Святая рота» была уничтожена в одно мгновение. Не

выдержали удара и корниловские полки. Почти в упор били по ним латышские стрелки из окопов, конная лава червонцев — с фланга.

После боя многие казаки из любопытства прошли на место рубки. Там и сям валялись мертвецы в рясах, вооруженные револьверами, ручными гранатами и просто ножами.

Ветераны червоного казачества (слева направо): А. И. Рольский, С. В. Топорец и Н. Н. Султан (г. Львов, апрель 1965 г.)

— Смотри, хлопцы, — шел разговор между бойцами, — чем попы-то занялись. В церквах бывало учили: «не убий», а сами на нас как банда... Вот тебе и бог!

Три попа, избежавшие клинка, очутились в плену. Они рассказали, что священников и монахов собирали при войсковых частях по приказу самого Антона Ивановича Деникина. Они должны были воодушевлять воинство в походе на Москву. Для торжественности их сопровождали повозки, на которых укреплялись небольшие колокола.

Выслушав такую исповедь, червонцы говорили:

— Никогда Антошке не бывать в Москве! Она теперь навек наша, рабоче-крестьянская!

ПАКЕТ ПРИМАКОВУ

Во время орловского сражения я служил в 42-й стрелковой дивизии рядовым 1-го кавполка. Левее нас занимала позицию бригада червонного казачества, с которой поддерживалась связь. В один из тех дней я был в числе дежуривших при штадиве конных связных, и как раз потребовалось отвезти пакет комбригу Примакову. В ближайший путь отправился вместе с Гришей Лапушиным и Васей Вороновым, такими же юными, как и я, красноармейцами.

Утро было пасмурное, горизонт затянут тучами. Думали, надолго, аи нет, выглянуло солнце и скоро совсем жарко стало. На пакете, который я спрятал в переметную сумку седла, стояла пометка: «Аллюр ХХХ». Три креста означали: ехать рысью, переходя временами на галоп. И мы, понятно, то и дело пришпоривали лошадей.

Убегали назад опустевшие поля, пересеченные кое-где оврагами и садами, воздух был напоен запахом антоповки, высоко в небе парил вражеский самолет.

Наконец показалось нужное нам селение. Въезжаем. Над крыльцом крестьянской избы полощется красный флаг, прикрепленный к пике. У дверей часовой. Значит, сюда.

Только хотел я спросить часового, где комбриг, как на крыльцо из хаты вышел невысокий командир в кожаной куртке. С одного боку у него клинок, с другого кобура с пистолетом. Вид бодрый, жизнерадостный. Узнав цель нашего приезда, командир сказал:

— Давайте пакет. Это мне.

Так вот он какой, комбриг Примаков! Лицо молодое, румяное, чуть-чуть заросшее щетиной. Волосы зачесаны

назад. Совсем простой, приветливый человек. А солдатская молва рисует его прямо-таки богатырем...

Пока мы разглядываем прославленного командира, он вскрывает пакет, расписывается на конверте и передает мне для возвращения в штаб дивизии. Я смотрю в его голубые, с усмешливой лукавинкой глаза. Примаков спрашивает о самочувствии нашего комполка Максименко, о настроении бойцов. Потом:

— А вы кушали сегодня? Сыты ли кони?

Я робко киваю головой: да, да. Но он замечает неуверенность в ответе.

— Сейчас проверим.

Примаков спускается с крыльца, берет у колодца ведро с водой, подносит к морде Васиной лошади. Та жадно пьет. Наши тоже тянутся к ведру.

— Нехорошо, брат, обманывать, — говорит Виталий Маркович. — Покормите-ка коней да отправляйтесь на кухню. Затем и тронетесь.

Сгорая от стыда за свою промашку, мы подвели лошадей к колодцу, напоили, дали овса. И самих нас сытно накормили на походной кухне. Хотели поблагодарить комбрига, но его в штабе уже не оказалось — уехал в полк.

Обратный путь, уже знакомый, проделали быстрее. Мой гнедой Мальчик всю дорогу бежал веселой рысцой.

Несколько лет спустя, в 1924—1926 годах, мне довелось проходить службу в Червонно-казацьем корпусе, в 4-м кавалерийском полку. Среди ветеранов-червонцев часто заходил разговор о былых походах, ожесточенных боях. А я, слушая их, вспоминал свою первую встречу с Примаковым и приключившийся тогда маленький казус.

РЕЙД НА ПОНЫРИ, ФАТЕЖ

Никогда не забыть тех дней. Уверен, скажи сейчас любому из старых червонцев, даже если в глаза его не видел (нас ведь было тогда полторы тысячи), скажи: «Поныри, Фатеж», и эти слова, как пароль, бросят в объятия. Нет товарищества крепче фронтового. Всего-то четверо суток продолжался тот рейд в деникинский тыл, а как много было сделано для победы!

Если рассказывать по порядку, то начинать нужно самое малое с ночи на 3 ноября 1919 года. На раннее утро, в четыре часа, назначено выступление червонных казаков с последней стоянки — из сел Чувардино и Волобуево. И команду на отдых дали, и место в хатах нашлось бы, но мало кто воспользовался этим. Сон не шел — очень уж необычны приготовления, поход представлялся таинственным, загадочным. Приказано снять с шапок драгоценные наши звездочки, всякие значки и алые ленты. Эскадронные штандарты, полковые знамена свернуты и убраны в чехлы. Нам, бойцам Красной Армии, выдали... погоны — прикрепляйте, дескать, к шинелям и полушубкам. А еще велено было величать командиров «господами» и «высоко-родиями». Все, правда, объяснено, растолковано: идем за линию фронта и, чтобы обмануть противника, будем выдавать себя за дивизию генерала Шкуро. Но при тогдашней прямолинейности и подозрительности разве не могло закрасься в душу: «Не измена ли?» Чего скрывать, было тогда такое недоверие. Пусть у немногих, но было. Молодежь, правда, отнеслась к этому маскараду без всякой подозрительности и восприняла его как забавную игру, шутила и гоготала, не думая, что впереди и кровь и смерть.

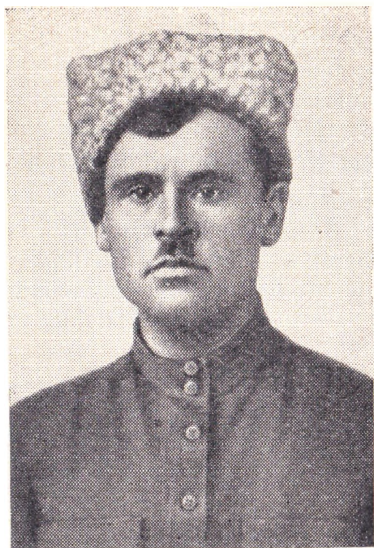
Так или иначе, веселые или задумчивые, выехали конники, когда еще и светать не начало. Было в той колонне четыре полка — тысяча пятьсот сабель, более тридцати тачанок с «максимами», двадцать повозок патронных и шестнадцать санитарных, шесть орудий с зарядными ящиками. Посмотришь взад-вперед — конца-края не видно. Силища!..

Впрочем, в поле-то и не разглядеть всего было — в ту ночь метель бушевала страшная, заволокло все вокруг вихрящимся снегом. Поеживались казаки в своих шинелях, поругивались: что, мол, за погода такая проклятая?! Это уж потом все поняли, что вьюга помогла незаметно проскочить во вражеский тыл.

И еще помогло то, что самим конникам не пришлось пробивать неприятельскую оборону. Две бригады латышских стрелков мужественной штыковой атакой вышибли белых из сел Чернь и Чернодье, отбросили их в стороны. Образовалось что-то вроде воронки с восьмиверстным горлышком, куда по дороге между селами червоныне казаки и проскочили — свежие, боем не измотанные. Неподалеку от места прорыва встретились заставы противника, а в ближнем селе Покровское находилась пехотная рота — их порубила пашками авангардная сотня 1-го полка.

За селом Покровское от общей колонны отделился Латышский кавполк, свернул на деревню Гранкино и направился далее по берегу речки Немед. Главные же силы двигались параллельно. Местный лесник показал глухую дорогу через лес; по ней, а затем по снежному полю вышли к селу Студенок и заняли его. Оттуда по проселку добрались до деревни Черемошная, где соединились с латышскими конниками, обходное движение которых, как и предполагалось, принесло пользу — в Гранкино они разгромили обоз со всяким добром, в Фроловке — другой, артиллерийский. С собой латыши забрали только лошадей, а снаряды свалили в речку — во вражеском тылу нелзя обрести даже таким имуществом.

Из Черемошной дивизия двинулась на Свапские Дворы, что на шоссейной дороге Кромы — Фатеж. Головная сотня столкнулась с ротой коринловцев, порубила всех до единого. Пройдя селение, взорвали позади себя мост на реке Свапа. Так вражеским броневикам, паходившимся в Кромах, отрезали путь к отступлению, заперли их на коротком участке шоссе.

Р. А. Гурья

Жителям всех селений, через которые проходили, представлялись шкуровцами. Говорили, что отступаем с фронта под натиском неприятеля. Молва о несметных силах наступающей Красной Армии распространялась по округе, сея панику среди беляков. И нам это было на руку.

Только к утру 4 ноября, заняв села Теплый Колодезь, Самодуровка и Молотычи, Червонная дивизия остановилась на привал. Целые сутки были на марше, и здесь отдых непродолжителен — всего три часа.

Во второй боевой день решалась основная задача рейда — налет на станцию Поньры и город Фатеж, разгром имевшихся там гарнизонов.

Взять и разрушить железнодорожную станцию начальдив приказал бригаде П. П. Григорьева, с которой во 2-м полку шел на операцию и я. Выйдя из Теплового Колодезя в десятом часу утра, к полудню мы были уже в Ольховатке. Здесь остались штаб дивизии и Латышский полк, которому поручалось быть в резерве и следить разъездами за нашим тылом. Кубанцы в это время приближались к Фатежу.

Два часа верхового хода — и мы в селе Поньры. Захватив десятка два пленных, выяснили при допросе, что на одноименной станции, которая в двух верстах, стоит несколько эшелонов и бронепоезд под парами. На броню с шашками не пойдешь, пусть вступает в дело артиллерия. Бывшая при нас батарея начала обстрел. На ее огонь бронепоезд ответил несколькими выстрелами, но скоро, опасаясь рвущихся рядом снарядов, подался в сторону Курска. Тогда конница широкой лавиной под пулеметный треск устремилась вперед. Противник оказывал сопротивление, бой продолжался не меньше часа,

Вот уж никак не думалось, что небольшая эта станция так забита людьми и имуществом. Когда ворвались, нашлась работа клинкам и карабинам. В стычке было уничтожено до ста деникинских пехотинцев. В шестидесяти вагонах обнаружили новое обмундирование и, кто был слишком легко или плохо одет, принарядились. Самое же радостное — освободили из неволи триста восемьдесят пленных красноармейцев. Каким неожиданно счастливым оказался для них тот день, хотя сперва они, как сами признались, с недоумением гадали: почему одни золотопогонники дерутся с другими? Выйдя из распахнутых нами телячьих вагонов, эти обретшие свободу люди плакали от радости, обнимали наших бойцов. Тут же, на платформе, их построили. Объяснили, что к чему. Одного мужичка, в прошлом унтер-офицера, выделявшегося бравым видом, назначили командиром. Вновь сформированную роту посадили на трофейные подводы и послали как прикрытие к своей артбатарее.

Тем временем на путях орудовали подрывники. Были взорваны все стрелки и крестовины, порваны линии связи. Группа кавалеристов, проскакав к югу, разрушила в нескольких местах полотно и мостик. Конная сотня пошла вдоль железной дороги на север. Взорвав рельсы в десяти верстах от Понырей, она двинулась дальше, атаковала станцию Малоархангельская. Там, однако, было до батальона пехоты, атака не удалась, и наши вскоре возвратились.

Все понырское дело заняло не более трех часов. Сделав намеченное и оставив в Понырях одну сотню для наблюдения, комбриг Григорьев со своей бригадой вернулся к вечеру в Ольховатку. Похваляясь перед латышами, молодые казаки стали рассказывать, что и как происходило. А те, оказывается, тоже не сидели сложа руки. Эскадрон Латышского полка совершил набег на станцию Возы (южнее Понырей), разворотил ее взрывчаткой, уничтожил комендантскую команду и пленил офицера.

Прибыли в Ольховатку и кубанцы, успешно выполнившие свою задачу по разгрому фатежского гарнизона.

Третье утро началось с того, что штаб дивизии выслал по всем направлениям разведку. Наиболее ценные сведения доставил в полдень гонец из-под Малоархангельской. Там обнаружена длинная колонна противника — до полка кавалерии, три батальона пехоты и артдивизион (восемь

орудий), — шедшая к станции Поньри. Ввязываться с нею в бой не имело смысла, так как по утвержденному командармом плану требовалось нанести удар близ станции Дячъя. Поэтому Червонная дивизия в 13 часов двинулась по большаку на север, выставив боковое охранение.

Одновременно в опаснейшую экспедицию отправился взвод Гриценко из первой сотни 1-го полка. Ему было приказано прорваться через линию фронта и доставить донесение в штаб 14-й армии. Целой дивизией идти по вражеской территории не страшно, а отдельному взводу... Как потом мы узнали, Владимир Гриценко со своими храбрцами где клинком, где хитростью пробился-таки почью к позициям латышских стрелков. Донесение было немедленно передано по проводу командарму Уборевичу. Многие годы спустя я читал письмо члена РВС армии Серго Орджоникидзе В. И. Ленину, написанное как раз 6 ноября 1919 года, о тогдашних боевых делах червонцев. Выходит, Владимир Ильич был хорошо осведомлен о том памятном рейде благодаря смелости и мужеству взводного командира Гриценко и его казаков.

Дивизия между тем, миновав Сабуровку, повернула на Битюк-Подольне. Шедший впереди разъезд сообщил, что в селе Тагин находится штаб корниловского полка, слабо прикрытый. Атаковать — иного решения и быть не могло!

В бой вступил 1-й червонно-казачий полк под командой Федора Спасского. Дело было часов в шесть вечера, уже смеркалось. Конный строй с обнаженными шашками ворвался в село, пренебрегая встречным ружейным огнем. В жаркой схватке зарубили до двухсот пехотинцев. Захватили полковую канцелярию. Командир полка с офицерской ротой успел отойти на высившуюся позади селения гору. Преследуя врага, червонцы взяли эту гору лихой атакой, изрубили почти всех офицеров. Однако полковое знамя отобрать у корниловцев не удалось — с ним комполка и конные ординарцы ускакали за реку, в село Сеньково, а гнавшуюся следом сотню червонных казаков остановил там сильный огонь.

Поздно вечером все стихло. Падавшим от усталости коням кавалеристы дали корм и отдых, да и самим требовалась передышка после боевого возбуждения. Бригада Григорьева и кубанцы ночевали в многодворном Тагине, а Латышский полк — в небольшом селе Битюк-Подольне.

Начинался четвертый день рейда. Следовало ожидать

боев самых ожесточенных. Из допроса пленных выяснилось, что среди белых ходят слухи о прорыве десяти тысячной красной конницы. Налет на Поньри и Фатеж лишил фронтовые части неприятеля связи с высшим командованием. Корниловская и дроздовская дивизии отходят. Значит, придется с ними столкнуться.

Среди ночи прискакали вестовые от разведок, посланных к северу и востоку. Доложили: в село Воронеж прибыли наступающие латышские стрелки, они идут к Тагину; село Архангельское занято корниловцами, которым больше некуда податься, как только проселком на Сабуровку. Стало быть, станцию Дячья громить уже незачем, белые ее, видимо, оставили. Надо вернуться, идти наперерез отступающей корниловской части.

В течение часа отдохавшие по хатам червонцы поднялись, привели себя в порядок, оседлали коней, встали в строй. Раненые и художонные казаки, а также пехотная рота, сколоченная в Поньрях, были оставлены на место до подхода латышских стрелков. Основные же силы Червонно-казацкой дивизии тронулись к Сабуровке.

Вот где скрестились две силы! Вот где была схватка, пожалуй, самая яростная из всех случившихся во время рейда!

На восточной окраине Сабуровки, за постройками, спешил Латышский полк. Ему была придана пулеметная команда 2-го полка червонцев, а своих конников наш «батько» Пантелеймон Романович Потапенко пустил в обход приближавшегося противника. При этом две сотни прошли оврагами и охватывали левый фланг корниловцев, а другой дивизион, дождавшийся в Битюк-Подольяне двух латышских рот, вместе с ними нависал справа. 1-й полк Спасского и 3-й Кубанский продвинулись со штабом дивизии западнее, в соседнюю Самодуровку.

Такая диспозиция давала червонцам большие преимущества. Они зажимали противника полукольцом (почти как псов-рыцарей на Чудском озере), а тот не имел ни времени, ни пространства, чтобы избежать навязанной ему формы боя.

Подойдя к Сабуровке, корниловцы открыли очень сильный артиллерийский огонь из восьми орудий. После артподготовки пошли в наступление пехотные цепи. Все согласно уставу. Однако не была взята в расчет стойкость красных бойцов, а держались они героически. И не знал

враг количества и расстановки наших сил. Даже возьми он это селение, его судьба не изменилась бы: дальше стояли преградой еще два червонных полка. Но и Сабуровка удержалась. Когда натиск белых усилился и отдельные их группы подходили к окраине, на помощь латышам начдив Примаков привел две упряжки с полевыми пушками. Едва развернувшись, они прямой наводкой ударили картечью. Передние цепи врага попятились, задние напирали. Видя это замешательство, командир Латышского полка Ян Кришьян крикнул: «Конноводы, коней!» Но прежде кавалеристов вылетели из села пулеметные тачанки, развернулись перед носом корниловцев, застрекотали «максимами». Конные эскадроны латышей помчались следом, врезались в ряды противника.

Тут настал и наш черед. Глубоко охватывая неприятельские фланги, с гиком и посвистом неслись сотни 2-го полка. Страшная рубка началась на громадном поле, которое из белоснежного вмиг превратилось в черно-серое. Под сабельными ударами червонцев погиб бесславно и навеки офицерский полк, считавшийся лучшим в Добровольческой армии, тот самый 1-й корниловский, чей штаб разгромлен был накануне в Тагине.

Через селения, в которых отдыхали после этого боя червонные казаки, проходили стрелковые части Латышской дивизии. Встречи были взаимно радостными. Настоящими боевыми товарищами стали для нас латышские стрелки. Четыре дня назад они помогли нам прорваться в деникинский тыл, а теперь мы способствовали их быстрому продвижению. В результате кавалерийского рейда червонцев и наступления пехотных частей линия фронта отодвинулась в те дни на сто верст к югу. Произошло это как раз накануне второй годовщины Октябрьской революции. Все мы испытывали законную гордость от того, что отстаиваем в боях завоевания Великого Октября.

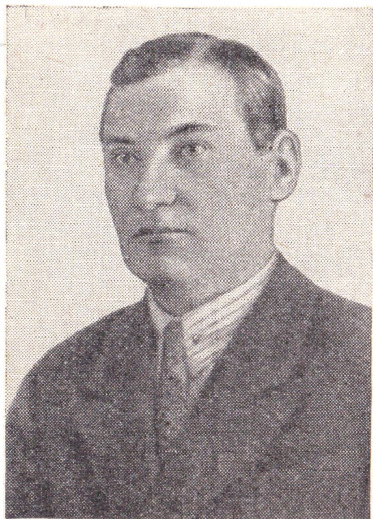
ЛАТЫШИ СРЕДИ КАЗАКОВ

На первый взгляд это может показаться непонятным: латыш называет себя на украинский манер казаком. А между тем такое было не только со мною. Я говорю не о тех боевых операциях, когда Червонно-казачья бригада сражалась рядом с Латышской стрелковой дивизией под Орлом или когда конный полк Яна Кришьяна ходил вместе с червонцами в дальний рейд по деникинским тылам. Уроженцы Прибалтики постоянно служили в одном строю с украинцами и сынами других народов: ведь червонное казачество было войском подлинно интернациональным.

Как я оказался червонным казаком? Очень просто. На Украину попал в 1915 году, бежав от немцев из Риги. Работал в Мариуполе на военном заводе. Там 5 декабря 1917 года вступил в Черноморский красновардейский отряд. В апреле 1918-го на фронтовых путях встретился с отрядом Примакова. Как знающий артиллерийское дело, был направлен по этой специальности. В артбатарею одновременно со мной были и другие латыши. Альберт Эйдукас и я командовали взводами, Карл Нейланд был командиром орудийного расчета. Эти ветераны-червонцы, мои дорогие товарищи и земляки, живы поныне. С Альбертом Яновичем мы часто встречаемся у себя в Харькове, Карл Иванович проживает в Риге. Жив и Я. Я. Кришьян, он тоже в Риге. Ян Яковлевич, бывший унтер-офицер уланского полка, в свои молодые годы храбро воевал за Советскую власть.

Попытаюсь вспомнить некоторые фронтовые эпизоды.

При взятии нами станции Деражня в марте 1919 года полк Примакова имел только маленькие траншейные пушки Гочкиса. А у петлюровцев был хорошо оснащенный

К. И. Ладе

бронепоезд, который продолжал курсировать в том районе. Полагая, что отпора не получит, противник подходил довольно близко к Деражпе и обстреливал ее, сколько находил нужным. Тогда мы, артиллеристы, все-таки рискнули сразиться. Две свои пушки перетащили подальше от станции, нашли удобное место на возвышенности — кругозор очень хороший. Скоро показался петлюровский бронепоезд. Подождали, когда он будет ближе, и стали стрелять. Существенного вреда ему причинить, конечно, мы не могли, но

все же, видим, остановился и, не сделав ни одного выстрела, повернул обратно. Потом выяснилось, что стреляли мы удачно и попали прямо под колеса.

Наутро командир батареи М. С. Медянский порадовал: получены горные орудия. Решили соорудить собственный броневик. Отыскали железнодорожную платформу с металлическими бортами, установили на ней одну из новых пушек. Только закончили эту работу, со станции сообщили, что замечен идущий сюда бронепоезд. Раздумывать некогда. Из находившихся рядом артиллеристов комбат назвал своего заместителя Синявина, меня с Эйдукасом и Нейландом, а также наводчика Мельника (из села Попельня, Киевской области), велел нам забираться на платформу. Сам Медянский сел с машинистом на паровоз, и наш самодельный броневик отправился навстречу противнику.

С бронепоезда, видимо, заметили нас: он остановился. Мы на ходу открыли огонь гранатами, снаряды наши взрывались довольно близко от вражеского состава, но попасть нам, конечно, не удалось. Тем не менее этот дерзкий налет сыграл свою роль: бронепоезд быстрым ходом ушел обратно и больше не появлялся.

При наступлении на Изяслав командира батареи Медянского часто отзывали для работы в штабе, его заместитель Синявин был ранен случайным револьверным выстрелом и тоже отсутствовал. Всеми делами пришлось вести командирам взводов, мне и Эйдукасу. Мы поставили батарею на выбранную позицию. Комбат предупредил, чтобы без его приказа не стреляли. С наблюдательного пункта я видел, как конные сотни разворачиваются в боевой порядок и скрываются на окраинных улицах города, однако ни выстрелов, ни криков «ура» не слышал.

Прошло не более получаса, как от комбата прибыл гонец с письменным приказанием: батарею расположить в экономии, что при въезде в Изяслав, по левую сторону дороги, Лаце и Эйдукасу явиться в штаб полка.

Разместив орудия и бойцов в указанном месте, мы с Альбертом пошли в город. На улицах видели много порубленных петлюровцев. В штабе М. С. Медянский встретил нас словами:

— Ну что, товарищи, скучно было, не пришлось и выстрела дать?

Михаил Сергеевич сказал, что неожиданность конной атаки позволила обойтись без артиллерии, петлюровцы и так разбиты. Но не исключено, что некоторые из них спрятались, нужно внимательно осмотреть месторасположение батареи.

Вернувшись в экономию, я разослал казаков, они обыскали все закоулки и никого не нашли. А мы с Альбертом одного типа обнаружили. Идем мимо большого мусорного ящика, приподняли крышку — там человек. Голова бритая, одет в рваную фуфайку, а на сапогах шпоры. На допросе выяснилось, что это петлюровский офицер.

Во время рейда на Поньри, Фатеж кавдивизию Примакова сопровождали шесть артиллерийских орудий. Нашей батареей вместо переведенного в штаб Медянского командовал Пундик.

Артиллерия оказала конникам большую помощь. Вместе с 1-й бригадой П. П. Григорьева мы участвовали в налете на станцию Поньри, огнем своих пушек отогнали находившийся там бронепоезд. Особенно жаркой была схватка у села Сабуровка в четвертый день похода, утром 6 ноября 1919 года. Туда подходил, отступая с фронта, корниловский полк, при котором имелось шесть полевых орудий и две шестидюймовки.

Залегшие на окраине Сабуровки за избами и гумпами, спешенные эскадроны Латышского кавполка встретили противника ружейно-пулеметным огнем. Корниловцы в ответ начали очень сильный артиллерийский обстрел, а их пехотные цепи перебежками подбирались к селу.

Положение латышских бойцов становилось трудным. Но предусмотрительный начдив В. М. Примаков послал по ближним оврагам 2-й кавполк, чтобы охватить неприятеля с флангов. В самый же критический момент Виталий Маркович подтянул к себе наш артвзвод и вместе с ним поспешил в Сабуровку.

Расстояние от прежней стоянки небольшое, четыре лошади тащили каждое орудие, и мы быстро оказались бы на месте, да случилась беда: уже в самом селе одна упряжка целиком была подстрелена. Артиллеристы выпрягли лошадей и на руках подкатили пушку.

Передо мной как на ладони снежная поляна: совсем рядом вражеские пехотинцы, чуть поодаль их батарея. Я скомандовал: «Картелью!», и прямой наводкой два наших орудия ударили по корниловцам. Страшная это штука — картечь: каждый выстрел выбрасывает пулевой веер, секущий все на своем пути. Враг крепко поплатился. Затем мы перешли на гранаты. Первым же залпом попали в неприятельскую батарею.

В это время вступили в дело красные конники. Выскочили из села шестнадцать тачанок с «максимами», подлетели к пехотной цепи, начали поливать огнем. Вслед пошли в атаку конные эскадроны латышей, а глубоко с флангов карьером неслись сотни 2-го полка червонцев.

Потрясающая картина! Несколько минут длилась сеча — огромное снежное поле почернело, взрыхленное копытами и устланное трупами.

Я на своей Малютке галопом поскакал к неприятельской батарее. Там встретил командира 2-го полка П. Р. Потапенко. Пантелеймон Ромапович пробасил:

— Вот бы их повернуть — да вдарить по белякам!

Пожелание, что и говорить, дельное. Только, увы, орудия были английской марки, я из таких стрелять не умел.

Под Сабуровкой нам досталась вся артиллерия корниловского полка и большой обоз со снарядами. Все это мне поручено было отправить в Фатеж, что я и сделал.

В КУБАНСКОЙ БРИГАДЕ

Если судить по календарю, то моя служба в червонном казачестве продолжалась всего-то с месяц. Но было это глубокой осенью 1919 года, когда совершались рейды по деникинским тылам сначала на Поньри, Фатеж, затем на Льгов. А такое время не забывается.

Прежде чем вспоминать события того боевого месяца, хочу рассказать о Кубанской бригаде, которая в дни знаменитых рейдов объединилась с бригадой В. М. Примакова и Латышским полком, образовав 8-ю кавалерийскую дивизию. Формировалась наша войсковая часть в мае — июне того же года в селе Хорошево, неподалеку от Харькова. Полное ее название — Отдельная Кубанская казачья кавалерийская бригада при Всеукраинской чрезвычайной комиссии. Командный состав и большинство бойцов там, верно, были потомственные казаки с Кубани, Терека, Дона, из Ставрополя. По возрасту — в основном молодежь, но многие пропили фронтową службу в царской армии, да и в красных войсках не первый день. Хорошо помню нашего комбрига Коротчаева. Высокого роста, худощавый, лицо немного продолговатое, с длинной черной бородой. В бригаде было два полка: 1-м командовал Василий Качура, бывший рядовой казак, 2-м — Сергей Сыроватский, имевший прежде чин старшего унтер-офицера, по-казачьему — старшего урядника. Все трое были кубанцы.

Естественно, что мне больше запомнились люди из 1-го полка, где я сам состоял сперва рядовым, потом отделенным в 4-м взводе 1-го эскадрона. Адъютантом (начштаба) у нас работал кубанец Замота. Моими командирами были тоже кубанцы: взводный — Донцов Василий, эскадрон-

ный — Зайцев Андрей. Так что название Кубанская дано бригаде по справедливости. Однако место формирования сказалось: была в ней значительная группа харьковчан, с которой попал в кавалерию и я.

Моя жизнь типична для крестьянина-бедняка. Родился в деревне Подолье, Барвенковского уезда. У родителей десять детей, а земельный надел — всего четыре десятины. Своего хлеба хватало до весны, а дальше покупали или брали в долг, как и зерно для нового посева. Отец, кроме поля, работал еще в кузнице, я с детства помогал ему. Подрос — пошел на железную дорогу рабочим по ремонту пути, потом молотобойцем в кузнечный цех стекольного завода в Константиновке. В августе 1915 года призван в царскую армию, служил в понтонном батальоне ездовым. На фронте пробыл немного, только июль — август 1917 года, заболел желтухой и из госпиталя, уволенный «по чистой», вернулся в родную деревню. Это было уже после Октябрьской революции. Ее влияние чувствовалось повсюду. И у нас в Даниловской волости организовался революционный партизанский отряд во главе с Федотом Леоновым, у которого я стал помощником. Месяца через четыре наш отряд влился в 107-й стрелковый полк, расквартированный в Харькове, в Воронежских казармах. Вот оттуда-то я вместе с другими желающими, кто умел обращаться с лошадьми, и был направлен в Кубанскую бригаду.

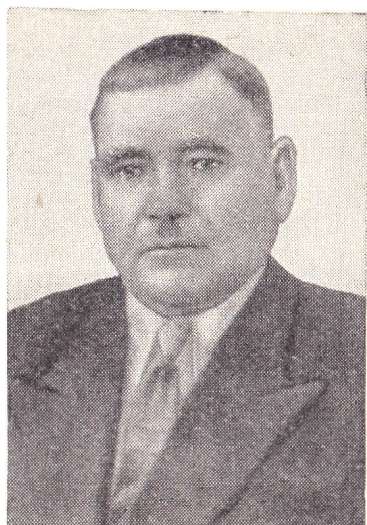
За тот недолгий, около полугода, срок, когда бригада наша действовала самостоятельно, она получила неплохую закалку.

Прежде всего мы поняли, с каким злобным и жестоким врагом приходится воевать. Однажды под Харьковом, в селе Алексеевка, двух наших разведчиков внезапно застигли деникинцы. У одного, кубанца Чижова, был отличный конь, он легко перемахнул через плетень и спас хозяина. Второго разведчика белые схватили и зверски казнили. Другой случай произошел в экономии сахарозаводчика Харитоненко. Туда заехал наш боец, чтобы заменить расковавшуюся лошадь. Место знакомое, там работал родной его брат. Этот брат едва успел крикнуть: «Уезжай скорее, здесь белые!», как наскочило несколько офицеров. Безжалостно замучили и этого товарища. Фамилии их я, к сожалению, запомнил, помнится лишь, что первый — кавказец, кажется черкес, а второй родом из-под Бо-

годухова, Харьковской губернии.

Упомянутый Чижев был старшим из трех братьев, служивших в Кубанской бригаде. Средний брат командовал дивизионом во 2-м полку, младший — Жорка был в нашем взводе.

Зверства белогвардейцев вызывали в нас ярость. Но беспощадными были только в боевой схватке, к сопротивляющимся, а падающим в плен это не распространялось. Один только раз отделенный Иван Худоба отступил от правила. Вот как это произошло.

Г. П. Дудняков

Ранним июльским утром, выйдя из села Ланстратовка, Курской губернии, наш полк столкнулся с заставой белых, числом до полуроты. Обнажив клинки, мы бросились в атаку. Противник стал отходить, но многие из задних рядов повернулись и побежали к нам, бросая винтовки и вещевые мешки. Более сорока человек сдалось в плен. Они пояснили, что насильно мобилизованы и воевать против Советов не хотят. Им объявили: берите вещи, оружие и идите в тыл. И вот среди пленных командир 1-го отделения Худоба увидал своего земляка из донецкой деревни Никитовка, дружка по партизанскому отряду. Один тогда пошел в Красную Армию, другой остался у белых.

Иван Худоба спрашивает:

— Скажи-ка, что там делают с семьями красноармейцев?

— Да что мы делали... — мнется земляк. — Ну, били, рубали, дома палили...

Переменился в лице отделенный, задрожали у него руки; ни слова больше не говоря, застрелил иуду.

Отправив пленных, мы рысью пошли к соседнему большому селу. Оставалось до него метров триста — денякинцы обстреляли нас из винтовок и пулеметов. Свернули

вправо, а оттуда тоже огонь. Пришлось отойти назад, в балку. Спешились. Вдруг позади нас появилась пехотная рота красноармейцев — бегут, кричат что-то непонятное. Мы обрадовались неожиданной поддержке, вскочили опять на коней.

В тот же момент из села выбежали деникинские пехотинцы, до двух рот, увидели нас в конном строю — замешкались, сгрудились.

Наш отделенный командир Федор Коржов вырвался вперед. Мне видно было, как он с обнаженной шашкой подскочил к группе деникинцев, крикнул: «Бросай оружие!» Но что это? Какой-то офицер, припав на колени, в упор выстрелил из винтовки, и Коржов взмахнул правой рукой и медленно сполз на землю.

— Убили! Коржова убили! — закричал я и что есть силы припустил свою лошадь.

Примчавшись на то место, я увидел отделенного невредимым. А стрелявший офицер лежал у его ног.

— Федя, живой! — воскликнул я радостно: он был мне близким человеком — односельчанин и давнишний друг.

Что же произошло с Коржовым? Заметив целившегося беляка, он машинально дернул левый повод, лошадь послушно отклонилась, и пуля прошла на три пальца от живота, пробив лишь футляр из-под бинокля, приспособленный для махорки.

С пехотой, выскочившей из села, было быстро покончено. Кубанцы рысью влетели на улицу и рубили клинками мечущихся белогвардейцев. По другую сторону селения отступало почти бегом какое-то подразделение. Мы бросились в погоню, взяли в полукольцо.

Слева, у хуторка, показалась тройка вороных, запряженных в тачанку, на которой сверкал от солнца пулемет. Лошади изо всех сил неслись к лесу. Наше отделение помчалось наперерез, но тачанка успела скрыться в зарослях.

Повернув на проселок, мы столкнулись с обозом из семи подвод. На передней повозке сидел офицер с капитанскими погонами, на другой — какой-то тип в немецком обмундировании. Им предложили сдаться — в ответ раздалась площадная ругань. Пришлось обоих прикончить. Подводы оказались нагруженными сахаром и овсом в мешках, конской амуницией. Обозу дали сопровождающих и отправили в село. Остальные поехали к своему полку, окружав-

шему подразделение противника. Уже издали жуткой виделась картина боя: в клубах пыли посилились лошади, сверкали клинки, слышались людские крики. Когда приблизились, все уже было кончено. Наши кавалеристы спешили, тяжело дыша от возбуждения, кругом валялись порубленные белогвардейцы. Среди убитых, был такой разговор, отыскался денкинский генерал.

Эта победа принесла нам и печаль: погиб любимец всей бригады Петька. Снова приходится сетовать, что годы не сохранили в памяти его фамилию. Молодой, веселый парень. В короткие часы отдыха, лишь слышатся звуки баяна, он тут как тут. Начинаются комические песни и танцы, несмолкаемый хохот вокруг. Красивый, с чубом, вежливый и обходительный со всеми товарищами, артист-самородок был гордостью нашего эскадрона. И погиб Петька горделиво, красиво. В том самом бою, приблизившись к окруженным денкинцам, он задорно крикнул: «Бросай оружие!», вовсе не помышляя прикончить кого-либо. Но к нему подскочил какой-то фанатик и ткнул штыком в живот. Петька молниеносным ударом зарубил этого беляка, а спустя полчаса, обливаясь кровью, умер сам. Родом он был из села Гусаровка, что в восьми километрах от станции Барвенково.

В тот день Кубанская бригада четыре раза ходила в атаки конным строем. Были полностью разбиты два пехотных полка противника и третий крепко потрепан. Сколько взяли пленных, не знаю, но счет велся на сотни.

Примерно через неделю был бой в районе большого села Троицкое, Курской губернии. Белые занимали возвышенность, мы рассыпались цепью вниз. Ружейно-пулеметная перестрелка ничего не изменила. Тогда эскадрон 2-го полка обошел балкою слева и под громовое «ура» на галопе бросился в атаку. Увидев это, наша цепь тоже поднялась в рост. Штурм возвышенности, однако, не удался: против всадников заработали пулеметы, нас встретили залпы артиллерии, которая раньше молчала, а тут стала бить прямой наводкой.

При наступлении я был со взводным командиром Василием Донцовым впереди цепи, а когда пришлось отходить, мы оказались задними. Шли рядом. Я чувствовал, как что-то щелкает у правого колена. Посмотрел — брюки изрешечены пулями. Донцов сказал: «Счастливы ты, Дудник, что в ногу не попало». И только он это произ-

Нес — вижу, упал на землю: его самого ранило в обе ноги пулеметной очередью. Ни тащить, ни нести Донцова у меня не хватало сил: он рослый, тяжелый. Стал кричать, звать на помощь.

Прибежал отделенный Иван Худоба. Попытались вдвоем поднять раненого — ему больно и нам неудобно бежать с такой пошей. Донцов говорит: «Мне все равно погибать, сами спасайтесь». Нет, так дело не пойдет, схватись, говорим, за ремни. А Худоба и я взялись за стволы, волоком на животе потянули взводного к балке, где укрылись коноводы. Расстояние не очень большое, но далось оно трудно. Белые начали обстреливать нас брзантными снарядами, которые разрывались в воздухе и посыпали осколками. Мы протянем Донцова шагов десять — пятнадцать, разбежимся в стороны, а после взрыва опять к нему. Наконец мы в балке. Вызвали коновода, усадили раненого на лошадь и, поддерживая с боков, доставили к санитарной линейке.

После перевязки Донцову захотелось пить. Я слетал в Троицкое, выпросил у крестьян кувшин, привез холодной колодезной воды. Вечером отправили Василия Донцова в тыловой госпиталь. Больше я его не встречал, но вспоминал о нем в эскадроне часто: хороший был командир, душевный товарищ.

Нашим взводным назначили Ивана Худобу, а я заменил его в первом отделении.

Утром следующего дня кубанцы все-таки вышли белых с позиции и заняли селение, где они пахотились. Крестьяне говорили, что денкиинцы понесли огромные потери: взяли здесь для раненых шестьдесят подвод, укладывали на каждую по пять-шесть человек.

Приближаясь к границе Орловской губернии, Кубанская бригада после очередной схватки с денкиинцами оказалась у них в тылу. 2-й полк из окружения вышел, а 1-й не успел. Уже был вечер. Подсчитали боеприпасы: у артиллеристов осталось пятнадцать снарядов, по пять штук на каждое из трех орудий, для кавалеристов патроны только те, что в патронташах и подсумках. Комполка Качура приказал патроны беречь, надеяться больше на шашки.

По пути близ какого-то сахарного завода наш эскадрон настиг и уничтожил команду денкиинцев, измывавшихся над здешними рабочими. Во главе команды был странный

капитан с погонями, нарисованными химическим карандашом. Плотный и грузный, он шомполами бил рабочих, допытываясь, есть ли здесь коммунисты, а от нас спрятался в стог соломы, где его и нащупали клинками.

Переночевав на этом заводе, 1-й полк в течение следующего дня все время на рысях шел густым лесом, а к ночи вошел в большое село, уже на Орловщине. Тут оказались кавалеристы 2-го полка, которые удивились и обрадовались: нас уже считали погибшими.

Краткие эти заметки, конечно, далеко не в полной мере отражают историю Отдельной Кубанской бригады до ее вхождения в состав червонного казачества. За полгода она прошла от села Хорошево, где формировалась, через города Богодухов, Ахтырка, Кролевец, Глухов, Севск, Дмитровск. Неоднократно бывало так, что под натиском деникинских войск стрелковые части отступали, а кавалеристы-кубанцы оказывались во вражеском тылу. К своим прорывались всегда с боями. И если обходилось без больших потерь, то в этом была немалая заслуга комбрига Коротчаева, командиров полков Качуры и Сыроватского. Добавлю также, что за счет белых мы неплохо вооружались. В каждой эскадроне появились тачанки с «максимами», при командирах полков были организованы специальные взводы с ручными пулеметами.

Совместно с червонными казаками в рейде на Понеры, Фатеж участвовал только наш бывший 1-й полк, переименованный в 3-й Кубанский. Не припомню, куда девался при этой реорганизации Качура, но вместо него полковым командиром пришел Сыроватский. В сравнении с червонно-казачьими полками наш был слабее — всего триста сабель, а у них по пятьсот. Тем не менее, думаю, кубанская подмога не оказалась излишней в том невероятно трудном походе в начале ноября 1919 года.

Особенно запомнился мне вторник 4 ноября. После суточного марша в условиях разбушевавшейся вьюги, при частых стычках с противником мы оказались довольно глубоко в тылу деникинских войск. Рано утром того дня 3-й Кубанский расположился в селе Молотычи, другие полки — по-соседству. Объявлен большой привал.

Люди и кони, подкормившись, отдыхают под кольцевой охраной застав. А штаб дивизии, остановившийся в селении Теплый Колодезь, разрабатывает план дальнейших действий. Вот что было решено: бригада старых чер-

вонцев делает палет на станцию Поныри; Латышский полк одним эскадроном захватывает станцию Возы, остальными контролирует наши тылы; 3-й Кубанский, минуя село Жердево, идет на город Фатеж; по выполнении заданий дивизия собирается в селе Ольховатка.

Выступив из Молотычей в десять часов утра, кубанцы часа через три подошли к городу. С полком был взвод артиллерии, он открыл беглый огонь. Тут же на улицы ринулись всадники.

Фатежский гарнизон состоял из офицерской роты и караульной команды. Пребывание их вдали от линии фронта рассматривалось, видимо, как отдых, к сопротивлению они не подготовились и пали под саблями. При воинской казарме мы захватили батарею восьмидюймовых орудий с двумя бронированными тягачами. Очень ценный трофей, но брать его с собой было несподручно, поэтому пришлось взорвать. Из местной тюрьмы кубанцы освободили около ста советских работников и пленных красноармейцев. В полицейском участке и разных закоулках отыскивали немало прятавшихся чинов. Вывели из строя телеграф и телефонную связь. За пять-шесть часов, проведенных в Фатеже, противнику был нанесен ощутимый урон.

На почевку вся дивизия собралась в Ольховатке. В среду 5 ноября был сильный бой за село Тагин, а 6-го утром наш и 1-й полки пришли в Самодуровку. Кубанцы в тот день, кажется, оставались в резерве, другие же полки продолжали драться с частями Добровольческой армии, которые под влиянием червонно-казачьего рейда отходили на юг.

Минула всего неделя. За это время уставшие в тяжелом походе бойцы и кони хорошо отдохнули. К нам в 3-й Кубанский полк влилось свыше двухсот кавалеристов из 2-го полка бывшей Отдельной бригады. Теперь почти все старые товарищи опять оказались вместе. На рассвете 14 ноября начался новый, льговский рейд. В прорыв, образованный латышскими стрелками у села Солдатское (несколько западнее Фатежа), двинулась одной колонной вся Червоная дивизия. Опять, как и в первый раз, была снежная буря, даже посильнее. Шли и шли, стараясь не задерживаться. Только за полночь остановились на привал, пройдя за восемнадцать часов свыше шестидесяти верст. Наш 3-й Кубанский и Латышский полки, входившие

во 2-ю Сводную бригаду Кришьяна, расположились в селе Кастельцово. Захваченные в соседней Ольшанке офицеры показали, что на станции Льгов стоит эшелон командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского, в самом городе квартируют пехота и артиллерия. «Вот бы захватить этого хваленного-перехваленного генерала!» — думалось в ту ночь червонцам, кому не спалось, несмотря на усталость.

Непосредственный налет на город начдив Примаков поручил 2-й бригаде, кубанцам и латышам. Узнав об этом утром, мы все загорелись боевым азартом.

Часов в девять 15 ноября, хотя метель еще не утихла, два наших полка выступили из Кастельцово и вскоре заняли Кочетно, от которого оставалось до Льгова всего пять верст. Кочетно — небольшой хуторок, хаты четыре или пять. Но трофеи достались нам тут ценные. На улочке стояли запряженные повозки с пулеметами, двенадцать штук, ездовые уже держали вожжи в руках, ожидая господ офицеров, находившихся в хатах. Ни эти солдаты, ни обезоруженные офицеры сперва никак не могли понять, что происходит: мы ведь в погонах — вроде как свои...

Продвинулись ближе к городу, остановились на опушке леса. Пришлось ждать артбатарею, отставшую из-за глубокого снега. Вот подтянулись и орудия, открыли огонь по городу и железнодорожной станции. И сразу же развернувшиеся кавалерийские эскадроны лавами на галопе устремились в городские кварталы.

На улицах там и сям толпились неприятельские пехотинцы. При виде скачущей конницы многие из них бросали винтовки, сдавались в плен, а отдельные отстреливавшиеся группы попадали под сабельный удар.

Некоторая заминка вышла около моста, ведущего на Нижнюю Деревеньку. Там скопилось довольно много денкинцев с офицерами, пытавшимися организовать сопротивление. Подскочившие сюда два эскадрона латышей спешили, ружейно-пулеметным огнем очистили мост, по которому карьером промчались кубанцы. Преследуя белогвардейцев до села Благодатное, 3-й полк отбил у них большой обоз.

Всего в Льгове было взято семьсот пленных, три пушки, много пулеметов и винтовок. На железнодорожной станции осталось до двухсот вагонов с военным имуществом и обмундированием. Но четыре состава успели уйти.

Наш 1-й эскадрон сопровождал к вокзалу саперов-подрывников. Когда те сделали свое дело (взорвали путь) и вокруг установилась непривычная тишина, мы в станционном здании отыскивали нескольких служащих. Они сообщали, что действительно здесь находился эшелон Май-Маевского, ушедший на Суджу при первых же выстрелах.

Вечером я со своим отделением стоял в заставе на окраине Льгова. Расставил парные посты часовых, дал корм лошадям. Вдруг неподалеку послышалась стрельба. Побежал на выстрелы. Около аккуратного домика застал нескольких казаков. Оказывается, здесь только что произошел инцидент. Один кубанец постучал в калитку, попросил сена для лошади и нарвался на ярого деникинца, который, изругавшись, пальнул из нагана. Наш боец ответил из винтовки. Обыск дома ничего не дал, деникинец куда-то улизнул.

Хозяин дома, где расположилось наше отделение, рассказал, что сегодня в городе был парад двух маршевых рот. Перед солдатами выступал какой-то генерал (не Май-Маевский ли?), разглагольствовал о «великой чести идти на Москву». После парада роты под музыку прошли мимо генерала на обед. Когда маршевики сгрудились возле кухни, внезапно раздались взрывы снарядов, а конные лавы влетели в город. Выходит, что если бы мы не задержались на лесной опушке из-за отставшей в снегах батареи, то как раз попали бы на этот парад с генералом...

После льговского рейда, преследуя отступавшие деникинские войска, Червоно-казацья дивизия вошла к ночи в село Пушкарня, Курской губернии. Все надеялись, что здесь будет привал, ведь и люди и лошади были утомлены переходом в бурю. Остановились на окраине. Находимся еще в строю. Неподалеку группа командиров. Оттуда гонец: вызывают меня с отделением. Подъезжаем. Вижу командира полка Сыроватского, сотника (эскадронного) Зайцева, остальные еще не знакомы. «Подходи, Дудников, ближе к начальнику дивизии», — говорит Андрей Зайцев. Ага, значит, вот этот, в черной казацкой бурке, и есть Примаков. Я видел его впервые. Тронул повод и в трех шагах от начдива остановил лошадь.

Подняв глаза, Примаков посмотрел на меня, словно оценивая, и спокойным голосом сказал:

— Вас, товарищ Дудников, рекомендуют на боевое задание. Поедете по этой дороге, — он указал рукой. —

В трех верстах село Коноплянка. Если противник там, завязывайте бой, выманивайте его из села. Если нет, расспросите жителей и двигайтесь дальше до встречи с неприятелем. Чтобы не сбиться в пути, с вами пойдет проводник. Следом отправится ваша сотня и весь Кубанский полк. Задание понятно?

— Так точно, понятно!

— Выполняйте!

Проводник находился тут же — крестьянин из Пушкарни лет тридцати пяти, в армяке и лаптях, сидевший на маленькой гнедой лошадке без седла. Я пригласил его следовать за мной и подал команду отделению.

Мы с проводником были впереди. Ехали молча. Потом он стал проситься домой: до Коноплянки, мол, рядом, сами доберетесь. Я не отпускал. Когда увидел постройки, остановил отделение, сам продвинулся дальше. С пригорка виден был внизу мостик, на нем двое часовых. Заметив всадника, они закричали: «Кто такой?» — и открыли пальбу. В это время проводник исчез, как сквозь землю провалился. Отделение спешилось, рассыпалось в цепь.

Тут подоспел с сотней Зайцев, и белые заняли позиции. Наша цепь на возвышенности, вернее, на уклоне ее к селу, оказалась хорошей мишенью для противника, укрывшегося за постройками, деревьями и камышом. Обстановка для нас невыгодная. Но бой уже начался.

Подошла вторая сотня. Мы взяли влево, очищая место для нее. Следовало проскочить горку. Кто шел прямо, тот падал убитый или раненый, кто по-пластунски полз, тому ничего. Я было сдуру сначала пошел во весь рост, да вовремя спохватился, шлепнулся на землю и пополз, разгребая снег. Когда перелез пригорок, насчитал внизу шиш-нели двенадцать дырок.

Ночная попытка взять Коноплянку не удалась. Хотя, впрочем, и не была она бесполезной: противник, узнавший о близости красных казаков, покинул село. Утром лава двух наших полков проскочила его без задержки.

На отдых дивизия остановилась верст через сорок. Кубанский полк стоял отдельно в каком-то большом селе. На окраине у ветряной мельницы выставили парный пост для наблюдения за дорогой.

И вот подъезжает к мельнице всадник. Посмотрел наверх, спрашивает, указывая рукой на селение:

— Наши там?

Батюшки, да всадник-то при погопах — заметили наконец наблюдатели. Что им оставалось отвечать?

— Да, да, там!..

Рысью взлетает беляк на сельскую улицу. Очень, видать, торопится, сгоряча не различает, что тут за солдаты. Обращается к группе казаков:

— Штаб дивизии здесь?

А наши, окружив его, говорят:

— Здесь, где же ему быть!

Добавляя соленые словечки, стащили его с лошади, отвели в штаб полка. Нежданная «птичка» оказалась связным офицером летучей почты белых. Ни сам он, ни те, кто его посылал, не ведали, что всю эту местность уже заняли червонные казаки, таким внезапным был наш бросок.

Хорошо запомнились мне бои за станцию Готня. Штаб дивизии больше недели находился в соседнем селе Ракитное. Станцию мы атаковали рано утром 28 ноября. По линии курсировал неприятельский бронепоезд. Наш ружейный обстрел был для него безопасен, но и он ничего не мог сделать против казаков, залегших за косогором. Натиск нашего правого фланга, угрожавший отрезать путь, заставил бронепоезд уйти на запад. Пехота белых еще сопротивлялась, но к полудню была выбита.

Наш взвод цепью стал приближаться к станции. Наблюдая за правым флангом, я заметил, что там неблагоприятно: наши отходили, вновь атакованные противником. Я предупредил об этом Федора Коржова, мы остановили своих людей и перевели их по засыпанной снегом выемке у железнодорожного полотна. Вдруг прямо на нас выскочила конная повозка с пулеметом. Ее огнем были ранены кубанец Козорез из моего отделения и один боец из другого взвода, оказавшиеся далеко справа. Белогвардейцы забрали их в сани и увезли.

К вечеру червонцы окончательно очистили Готню. Наш взвод остался здесь заставой, остальные подразделения были отведены в Ракитное.

Находясь на станции до следующего вечера, мы от рабочих-железнодорожников узнали о судьбе своих товарищей, попавших к белым. Их допрашивали, били. Козореза, сказавшего, что он из кубанских казаков, отправили в тыл, а другого бойца раздели на морозе и расстреляли.

Из села Ракитное Червоно-казацья дивизия выступила в поход на Харьков. В первых числах декабря остано-

вились в каком-то селении рядом с фарфоро-фаянсовой фабрикой. Оттуда наш взвод совершил разведывательную вылазку. Для меня это было последним боевым заданием. По возвращении я заболел тифом, даже не мог с лошади сам слезть, меня снимали.

Дальше произошло вот что. На третий или четвертый день кто-то из бойцов привез меня на санях к дачной платформе, втащил в вагон рабочего поезда, шедшего на Харьков, и уложил на лавочку. Поворачиваясь, я свалился на пол. Сопровождавший решил, что я умер, а поезд уже отправлялся, и он выскочил из вагона.

Вернувшись, этот боец доложил сотнику Андрею Зайцеву о моей смерти. Когда дивизия, уже в начале 1920 года, проходила по Барвенковскому уезду, трое червонцев из ближайших к моему Подолью деревень — Петр Дениц, Дмитрий Шевцов, Дмитрий Бурсаков — отпросились на побывку домой, зашли к моим родителям и рассказали, что я заболел и умер. Несколько позже то же самое сообщил письмом своей жене червонец Иван Мельников, наш сосед по деревне.

Так все меня похоронили. А я в то время лежал в госпитале на Пушкинской улице в Харькове. Болею тяжело и долго. Только в середине марта 1920 года меня выпустили. Поехал домой на отдых — и как же были удивлены родные, когда явился я, хоть и слабый, но живой!

Больше служить в червонном казачестве мне не пришлось. Но за его боевыми действиями я следил с гордостью и даже с завистью. И теперь радостно вспоминается далекая юность. Из прежних своих товарищей отыскал сорок с лишним лет спустя Федора Ивановича Коржова, приславшего мне письмо из города Красный Лиман, Донецкой области. Он был червонцем до конца гражданской войны, командовал взводом и немного времени сотней, в Великую Отечественную воевал партизаном.

У себя в Днепродзержинске я познакомился с двумя ветеранами, служившими в 8-й Червонно-казачьей дивизии. Это Владимир Васильевич Горук, который во 2-м полку был линейным телефонистом с января 1920 по 1924 год, и Вацлав Викторович Квятковский, бывший политработник 2-й бригады. Мы все трое пенсионеры, но продолжаем заниматься общественной работой. Нас сближает боевая дружба и усиленная пропаганда славной боевой истории червонного казачества.

СЛОВО О ДРУГЕ

С Гаврюшей Глушко мы служили рядовыми во второй сотне 1-го Червонно-казацкого полка. За давностью времени облик и даже фамилии других товарищей по сотне как-то выветрились из головы, а вот Гаврюшу хорошо себе представляю, будто расстались мы всего несколько месяцев назад. Этот черниговский парень, смелый и жизнерадостный, мой ровесник, был для меня самым близким, лучшим боевым другом. Вместе мы ухаживали за конями, рядом ели и спали, пели песни. Жили, как говорится, душа в душу.

Не раз получалось так, что нас вдвоем посылали на выполнение разных заданий. Вот, например, один случай, происшедший южнее Харькова.

По пути следования нашего полка находились два селения: одно большое, на расстоянии четырех-пяти километров от нас, другое, поменьше, правее и ближе. Со стороны большого села стреляла артиллерия, а справа, откуда-то из-за кургана, били пулеметы.

Командиром полка был тогда Василий Гаврилович Федоренко, бахмутский шахтер. Человек в военном отношении опытный, он решил сперва разведать силы противника, а потом уж атаковать. Полк отошел в ложбину, командиры с биноклями рассматривали, что там делается, в этих селах.

Мы, бойцы, ожидали, что скоро будет бой, потому проверяли седловку, обихаживали лошадей. Но день тот был холодный, сырой, быстро стемнело, и Федоренко отвел весь полк в село, которое до этого проехали.

Расположились на ночевку по десять — пятнадцать всадников в каждом дворе. Протерли, как всегда, жгутами

соломы потные места у коней, особенно под седлами. Когда кони остыли, задали им овса и сами, поужинав, легли отдыхать на принесенную в хату солому.

Мы с Гаврюшей улеглись рядышком, не снимая шашек, с винтовкой под боком. Тихо переговаривались.

Заснуть не успели, только разве чуть-чуть задремали, как наш взвод был поднят. Мы быстро очутились у коней, подтянули подпруги и улицей подъехали к штабу полка.

Заходил туда один командир взвода. О чем велся разговор, не ведаю. Но вскоре мы направились к околице, где взводный переговорил с начальником заставы, и мы проследовали дальше по дороге.

Уже в поле комвзвода объяснил, что наше задание — установить, имеются в ближнем селении белые или нет.

— Кто, двое, желает выехать вперед, в разъезд?

Глушко и я первыми откликнулись. Взводный нас вызвал из строя, посоветовал действовать осторожнее.

Ночь была такая темная, что дорогу еле-еле различишь. Двигались мы с Гаврюшей шагом, прислушивались ко всякому звуку. И кони настороженно поводили ушами. Примерно через полчаса показались огоньки и дорога пошла под уклон. Мы остановились. Было нетрудно догадаться, что в селе войсковая часть. Ведь если бы никого не было, то сами жители вряд ли зажгли бы огни.

Но предположениями мы не могли ограничиться. Держа — на всякий случай — наготове винтовки, стали спускаться. До крайних хат оставалось совсем недалеко. Гаврюша обратил внимание, что свет из окон отражается в воде. Значит, тут течет речка, а селение на том ее берегу. Мы шепотом стали советоваться, как быть. Ехать через мост рискованно, нарвешься на патруль.

М. Ю. Трельман

— Давай-ка, — предложил мой друг, — свернем влево, проедем ближе к речке.

Так и сделали. С дороги мы могли наблюдать лишь несколько огоньков, и ничего не было слышно, а с нового места сельская улица проглядывалась насквозь. Светились окна во многих домах, и это указывало, что на ночлеге тут значительное количество людей.

Продвинулись еще. Речка была уже совсем близко, когда с другого берега послышался окрик:

— Стой! Кто идет?

Глушко, помедлив секунду, ответил:

— Свои.

— Кто свои, какого полка?

— А вы какого? — спросил Глушко, надеясь таким манером выведать, что за часть находится в селе. Но хитрость не удалась, неприятельский патруль крикнул:

— Говори, а то будем стрелять!

Гаврюша шепнул:

— Давай удирать, — и мы, повернув коней, отъехали.

Из-за речки раздались винтовочные выстрелы, от моста начал стрелять вдоль дороги пулемет, но поскольку мы ехали в стороне и темень была непроглядная, то пули ни нас, ни коней не задели.

Через некоторое время лошади нащупали твердый грунт, пошли бодрее, и мы столкнулись со своим взводом. Рассказали командиру обо всем, что с нами произошло. И хотя подробностей нам с Гаврюшей не удалось узнать, главное было ясно: белые ночуют в селе.

Рано утром наш полк в боевом строю подошел к этому селению, готовый ринуться в атаку. Противник, однако, не подавал никаких признаков своего присутствия. И когда, после того как разведка установила, что село пустое, мы вошли туда, крестьяне подтвердили: ночью была стрельба, а перед рассветом белые отступили.

Воевали мы с Гаврюшей у Перекопа против войск «черного барона» Врангеля, провели вместе весь поход на польских панов. Мечтали: вот кончится война... Глушко до этого не дожил. В конце 1920 года при боевом столкновении с махновской бандой он был смертельно ранен пулей в голову и через несколько дней умер в госпитале. Но в моей памяти Гаврюша никогда не умрет.

КОМИССАРСКИЕ ЗАБОТЫ

Ко мне в Киеве на квартиру пришел однажды человек. Мы смотрели друг на друга, оба уже пожилые, поседевшие, и я не уверен, узнал ли он меня, но сам никак не мог догадаться, кто же это, хотя что-то знакомое проглядывало в его чертах. Лишь после того как гость представился: «Червоный казак Андрей Лесняк», в памяти замелькали давнишние события, стали возникать лица боевых товарищей — и среди них он, бравый кавалерист.

Мы не виделись сорок лет, и наша беседа за домашним столом больше касалась, понятно, той неповторимой поры, когда, молодые и сильные, бились мы с врагами Советской республики.

— А помните, товарищ комиссар... — говорил Андрей Мартынович, начиная вспоминать какой-нибудь случай, фронтовой эпизод.

Такое обращение было приятным. Не за себя лично, нет — за всю плеяду военно-политических комиссаров, которым трудная доля выпала в гражданскую войну, радовался я, видя и слыша, как уважительно бывший боец относится к своему бывшему военкому. Значит, не пропала даром комиссарская забота о красноармейцах, постоянное общение с ними в атаках и на привалах, если искреннее чувство так крепко запало в солдатское сердце. Не будь этого, разве стал бы человек, прочитав в книге знакомую фамилию, разыскивать другого и специально ехать из Харькова в Киев только ради этой короткой встречи...

А ведь установление контакта, который перерастает в настоящее боевое товарищество, давалось комиссарам ой как не просто! В красноармейской массе того времени

С. М. Иванина

разные бывали люди: одни с открытой душой, беззаветно преданные революции, другие просто исполнительные, без особого загляда в будущее, третьи, глубоко затаив кулацкую злобу, ждут-ожидают удобного момента для предательства. И нужно тебе, облеченному немалой властью и еще большей ответственностью, помочь боевой активности одних, пробудить классовую сознательность в других, вовремя угадать и обезвредить враждебность третьих. Нужно жить вместе с этими разными людьми, воевать рядом и, коль

придется, погибать на их глазах. Роль комиссара, его повседневные дела, складывавшиеся из множества не всегда заметных поступков, оценивались в конечном счете отношением к нему бойцов. Уважают — так в огонь и в воду пойдут по первому твоему слову. Не любят иль, хуже того, презирают — не жди дружного отклика на самый громкий клич.

Помню дни, когда я, назначенный политкомом артиллерийской батарее, разыскал ее в каком-то селении, кажется, Берестовец, на Черниговщине. Командира батареи я знал только по фамилии — Синявин. Найдя хату, где он расположился, застал там группу казаков-червонцев. Представился, как положено, комбату, который стал знакомить меня с присутствующими. Это оказались главным образом лица командного состава. Здравуюсь с одним, другим, а за спиной слышу шепот: «Комиссар паники». И вскоре подходит ко мне высокий, с закрученным чубом казак лет тридцати. Смотрит хитро и спрашивает:

— Вот ты комиссар, а Ленина знаешь?

Чувствую, неспроста задан вопрос, от моего ответа многое может зависеть. Говорю спокойно, ибо это правда:

— Да, видел Владимира Ильича...

Подобрили глаза казака (фамилия его Кравчук), и сказал он дружески, наставительно:

— О том и знай!..

Размышляя о своей новой работе, я слова эти понимал так: Ленина бойцы очень уважают, хотя больше знают о нем, о партии коммунистов, и первая моя задача состоит в разъяснении ленинских идей. А вторая — доказать, что шепоток про «комиссара паники» не имеет ко мне никакого касательства. Если и бывали кое-где случаи, породившие эту обидную кличку (в период отступления нашей армии под натиском Деникина слабые духом, верно, паниковали), то сам я при любых обстоятельствах обязан вести себя достойно. И мне, кстати, дня через два-три довелось попасть в переплет во время боя, который сроднил меня с червонцами не одним лишь фактом назначения на должность, но общностью нелегкого испытания.

Произошло это во второй половине августа 1919 года. Червоново-казацкой бригаде (она только-только была создана на базе разросшегося полка и вновь влитых отрядов) приказано заслонить шоссе на дорогу Киев — Чернигов, по которой красные войска отходили из украинской столицы. К шоссе прорывались пехотные и прежде всего конные денкинские части, среди них известный дикой жестокостью Кавказский полк.

Комбриг В. М. Примаков приказал 2-му полку П. Р. Потапенко и нашей батарее задержать белых у села Веркеевка, уже занятого ими. Мы подошли довольно близко к селению. Конные сотни взяли правее, а для орудий позицию выбрали с левой стороны. Там находился какой-то сарай. Не долго думая, я прихватил телефонный аппарат и полез на крышу. Оттуда хорошо просматривалось все пространство вокруг села.

Вот белая конница вышла из Веркеевки и бросилась в атаку на полк Потапенко. Наша батарея ударила по противнику шрапнелью. Мне с крыши видно в бинокль, где рвутся снаряды, и, поскольку у меня еще с империалистической войны были навыки артиллерийского разведчика-наблюдателя, я смог удачно корректировать стрельбу. Совместными действиями 2-го полка и батареи вылазка неприятеля была отбита.

Вечером белые, получив подкрепление, снова пошли в атаку. Я опять занял свой наблюдательный пост на кры-

Ф. Д. Спасский

те сарая. Дело на этот раз складывалось хуже. Потопенко с полком вынужден был отходить, и нашему комбату Синявину поступило распоряжение сняться с позиции. Не успел я слезть, как вражеские снаряды начали падать вблизи сарая. Один разорвался совсем рядом, и взрывной волной часть крыши, именно ту, где я стоял, сбросило вниз. После такого «полета» я очутился на земле с гудящей головой и без левого сапога. Батарея была уже на передках, искать сапог некогда, и я поскорее вскочил на лошадь.

В темноте подходили к селу Вересочь.

У деревянного мостика, миновать который нельзя (вокруг топкое болото), нас встретила свинцом белогвардейская засада.

— Что будем делать, комиссар? — спрашивает командир батареи.

Вижу выход только один, отвечаю:

— Давай в атаку, товарищ Синявин!

Выхватил он саблю, крикнул:

— За мной! — и помчался к мосту.

Примеру храброго командира последовали все бойцы. Вражеская разведка была смята и уничтожена, а мы обогатились двумя пулеметами.

Когда пришли в село, служившее нам базой (кажется, это Дроздовка), я, крепко уставший, сразу заснул на охапке сена, принесенного коноводом. Проснулся от гомерического хохота. Около меня сидела кучка казаков, в том числе тот самый Кравчук, что спрашивал про Ленина. Сперва никак не мог понять: в чем дело, по какому поводу веселье? Смотрю, рядом со мной кувшин молока, полбуханки хлеба, новые сапоги, а на левой ноге... лапоть. Вот проказники! Рассмеялся я вместе с парнями, и веселые те минуты, следовавшие за нелегким вечерним боем, ду-

маю, надо считать за начало искреннего доверия, которое постепенно установилось между военкомом и личным составом батареи.

Комиссарского опыта у меня за плечами не было, приходилось приобретать самому. Хорошо помогал своими советами военкомбриг Е. И. Петровский. Он прошел суровую школу большевистского подполья во время немецкой оккупации, но в Красной Армии сам еще был новичком. Поэтому можно сказать, что формы и методы политического воспитания бойцов отыскивались всеми нами коллективно в практической работе. Я пользовался каждым свободным часом, чтобы рассказать казакам о Владимире Ильиче Ленине, о целях Октябрьской революции. Старался приводить примеры, наиболее близкие червонцам, говорил им о комбриге Примакове, начальнике штаба Туровском, командире полка Потапенко и о других товарищах, которые вступили в партию в тяжелых условиях самодержавия, испытали царскую тюрьму и ссылку и теперь вместе с нами борются за светлое будущее.

В червонном казачестве существовала своя специфика политработы. Здесь были русские и украинцы, белорусы, евреи и латыши, немало людей из других стран — немцы, поляки, венгры, румыны, китайцы. Это позволяло наглядным образом пропагандировать ленинскую идею дружбы и равенства народов, общую для всех трудящихся борьбу против эксплуататоров.

Служили у нас преимущественно добровольцы, сознательно сражавшиеся за Советскую власть. Но в ходе военных действий присоединялись к червонцам отдельные группы и целые отряды, в которых попадались случайные, анархистствующие типы. И за ними нужен был глаз да глаз. Потому на укрепление дисциплины обращалось большое внимание.

Мне рассказывали о неприятном инциденте, имевшем место в мае 1919 года. Червонный полк, направлявшийся из Киева двумя эшелонами на юг, стал прибывать на станцию Лубны. Местное начальство, «не выбрав броду», подхватило провокационный слух, будто червонцы поддерживают эсеровского атамана Григорьева, поднявшего мятеж против Советов. На сем основании первый эшелон задержали, а второй не хотели принимать. К тому же с прибывшими червонцами некоторые лубненские чекисты держали себя вызывающе. Это подлило масла в огонь, и де-

сятка три казаков, подстрекаемых анархистски настроенными бунтарями, побежали в город, разыскивали здание ЧК и разворошили его, забрав все оружие. Недопустимая выходка не осталась, конечно, без последствий. По приказанию С. А. Туровского (он замещал выехавшего в Москву В. М. Примакова) организаторы беспчинства были сурово наказаны. На митингах, проведенных политработниками во всех сотнях и батареях, бойцы заклеили позором участников грабежа и выгнали их из своих рядов. Очищение от скверны оздоровило Червонный полк.

Однако в силу тогдашних обстоятельств подобные элементы волей-неволей все-таки продолжали появляться у нас. Среди отступавших войск встречалось немало разных «чертовых сотен», «железных батальонов», которые, потеряв связь с высшим командованием, не очень-то стремились ее восстановить. Самостоятельные действия им казались выгоднее. Но червонцы не давали им воли, обезоруживали и присоединяли к себе.

Вот, к примеру, случай, происшедший в Полтаве тем летом. По улицам картинно прогуливались три типа. Один — в белом полицейском кителе, перекрещенном двумя пулеметными лентами, за поясом одетых навыпуск брюк-галифе граната, из кармана высовывается бутылка, на голове черный цилиндр. Другой — во фраке, высоких сапогах, вооружен столь же «страшно». Третий вырядиться не успел, обут в простые деревенские лапти, на голове соломенная папама. Все трое навеселе.

Встретив их, группа красных казаков затеяла разговор:

- Какой части, братишки?
- Железного батальона...
- Далеко ли идете?
- В исполком, жалованье требовать.
- А давно не получали?
- Да вот уж год...

Посочувствовав им, наши бойцы как бы между прочим стали объяснять, что и в здешнем исполкоме ничего они не получают — откуда здесь деньги? — что лучше всего пойти в эшелон червонных казаков, там казна богатая, расплатятся. Обрадованные «братишки» вслед за нашими поспешили на станцию. А там... Там с «ряженными» поступили строгим образом: оружие отобрали, маскарадные костюмы заставили снять и в простой, обычной одежде

отправили для начала работать на кухню. Потом из этой троицы воспитали, хоть и не сразу, неплохих солдат.

И еще один пример. Это уже при мне было, в сентябре 1919 года, перед переброской Червонно-казахьей бригады с черниговского участка на орловский. В числе новых пополнений оказалась кавбригада Гребенко. Она могла здорово укрепить оборону Чернигова, если бы не была чересчур распущенной. Червонцам уже приходилось иметь дело с кавалерией Гребенко: весной (тогда он командовал полком) вместе совершали рейд на Старокопстантинов, по петлюровским тылам. И прежде эта часть не особенно отличалась дисциплиной, боевой выучкой, опаздывала к началу боя. А теперь ее бойцы и вовсе потеряли боеспособность, занимались грабежом и пьянками. Такое безобразие нельзя было терпеть, и по приказу Совета обороны Украины червонные казаки разоружили всю кавбригаду. Лишь тех, кто подавал надежду на исправление, оставили в рядах нашей бригады, большинство же направили в пехоту, а самых злостных нарушителей — в ревтрибунал.

Таким образом, и в жестоких боях с белогвардейцами, и в наведении порядка у себя в тылу червонцы показывали воинскую доблесть, высокую дисциплину, за что считали их одной из самых крепких частей Красной Армии. И в этом, смею сказать, немалая заслуга военно-политических комиссаров, всех политработников бригады Примакова.

Не буду подробно останавливаться на дальнейших событиях той осени. Отмечу лишь, что преобразование бригады в дивизию (это произошло под Орлом в конце октября) еще более повысило роль политической работы. От военкомов, руководителей партийных ячеек требовалась большая гибкость, большее напряжение. Ведь новая Червонно-казахья дивизия, в которую вместе с двумя старыми полками вошли Латышский и Кубанский, действовала чаще всего в тылу передовых деникинских частей. Для лучшей маскировки червонцы выдавали себя за конницу Шкуро, были при погонах, командиров величали «благородиями». Но эта внешняя форма должна была резко отличаться от внутреннего содержания, от мышления. И нужно было терпеливо объяснять, для чего этот маскарад, как вести себя в занимаемых селениях. На привалах и ночевках военкомы старались разместить зеленую молодежь вместе

с испытанными бойцами, которые при случае могли бы научить ее уму-разуму. Следовало зорко следить и за другим: не вылез бы наружу примолкший вражеский лазутчик (и это не исключалось!), не повел бы разлагающую агитацию. Бывали и курьезы — приходилось комиссару за застенчивых ребят просить хозяйку постирать им белье. Всякое бывало...

После орловской победы, когда Червонно-казацья дивизия, окрыленная боевым успехом, двигалась на юг по пятам отступавших деникинцев, меня с артиллерийской батареей перевели в 1-й полк. С комбатом Синявиним мы хорошо сработались, даже подружились, не хотелось расставаться с ним. Артиллерист он был превосходный, человек общительный. Очень жаль, что после гражданской войны не представилось случая повидать его, а он, оказывается, был жив-здоров и скончался, не столь уж старым, в 1952 году.

Командира 1-го полка Федора Спасского, с которым мне предстояло работать, я уже знал неплохо. Раньше, с весны 1919 года, он был в этом полку комиссаром, летом стал помощником командира П. П. Григорьева и осенью заменил его, когда последнего назначили комбригом 1. (Это не единственный в червонном казачестве случай, когда политработник, овладевший боевым искусством, становился командиром. Можно еще сослаться на пример Игнатия Карпезо, Ильи Дубинского и других.)

Но сам прошедший комиссарскую школу Федор Спасский чего-то в ней все-таки не усвоил. В частности, он не смог найти общего языка, не поладил с военкомом Иваном Шуевым. Кто из них был прав, кто виноват, за давностью судить не берусь. Вероятно, и Шуеву не хватало партийного и жизненного опыта, хотя личной отваги ему не занимать. Это видно хотя бы из такого примера.

5 июля 1920 года близ станции Черный Остров Иван Шуев с двумя конными взводами натолкнулся в тылу противника на вражескую часть в пятьсот сабель при пулеметах. Разница сил не смутила Шуева. Увлекая за собой казаков, с криком «ура» он первым бросился в атаку. Неприятель, потерявший до семидесяти человек зарубленными, был рассеян.

Что же касается Ф. Д. Спасского, командира храброго и умелого, то характер у него был весьма своеобразный, я водился за ним грешок — любил выпить. Этим воспользо-

вался некто Чижев, бывший офицер, пробравшийся к нему в адъютанты и старавшийся подсунуть ему бутылочку. Чижева разоблачили и судили. И Спасский, надо полагать, извлек урок из случившегося.

Обо всем этом меня поставил в известность комиссар дивизии Е. И. Петровский перед моим назначением. Евгений Иванович предупредил, что военком и командир вместе отвечают за боеспособность и дисциплину части, а потому между ними должна быть спайка, работать надо слаженно и дружно.

При встрече в штабе полка Ф. Д. Спасский многозначительно посмотрел на меня:

— Значит, вы назначены ко мне комиссаром?

На этот несколько странный вопрос я ответил без уверток:

— Не к вам лично, а в полк.

Федор Дмитриевич сразу понял, что малость оплошал, и у нас с первого дня установились правильные, хорошие отношения, перешедшие потом в дружбу.

1-й полк, костяк червоного казачества, состоял в основном из тех, кто начал воевать с Примаковым зимой и летом 1918 года, не раз отличался в жестоких боях, крепко любил своего командира Спасского. Ко мне люди отнеслись поначалу настороженно: как-то, мол, поведет себя новый комиссар? Через несколько дней я принял участие в атаке на станцию Большой Токмак. Было уничтожено много денкинцев и захвачено два эшелона. Некоторое военное имущество решили раздать тем, у кого обмундирование сильно истрепалось и не доставало оружия. Казакам понравилась справедливость военкома, и они признали меня своим. В следующий раз, при взятии станции Алексеевка, где была разбита часть белогвардейской Дикой дивизии, сами бойцы преподнесли мне подарки: бурку, черкесское седло и часы (эти вещи сейчас находятся в Киевском историческом музее). Хотя и не очень долго пришлось пробыть мне в 1-м полку, но я сохранил лучшие воспоминания об этом времени.

Затем меня назначили комиссаром в 3-ю бригаду Петра Сметанникова. Я считал это не просто повышением в должности, а серьезным доверием, которое нужно еще оправдать. Раньше эта бригада действовала самостоятельно (11-я Отдельная), в нашу дивизию влилась в последних числах декабря 1919 года в районе села Алек-

сандровка, и необходимо было, значит, быстрее приобщить ее к боевым правилам и традициям червонцев. Не мне судить, насколько успешной была моя работа, да и продолжалась она всего-то месяца три. Но и в первом же бою за станцию Гришино, где было захвачено несколько эшелонов и пленен запасный дивизион синих кирасир, и в походе до Бердянска (занят 8 января), и в дальнейших боях под Перекопом 3-я бригада, мне кажется, действовала неплохо, вполне заслужила звание Червонной. С большим уважением вспоминаю комбрига Сметанникова, командиров полков: 5-го — Гончаренко и 6-го — Новикова. И тот и другой погибли в боях: Илья Гончаренко — 16 апреля 1920 года у села Адамань, Степан Новиков — на польском фронте, под Старой Синявой, в июне. Наш комбриг Петр Сметанников, офицер старой армии, честно и умело служивший молодой Советской власти, пробыл в Червонной дивизии до августа, участвовал во многих боях с белополяками. Дальнейшая судьба этого человека мне, к сожалению, неизвестна.

Апрельские бои под Перекопом мне очень памятни. За три дня, с 14-го по 16-е, пришлось испытать такое, чего в иных условиях и за год не переживешь. Чтобы быть точным, приведу выдержки из приказа Реввоенсовета Республики № 598 от 20 декабря 1920 года, согласно которому я был награжден орденом Красного Знамени.

В этом приказе сказано, что 14 апреля 1920 года под хутором Преображенка 5-й полк атаковал наступавшую пехоту противника. Было зарублено около шестидесяти солдат, захвачено три орудия. Подоспевшая на выручку своей пехоте белая кавалерия вынудила 5-й полк червонцев отойти.

«Иванина, бывший артиллерист, не имея возможности вывезти захваченные орудия, снял с них замки, прицелы, панорамы и стал отходить. Был окружен двумя обогнавшими его офицерами и двумя заседавшими сзади. Иванина, не растерявшись, зарубил одного перерезавшего ему дорогу, другого ранил в руку и выбил у него шашку, ранил наскочившего сбоку, после чего присоединился к полку».

Затем там говорится про мой последний день службы в червонном казачестве:

«В бою 16 апреля Иванина вместе с комполка 5-м бросился в атаку на наступавший к селу Адамань

десант противника. Тяжело раненный в грудь осколком снаряда, остался лежать на поле сражения. Подоспевших казаков он просил не трогать его до конца боя, чтобы видеть результат. Только когда начавшие отходить цепи 5-го полка вплотную подошли к нему, Иванина разрешил поднять его и увезти...»

Помню, сильные руки двух казаков подхватили меня, истекавшего кровью, с земли, уложили на тачанку. Одним из них был мой киевский гость А. М. Лесняк.

Беседуя со старым казаком, я попросил его рассказать о себе, а теперь хочу вкратце сообщить эти сведения всем, чтобы люди знали и помнили достойного человека. Андрей Мартынович родился в городе Купянск. Рабочая семья жила в бедности, и особенно стало туго, когда умерла мать. Девятилетний Андрюша (в 1908 году) должен был сам зарабатывать кусок хлеба и заботиться о младших брате и сестре. Пастушонок, конюх, ездовой — вот первые его профессии. Это очень пригодилось ему потом в красной коннице. Перед революцией Андрей жил и работал в Петрограде, был свидетелем и участником бурных событий, приведших к свержению самодержавия. Летом 1917 года он вернулся в родные места, стал слесарем паровозных мастерских станции Изюм. После питерской школы это был уже активный борец за новую жизнь. В ноябре он становится пулеметчиком на бронепоезде, сформированном изюмскими железнодорожниками. В мае 1918 года судьба свела его с конным отрядом «Молния», и старая любовь к коням определила его боевое призвание. Кавалерист! Всю гражданскую войну, до 1921 года, воевал Лесняк на коне, сперва в Отдельном эскадроне 1-й Украинской дивизии, затем в Алатырском кавполку и, наконец, в червонном казачестве...

Боевой дух, смелость и решительность, проявленные в сражениях, сопутствовали ему всю жизнь.

И на трудовом фронте Андрей Лесняк оставался бойцом. Вернувшись в Изюм, в паровозные мастерские, он деятельно участвовал в восстановлении железнодорожного транспорта, не раз спасал народное добро от бесчинствовавших тогда кулацких банд. Поселившись потом в Харькове, стал работать шофером и автомехаником в различных учреждениях. Окончил вечернее отделение техникума. Возглавлял автохозяйство строительного управления Главмедсбыта.

К началу Великой Отечественной войны Андрей Мартынович был уже в возрасте. Давали знать о себе старые раны и контузии. Тем не менее бывший червонец снова служил Родине в боевом строю, участвовал в освобождении Праги, Берлина, снова был ранен и контужен.

И в послевоенные годы А. М. Лесняк не давал себе покоя. До пенсионного возраста он трудился на автотранспорте. Деятельно занимался общественной работой, вместе с другими ветеранами-червонцами восстанавливал полузабытые факты из истории украинского казачества, вел переписку с однопольчанами, помогал юным следопытам. Эта работа воодушевляла его, озаряла радостью и делала содержательными последние годы старого казака. Скончался он в 1964 году¹.

С поля боя в апреле 1920 года тачанка привезла меня в госпиталь, где я полтора месяца провалялся на соломе в полусознании. Для присмотра за мной Примаков прислал Митрофана Рыбака. Самых лестных слов заслуживает этот казак. До вступления в червонцы он был первым председателем Берлозовского сельсовета (в Козелецком уезде). Умел привлечь людей — где непревзойденной пляской, где умной неторопливой беседой, и ни в одном селе, освобожденном от белых, не обходились без него собрания крестьян. В госпитале он стал самым заботливым «дядькой» — кормил, поил меня, даже спал рядом, чтобы всегда прийти на помощь. Когда я чуть-чуть начал ходить, он стал выводить меня в госпитальный сад, выбирал удобное местечко, укладывал на романовскую шубу или козых... Не знаю, выжил ли бы я тогда, если бы не он.

Счастлив и теперь сказать сердечное спасибо Митрофану Семеновичу Рыбаку, который долгие годы очень много трудился в колхозе, а ныне живет в родном селе Берлозы на заслуженной пенсии.

Андрей Лесняк и Митрофан Рыбак, конечно, не исключение. Все, кто в годы гражданской войны были связаны с червонным казачеством, гордятся своей принадлежностью к славному воинскому братству. В рядах червонцев получили мы революционную закалку на всю жизнь.

¹ Уточнить биографию А. М. Лесняка помогла его дочь В. А. Лесняк.

У КРЫМСКИХ ВОРОТ

Наша первая школа

В середине февраля 1920 года, в разгар борьбы Червоно-казачьей дивизии на подступах к Крыму, я пробыл несколько дней в 3-м полку в городе Армянский Базар и случайно остановился на квартире у местного учителя гимназии. Учитель, седой старик, к крайнему моему удивлению, встретил меня любезно и радушно. О червонных казаках он отзывался не иначе как с восторгом. Когда я спросил, как сложилось у него такое мнение, он рассказал случай, который произошел с ним за несколько дней до моего приезда.

— Я старик, многое на свете видал, но то, что пережил несколько дней назад, до смерти не забуду.

Еще накануне ваш военком полка Рекстин¹ предупредил меня, что предполагается открыть в Армянске казачью школу для неграмотных. Признаться, мне не верилось, что школу эту на позициях с усталыми казаками откроют. Очередной красивый жест, думалось мне. На утро я уже окончательно решил, что открытие школы не произойдет. С рассветом началась жаркая стрельба. Видел я, как на рысях пролетели всадники.

Решил я поэтому вечером поскорее ложиться спать. Вдруг стук. Входит казак и очень вежливо просит зайти в школу, где меня якобы ждут. «Какая школа, неужели сегодня будут заниматься?» «Ждут уже», — говорит.

Прихожу. Большая керосиновая лампа ярко освещает класс. На скамейках сидят казаки, в руках винтовки, и кажется мне, что они еще не остыли от выстрелов. Тишина прямо-таки жуткая. Товарищ Рекстин обращается ко

¹ Путиловский рабочий, большевик с 1903 года. — *Прим. ред.*

мне: «Товарищ учитель, открытие уже произошло, приступим к первому уроку».

Признаюсь, мне стало страшно. Эти непривычные дула винтовок у парт, эти суровые загорелые лица взрослых людей, еще разгоряченных боем...

Начинаю речь и чувствую, как десятки глаз с напряженной пытливостью вглядываются в меня. Слова будто поглощаются этими задумчивыми сосредоточенными людьми. Я считаю хорошим учителем, но такого хорошего урока, вероятно, никогда еще не давал.

Меня подчинила себе эта напряженная, суровая масса, властно требующая знаний. Мою мысль подстегивали остывающие дула винтовок. И на этом уроке я понял великий смысл того дела, за которое вы боретесь. Я понял, что будущее принадлежит тем, кто может вот так сразу же после напряженного боя жадно слушать первый урок грамоты.

...Седой учитель задумался. Я почувствовал, что говорил он искренне. Такого урока в самом деле не забыть.

Юшунь

Шли бои на подступах к Крыму. наших сил хватало на то, чтобы сбить противника с первых позиций, захватить Юшунь и Воронцовский мост, овладеть межозерной укрепленной полосой. Но сломить дальнейшее сопротивление более чем вдвое превосходившего нас противника мы не могли. Было ясно: дальнейшие усилия бесполезны, нужно отходить назад. И чем скорее, тем лучше. Необходимо быстро вывести части из боя и дать им отдых — ведь предстоят новые бои.

Нашей 1-й бригаде на выносливых и выносливых конях сделать это было легко. Но рядом с нами по голой перекопской степи отходили горсточка усталых, изможденных пехотинцев. Выйти нам из боя — значит обречь на гибель этих красных бойцов.

Рассыпались лавы, начался медленный отход. Дорогой ценой доставался противнику каждый шаг. Но дорожке платили мы за честь спасения пехотинцев. Одного за другим вырывали казаков шрапнель и пуля. Вырывали не в атаке, не во время лихого порыва, а в медленном, тяжелом движении назад. Это был снова дерзкий вызов смерти.

Казаки показывали, как надо спокойно умирать. Чуть не треть бригады вышла из строя во время отхода. Погибло больше червонцев, чем пехотинцев, ради спасения которых они клали свою жизнь. И нескладные рассказы об отходе от Юшуня в устах красноармейцев звучали как лучшие песни о героизме класса, представители которого не сдают в плен врагу своих товарищей.

Через две недели мы были вдвое сильнее, и в двери штабов продолжали стучаться добровольцы со своими конями, прибывшие пополнить наши ряды.

Симферопольцы

Поздней ночью в хутор Преображенка к штабу 6-го полка на полном карьере прискакал казак с заставы. Быстро вбежал в дом. Докладывает командиру полка Степану Новикову:

— Товарищ командир, от Перекопа наступают денкинцы... Кавалерия, пехота и, кажись, артиллерия — слышно, как тарахтят колеса...

— Адъютант, собрать полк по тревоге! — командует Новиков.

Через несколько минут полк в сборе. Но не успел командир выйти из штаба, как к нему подлетела группа всадников. Двое из них были в денкинской форме, при погонах. Их сопровождали наши казаки. Запыхавшись, волнуясь, денкинцы буквально взмолились:

— Мы солдаты Симферопольского полка. Переходим на вашу сторону. Из Перекопа в погоню кинулась конная бригада Морозова и уже догоняет нас. Если хотите спасти — помогите, иначе полк будет изрублен.

— Сколько вас?

— Четыреста.

— Все вооружены?

— Да, с нами еще пулеметная команда.

— Проходите в тыл...

6-й червонный полк выдвинулся в сторону Перекопа. На дороге показалась голова пехотной колонны денкинцев.

С какой целью они идут? Не обман ли это, не ударят ли с тыла? Может быть, лучше броситься и перебить всех? Но если те двое гонцов сказали правду, какую злую

шутку сыграем мы с Симферопольским полком, поставив его между двух огней!

Времени для размышлений нет. Нет возможности даже разоружить белых. Вперед, к Перекопу!

Несколько резких выстрелов разорвало воздух где-то далеко впереди. Сразу стало легче — бьют по отставшим перебежчикам. Значит, не соврали симферопольцы.

По нашим рядам прокатилось «ура».

С удвоенной энергией бросились казаки навстречу наступающей коннице Морозова. Бой был коротким. Морозовцы дрались вяло — все равно добыча ушла.

Через несколько дней я встретил Степана Николаевича Новикова. На голове у него серебрилось несколько волосков.

— Знаете, — говорил он, — никогда не трусил в боях, но в те минуты, когда пропускал в тыл вооруженных деникинцев, не зная еще обстановки, было жутко. Ведь я мог повести на гибель весь свой полк. До сих пор не понимаю, как я мог тогда в одну минуту решиться на такое рискованное дело!

Что же заставило красного командира поверить в честность своих недавних врагов? «Легкомыслие» — скажут некоторые. «Верный классовый инстинкт» — ответят те, кто участвовал в гражданской войне.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

По уточненным данным, в ночь на 16 марта 1920 года на сторону червонцев перешли солдаты и несколько офицеров не только 134-го Симферопольского, но и 133-го Феодосийского полка, а также артиллерийской батареи. Вскоре шестнадцать перебежчиков из указанных частей составили и подписали «Письмо братьям мобилизованным и офицерам, томящимся в неволе у деникиных и слащевых». Оно было отпечатано в виде листовки поллитотделом 8-й Червоно-казацкой дивизии и разбросано с аэропланов над белогвардейскими позициями у Перекопа. В письме говорилось:

«Братья! Товарищи! Вам, вероятно, известно, что мы, мобилизованные Феодосийского и Симферопольского полков, организовавшиеся с артиллеристами 1-й школьной батареи, в ночь на 16 марта с оружием и 17 пулеметами ушли с перекопских позиций к товарищам красным.

Нас все время уговаривали, что красные раздевают перебежчиков, а над пленными даже издеваются. Это ложь генералов, которой они хотят запугать нас и удержать около себя.

Сообщаем вам, что товарищи красные встретили нас с ра-

достью и приветствием, наперебой друг перед другом несли нам хлеб и пищу, до сих пор никто не снял с нас ни одной нитки. И так поступают они со всеми, которые переходят к ним или сдаются.

Братья белые, следуйте нашему примеру — организовывайтесь партиями и переходите на сторону красных.

Знайте, что Советская Россия не только не мстит нам, но встречает теплым словом и сейчас же распускает по домам. Знайте, что борьба против советских войск бесполезна и только несет лишнюю кровь, лишние слезы наших семей. Это видят и сами генералы депикины и слащевы, они хорошо понимают, что дни их сочтены, но они посылают вас на бойню, ибо они никогда не дорожили жизнями солдат.

Знайте, что Красная Армия имеет сейчас такую силу, что могла бы раздавить весь Крым, но она жалеет лишнюю кровь, и свою и вашу. Она ждет, что вы сами одумаетесь и придете, как мы пришли.

К вам, братья офицеры, мы также обращаемся с призывом и сообщаем, что офицеров-перебежчиков Красная Армия встречает с распростертыми объятиями. Офицеров не только не обижают и не оскорбляют, но приветом и лаской платят за прежнюю обиду.

Знайте, братья, что революция, как стихия, одолела всех своих врагов. И нет теперь той силы, которая могла бы остановить революцию, но знайте, что революция так же великодушна, как сильна и светла.

Еще раз повторяем вам, товарищи солдаты и офицеры: кончайте войну, переходите вслед за нами.

Революция в своем неизбывном великодушии прощает нам нашу невольную борьбу против нее. Революция зовет нас как братьев в свои светлые ряды для мирного труда.

Казак и «танька»

Это было под Перекопом в апреле 1920 года.

Южная весна разостлала в степи ковер алых маков. Теплый морской ветер и жаркое солнце ласкали молодую траву. Степные солончаки оделись зеленью, и курганы стали похожи на большие лохматые шапки, потерянные стародавними богатырями.

Армия генерала Врангеля спряталась в Крыму. Стутится в двери Крыма — Перекоп — Красная Армия. Но не открывает барон, упорно защищает ходы в свое осинное гнездо.

14 апреля. Солнечный весенний день. Войска Врангеля сделали вылазку — вышли из-за вала в степь и ударили на хутор Преображенка два полка пехоты, девять конных полков, два танка и аэропланы.

Наша пехота отошла за конницу и устроилась на высотах к северу от солончака Кур-Азис. Перед врагом осталась Червоно-казацья дивизия. Жмутся казаки — страшновато: никогда не видели «таньку», а тут вот тебе — целых две ползут и из орудий стреляют, за ними пехота и конница идут. Выстроилась дивизия в степной балке, батареи встали на позицию, впереди заставы стреляют и отходят к хутору.

Вражеские танки и пехота уже подходят к Преображенке. А хутор большой, каменный, с господским дворцом, со службами и парком. Займет его пехота — трудно будет выбить.

Вызывает начдив охотников «таньку» пощупать, посмотреть, из чего она сделана, из себя какая. Выезжают охотники, скачут в Преображенку. Двести казаков набралось, и Потапенко, «батько» 2-го полка, поехал с ними. Засели охотники за каменными сараями, за дворцом и в парке, а танк уже по улицам начал ползать.

Приложился Потапенко, ударил из карабина, и как по команде затрещали винтовки: пробуют охотники броню чудовища, щупают «таньку». Одни по танку бьют, другие по пехоте — задержалась пехота на кладбище, залегла, стреляет из винтовок. А танк все ползает по хутору, из пулеметов поливает и на стенки наваливается — ломает.

За углом каменного сарая бегают пулеметчик, а с ним подручный, казак Калиниченко. Бьет пулеметчик из «льюиса» по танку, целый диск выпустил почти в упор — не берет. Пропустил танк, сзади ударил — не берет. Осерчал парень на свой пулемет, ругается на чем свет стоит, а танк, словно нарочно, возле самой стенки проходит. Вспомнил Калиниченко, что танк ближе десяти шагов не поражает, вышел из-за стенки, идет рядом с танком, по стенке гранатой стучит, кричит:

— Открой, я тебе брошу!

Благоразумная английская прислуга не открывает.

Притихли казаки, из-за стенок высматривают: по-настоящему Калиниченко «таньку» щупает, будет дело. А Калиниченко задор берет — полез парень на танк, хочет верхом сесть. Совсем было взобрался, да уронил гранату, разорвалась она у его ног и ранила его. Упал наземь, всякими словами «таньку» честит.

Отошел танк. Подбежали казаки, подобрали и увезли

Калиниченко. Вовсю работает казачий «вестник»: все полки знают, как щупал Калиниченко «таньку», и все казаки решили, что не страшен танк — вроде быка безрогого, только заборы ломает.

Вышли танки из хутора, ползут на дивизию. Вылетела вперед гибкая лава, трещит винтовками, вьется возле танка. Заработали казачьи батареи, удачный снаряд подшиб танк — пополз он назад, выпускает черную полосу масла. Подъехал казак к полосе, плюнул:

— Тыфу, чего наделала — землю только гадит.

А батарея Лозовского вылетела вперед, бьет по уходящему танку. Первый полк под командой лихого Никулина уже рубит пехоту. Конница противника изготовилась к атаке, но и наши готовы. Аэропланы бомбят наши полки. Что же, ближе к противнику — перестанут бомбить.

Дивизия ударила в шашки. Долго длилась рубка, сходились и расходились полки, звенели сигнальные трубы, гудела земля от кованых копыт. Далеко вокруг слышен был крик атакующих.

Вот и последняя атака — 1-й полк и с ним резерв начдива врубились в центр противника, в полки синих и желтых кирасир, сабли сверкают в клубах пыли, брызгаются пеной разинутые пасти лошадей, огнем горит красное знамя. Покраснели шашки от крови — дрогнул враг, побежал за вал.

А все Калиниченко виноват — показал казакам, какая цена «таньке», осрамил ее перед дивизией.

ИДЕМ НА ЗАПАД

Врядях червонцев я оказался не по своей воле. Случилось это под Перекопом в апреле 1920 года, когда 13-я Отдельная кавбригада, в которой я служил, приказом командования Южного фронта была включена в 8-ю дивизию червонного казачества и названа ее 3-й бригадой. С тех пор украинские конники стали мне самыми близкими товарищами, и нет для меня ничего на свете дороже этого боевого братства.

Поскольку не я один, а целая войсковая часть встала под славное червонное знамя, не лишним будет хотя бы кратко изложить «биографию» 13-й Отдельной. Основой ее послужили части, сформировавшиеся в районе станции Ртищево. Я прибыл туда осенью 1918 года с группой молодых краскомов, окончивших Петроградские кавалерийские курсы. Двадцати трем из нас дали направление в Алатырский кавполк, причем большинству — командирами взводов, и лишь немногим, кто годами постарше и на вид посолиднее, доверили эскадроны. Одновременно появились в полку выпускники Тверских курсов. Молодые красные командиры заменили почти весь прежний состав, который, по мнению вышестоящего командования, потакал партизанщине. Командиром Алатырского полка назначили Розенталя, бывшего подпрапорщика, выполнявшего до этого обязанности бригадного начальника связи. Комиссаром стал Ершов (откуда он родом, кто по старой профессии — не ведаю).

Формирование продолжалось более двух месяцев. Полки и эскадроны были полностью укомплектованы личным составом, лошадьми, оружием и снаряжением. Комбриг Мириманов, военком Озолин, штаб уделяли серьез-

ное внимание революционной дисциплине, строевой и тактической подготовке. Строго спрашивали с командиров всех рангов, не делая скидок на молодость. Так, двух моих сокурсников, назначенных на эскадроны и не сумевших поставить дело как следует, комбриг вынужден был перевести в отделенные.

Трудности на нашем командирском пути встречались немалые. Помню своего предшественника Ивана Селезнева. В прошлом унтер-офицер, он считал себя знатоком кавалерийской службы, болезненно воспринял смещение с должности заводного на отделение. По всему замечалось: надеясь на мой провал, он вначале держал курс на свое возвращение к прежней должности. Но, загруженные ежедневными занятиями, мы вскоре нашли общий язык, и Селезнев стал мне хорошим помощником.

Когда намеченная программа обучения исчерпалась, представитель штаба 9-й армии произвел смотр и нашел, что бригада подготовлена к боевым действиям.

Ранней весной 1919 года Алатырский полк выступил из села Галицыно, что в нескольких верстах от станции Ртищево, и двинулся южнее, к линии фронта. На втором переходе донеслись до нас раскаты орудийных выстрелов, стали видны вспышки рвущихся в воздухе снарядов. По данным разведки, перед нами находились Гундоровский и Богучарский белоказацкие полки.

Схватка произошла близ села Щетово. Сблизившись, обе стороны приняли боевой порядок и помчались навстречу друг другу. Зрелище было не то чтобы очень страшное, но не такое и романтическое, как думалось раньше. Помнятся бородачи в черных бурках и меховых шапках, несшиеся к нам, размахивая обнаженными клин-

Н. А. Логинов

ками. Мы тоже мчались на полном карьере до тех пор, пока не проскочили сквозь лавину белых. Силы были почти равные, пленных не брали, на поле лежали убитые и раненые. Белогвардейский полк сгруппировался невдалеке и, вытянувшись в колонну, пошел по дороге в обратном направлении. Преследовать его алатырцы из-за усталости не могли, к тому же наступили сумерки, и мы отошли назад, в ближайшем селе расположились на ночлег. Все же боевое крещение оставило заметный след: взвод стал увереннее в своих силах, красноармейцы и тот же Иван Селезнев совсем по-иному смотрели теперь на своего молодого командира.

Полк продвигался все дальше на юг, вошел в Донбасс. Шахты и рудники здесь бездействовали, рабочие семьи жили впроголодь. В крестьянских селениях бедняцкая часть встречала нас радушно, но снабдить продовольствием и фуражом не могла, потому как сама еле перебивалась. Наши люди и лошади часто оставались некормлеными. После многих боев, проведенных подряд без отдыха, Алатырский полк под напором превосходящих сил противника отступал. Связь с соседними частями прервалась. И вот на пути к Картушино, Первоваповка произошла катастрофа.

Поздно вечером эскадроны, вытянувшиеся в длинную колонну, приближались к какому-то селу. Намереваясь пройти его под покровом темноты, взяли ускоренный аллюр. У самой околицы головной разъезд нарвался на вражескую засаду, был обстрелян и отхлынул, внеся замешательство в передние ряды колонны. А стрельба усиливалась, неприятель патронов не жалел. Последние ряды повернули было назад, но и там пулеметы белых. Оставался единственный выход — прорываться через село. В критический этот момент комполка потерял управление эскадронами, командиры которых тоже выпустили из рук свои взводы. Началась паника. Каждый всадник действовал на свой страх и риск. Лошади металась из стороны в сторону, под градом свистящих пуль перепрыгивали плетни. Село мы все-таки проскочили, но далось это очень дорогой ценой. Когда, оторвавшись от противника, собрались в ложине, многих и многих недосчитались. Правда, на следующий день выяснилось, что убитых меньше, чем думали сперва: несколько групп конников попало в расположение нашей соседней пехотной части. За нераспо-

рядительность в боевой обстановке командиры понесли наказание. Командира полка Розенталя понизили в должности, комиссара Ершова отозвали. Командирам двух эскадронов, Мурану и Грунту, был объявлен строгий выговор, а комэск 3 Иванов разжалован в рядовые. 9 апреля 1919 года в приказе по бригаде отмечалось: «На бригаду наложено позорное клеймо... 1-й Алатырский конный полк дошел до такого состояния, что потерял не только пикеты, но и два пулемета. Уверен, что бригада восстановит честь и славу в боях и искупит свои первоначальные ошибки и неопытность».

Новый комполка В. В. Мянковский наследство получил небогатое. Владимиру Вячеславовичу, в прошлом офицеру-фронтовику, было тридцать лет. За дело взялся он горячо. Не пропускал ни одного случая недисциплинированности, особенно строго спрашивал с командиров. Его обращение с подчиненными казалось кое-кому излишне строгим, официальным, даже резким. Но Мянковский, наказывая нерадивых, не забывал поощрять старательных, и наш полк постепенно обретал боеспособность.

Переформирование и обучение сначала шло в Старобельске. Однако к июлю обстановка на фронте ухудшилась, денкинские войска сильно напирали. Полку было приказано походным порядком перейти в Щигры. Там продолжалось укомплектование эскадронов, регулярно велись военные занятия.

В это время прибыл Михаил Афанасьевич Демичев, назначенный помощником командира полка, человек не шибко грамотный, но с большим жизненным и боевым опытом. В самом деле, нужен был незаурядный талант и исключительная храбрость, чтобы добиться тех почестей, какие он заслужил в окопах первой мировой войны. Унтер-офицера 17-го драгунского полка наградили Георгиевскими крестами всех степеней, бельгийским орденом и французской медалью, произвели в прапорщики. В нашей бригаде Демичев до нового назначения с полгода был взводным Орловского полка, проявил себя хорошо. И на новом посту он, спокойный и выдержанный, никогда не повыпавший голоса на подчиненных, оказался удачным дополнением к волевому, строгому начальнику. За два месяца Мянковский и Демичев своим упорным трудом сумели подготовить полк к боевым действиям. Такую оценку дал инспектор кавалерии Владимир Иосифович Ми-

Кулин. Кстати, сам он через некоторое время заменил Мирмана на посту комбрига, и с ним связан дальнейший боевой путь 13-й Отдельной.

В конце лета и осенью 1919 года наша бригада участвовала во многих боях. В районе Меловое, Короча алатырцы совместно с Московским полком в конном строю сражались против крупной белоказачьей части. Отличился здесь первый эскадрон Чаплинского, который ударил во фланг белогвардейцам и внес расстройство в их ряды. Комполка Мяновский не замедлил воспользоваться этим, обрушился на врага всеми остальными эскадронами. Мы ворвались в город Короча вслед за беспорядочно отступавшими беляками. Когда наши всадники мчались по улицам, с крыш домов застрочили пулеметы. Засады вскоре были уничтожены, но урон мы понесли немалый. В этой уличной схватке погиб комэск Чаплинский, любимец своих бойцов, человек изумительно смелый. За взятие Корочи лихой атакой командование бригады объявило Алатырскому полку благодарность. Это вдохновило всех на новые боевые дела.

На воронежском участке мы воевали по соседству с конным корпусом Буденного. Алатырский полк занимал рубеж вдоль железной дороги. Мне со взводом было приказано находиться для связи при штабе буденновской бригады Колесова, поэтому я имел возможность участвовать в захвате Воронежа. При моем взводе оказался политком эскадрона Эдуард Чехович. Совсем молодой коммунист-доброволец, прибывший к нам из Кузнецка в начале 1919 года, он прослыл боевым политработником. И на этот раз Чехович вместе с конниками взвода преследовал противника вплоть до городских улиц, пока комбриг Н. П. Колесов не остановил нас, чтобы дать отдых людям и коням.

Запомнилось сражение на подступах к Белгороду. Овладев железнодорожным узлом, Алатырский полк облегчил продвижение Эстонской стрелковой дивизии, части которой вступили в город одновременно с нами.

После этого боя В. В. Мяновский заболел и выбыл на лечение в Петроград. Деятельность его на посту комполка была по достоинству оценена командованием бригады, отметившим в приказе, что благодаря его старанию и заботе Алатырский полк в короткое время превратился в «образцовую боевую единицу, неоднократно доказавшую

в боях лихость и дисциплинированность всадников и доблесть командиров».

Во главе полка стал М. А. Демичев, под руководством которого алатырцы исколесили восточные уезды Курской губернии, захватили некоторую часть Воронежской, Харьковской губерний, прошли через Лиман, Бахмут, Горловку. Сделав короткую остановку в станице Новоиколаевская у Азовского моря, 13-я Отдельная бригада по пятам отступавшего противника вышла к Чонгарскому мосту и заняла позиции на берегу Сиваша.

Не помню в точности, когда, но в период этого зимнего похода комиссаром Алатырского полка стал Альберт Эдуардович Генде-Роте. Сын лодзинского рабочего-текстильщика, он с детства работал на фабрике. В 1905 году в Лодзи повторилось петербургское Кровавое воскресенье. Восставшие польские пролетарии воздвигли на улицах баррикады, и шестнадцатилетний Альберт был там. Смолodu он научился ненавидеть капиталистический строй. Эта ненависть еще больше окрепла, когда младшему фейерверкеру Генде пришлось два года провести в окнах империалистической войны. Зато все, что накопилось в сердце и чему научился на фронте, Генде в полной мере отдал революционному делу. Из всех комиссаров, с кем вместе пришлось мне служить, Альберта Эдуардовича я запомнил особенно крепко — как человека, одухотворенного ленинскими идеями и бесстрашно сражавшегося за них.

На крымском участке фронта у 13-й Отдельной бригады соседями справа оказались червонные казаки, о которых много лестного слышали мы еще со времени орловского сражения. Как и червонцам, нам пришлось провести около четырех месяцев в изнурительных, кровопролитных боях. Ровная открытая местность, сильно поредевшие наши ряды, недостаток вооружения и техники затрудняли наступательные действия. С вражеской же стороны довольно часто появлялись самолеты, броневые автомобили, а затем и английские танки, которые оставались почти безнаказанными — нам нечем было бороться с ними. Особенно доставалось конникам. По идее они, занимая позиции на флангах, должны были охранять пехоту и наводить страх на сидевшего за укреплениями противника. На деле же конница принимала на себя удары и несла большие потери.

Не раз совершались дерзкие набеги в неприятельский

тыл. Один из них — рейд на Тюп-Джанкой — особо памятен. Сивашское озеро было еще сковано льдом. В ночной мгле, следуя один за другим к противоположному берегу, длинной лентой растянулись эскадроны. Расстояние немалое — семнадцать верст, и прошли его всадники до предела скрытно, не выдавая себя ни разговором, ни дымящейся сигаркой. Спешенные, преодолели крутой подъем на обледеневший берег и как грозный смерч обрушились на позиции врангелевской артиллерии, которая постоянно досаждала нашим войскам. Неожиданный налет принес большой успех. Алатырский полк захватил двадцать две пушки, разрушил связь, разогнал штаб и порубил оружейную прислугу. Орденом Красного Знамени были отмечены командир полка М. А. Демичев, комиссар А. Э. Генде-Роте и еще некоторые товарищи.

Однако, несмотря на видимый результат этого набега, он не привел к существенным переменам на всем фронте. Это признавал и командующий Южным фронтом А. И. Егоров, отметивший в телеграмме начальникам 8-й Червонно-казачьей, 3-й стрелковой и Латышской дивизий, что «бездействие последних дней у Перекопа представляет собой ряд неудач, которые вносят в летопись войны за освобождение Юга несколько печальных страниц. Эти неудачи тем более печальны, что выпали на долю главным образом дивизий, покрывших себя славой под Орлом, Кромами, Белгородом, Харьковом и Чугуевом...»

Пассивность и топтание на месте болезненно отражались на боеспособности частей. Надо признаться, что упрек командующего имел прямое отношение и к нашему полку. После того как выбыл на лечение Демичев и был назначен военкомом бригады Генде-Роте, дисциплина среди алатырцев несколько ослабла. Однажды ночью был получен приказ: из занимаемого села спешно перейти в другое. Исполнявший обязанности комполка Аушротес и только что прибывший из поарма 13 новый военком Дубинский не восприняли этот приказ со всей серьезностью, запоздали с выходом и, естественно, получили строгое взыскание.

Большие изменения в нашей военной судьбе наступили в связи с тем, что открылся новый фронт — против вторгшихся на Украину войск панской Польши. Для усиления красной конницы, которую ожидала жестокая борьба с сильным врагом, 13-я Отдельная кавалерийская

бригада Микулина была влита в состав Червонно-казачьей дивизии.

Некоторое время, недели две, мы, «новички», вместе со старыми червонными полками находились в районе села Адамань, на западном берегу Перекопского залива. Считалось — в резерве. И верно, больших боев тут не было. Только врангелевская авиация досаждала. Однажды белая эскадрилья, приняв сельское стадо за всадников, сбросила сотни полторы бомб и перебила восемнадцать коров. Ох, и бранили ж крестьянки «черного барона»!

Были и еще налеты, когда сбрасывалось до сотни бомб. А чаще самолеты наблюдали, разведывали местность. Казаки их уже не очень боялись. Как появлялись аэропланы, по ним открывали дружный ружейный огонь. И таким примитивным способом (зенитной-то артиллерии у нас не было) как-то раз подбили один самолет, он начал быстро снижаться и еле дотянул до своей территории.

Из Адамани дивизия на короткий срок перешла в Каланчак, затем в селения, расположенные по северному берегу Сиваша. А оттуда в середине мая отправилась в дальний путь на Запад, сражаться с польской шляхтой.

Этот 800-километровый поход сам по себе достоин удивления. Шли конным строем, ибо железнодорожный транспорт работал с такими перебоями, что рассчитывать на него не приходилось. Все мы хорошо понимали, как важно сохранить коней, заботились о них, часто вели в поводу. И все-таки лошади подбивались, повозки ломались. Так можно из конницы превратиться в пехоту. Решено было назначить полковые ремонтные комиссии с правом мобилизации и обмена лошадей и повозок. В Алатырском полку (5-м червонно-казачьем) членом такой

А. Э. Гонде-Роте

комиссии довелось быть и мне. Денежных сумм в наличии, увы, не нашлось, расплачивались мы квитанциями, которые затем должны были обмениваться ремонтной комиссией 14-й армии. Это, конечно, затрудняло нашу работу. Ведь даже когда дело имели с кулаками, немецкими колонистами и бывшими помещиками, то нам не хотелось просто брать, а оформить сделку старались документом. От бумажек же наших куркули отмахивались.

Был один курьез. Недалеко от города Бобринец на Херсонщине встретилось нам имение — не особенно большое, но довольно-таки зажиточное. Надсясь приобрести лошадей, заглянули туда. Хозяев на месте не оказалось, конюшня пуста. Однако в ближайшем овраге мы обнаружили упитанный табунок. Решили забрать. С кем же вести разговор, с кем рассчитываться? У оставшихся в имении батраков выяснили, что лошади, как и усадьба, принадлежат Давиду Бронштейну, который находится в отъезде. Ну, раз так, оставляем расписку, а коней забираем. Но вдруг уточняется, что владелец имения не кто иной, как отец Троцкого. Да, тут почешешь затылок: не попало бы от высокого начальства!.. Все же на попятную не пошли. Будь что будет — кони ведь не лично нам нужны, а для победы над врагом! Случай этот мы, понятно, не афишировали, и он прошел незамеченным, без всяких последствий.

После длительного и трудного похода Червоно-казачья дивизия, вошедшая в состав 14-й армии И. П. Уборевича, начала боевые действия с белополяками. Первая стычка с новым противником крепко влияет на войсковую часть: победа окрыляет, поражение расслабляет. Нам сопутствовала удача: в пятнадцати верстах от города Хмельник, в районе сел Юзефополь, Терешполь, красные казаки разбили в прах две роты польской пехоты.

Неприятель отошел за созданную ранее укрепленную линию по берегам Случи, Инвы, Буга и в междуречье. На участке от села Старая Синява до Острополя, куда вышла Червоная дивизия, тянулись перед нами проволочные заграждения в четыре ряда. Несколько раз червонцы пытались прорваться, но наталкивались на ураганный огонь. Дивизию отвели в резерв: 1-ю бригаду — в селения Юзефополь и Терешполь, 2-ю — в Чешки и Шпичинцы, нашу 3-ю — в Войтовцы и Качановку. Непродолжительный отдых использовали для подготовки к новым боям.

Прекращение конных атак было воспринято противником, по-видимому, как наша слабость. На рассвете 28 июня белополяки крупными силами прорвались у Старой Синявы сквозь редкие цепи красной пехоты (там было триста штыков Сводной дивизии) и устремились к селам Шпичинцы и Чешки. Располагавшаяся здесь 2-я червонная бригада отступила на две версты к северу и дальнейший напор врага сдерживала ружейным огнем.

Когда об этом стало известно в штабе дивизии, который находился вместе с 3-й бригадой в Войтовцах (около десяти верст восточнее места боя), начдив Прямаков приказал двум нашим полкам, 5-му и 6-му, через село Кумановцы ударить во фланг неприятелю. К этому времени и 2-я бригада перешла в контратаку. Совместным ударом п шашки и пики красные конники раздробили и окружили пять батальонов Познанской дивизии. В завязавшейся жестокой борьбе много было убито и ранено. Червонцы захватили десять пулеметов, множество повозок. Четыреста вражеских солдат попало к нам в плен. Наши потери составили до восьмидесяти человек.

Разгромив выступивших из-за укрытия познанцев, Червонная дивизия с ходу атаковала Старую Синяву. И опять сидевшие в окопах за рекой Инва вражеские части открыли такой бешеный огонь, что пришлось отойти на прежние позиции.

Вечером 28 июня в штадив прибыл командующий армией И. П. Уборевич. Ему было подробно доложено об утреннем бое. Командарм особенно интересовался укреплениями противника, которые никак не удавалось прорвать. Старосинявский участок решено было пока не тревожить, а прорыв перенести к селу Гречаны, что примерно в двенадцати верстах севернее. С рассветом 29 июня червонные полки двинулись туда и у села Адамполь соединились с двумя стрелковыми бригадами Сводной дивизии П. А. Солодухина.

Артиллерия обеих дивизий, ставшая на позиции у этого села, открыла огонь по вражеским укреплениям. Пехота, наступавшая к селам Гречаны и Ивки, вынуждена была залечь перед проволочным заграждением. Ничего не дали и повторные атаки. Стало ясно, что наличных сил Сводной дивизии явно мало для успешного преодоления неприятельской обороны. Лично наблюдавший за боем командарм Уборевич после совета с начдивами Прямако-

вым и Солодухиным принял такое решение: Сводная дивизия остается на участке Летичев, Острополь для противодействия белополякам, а Червонно-казачья переходит в район города Бар, где предстоит прорвать фронт и уйти в рейд по тылам врага.

С прежней позиции червонцы снялись скрытно в ночь на 1 июля и на новом месте (в селениях Овсяники, Черниленговцы, Клопотовицы) сосредоточились в ночное время, так что перегруппировки противник не заметил.

Здесь мы взаимодействовали с 60-й стрелковой дивизией. Вечером 3 июля советские бронепоезда, обрушив артиллерийский огонь на станцию Комаровцы, отогнали находившийся там вражеский бронепоезд, затем сами ворвались туда, и высаженный десант успел захватить штаб 45-го польского пехотного полка. Сразу же в бой вступили части 60-й дивизии, атаковав неприятеля на двенадцативерстном участке.

Как только пехота очистила местность вблизи станции Комаровцы, сюда подошла Червоная дивизия. Полки один за другим следовали по большаку. Пропустив всю колонну, начдив Примаков сердечно попрощался с командармом Уборевичем, который провожал нас в рейд. Штаб дивизии во главе с начдивом проскакал галопом в голову колонны.

Ночь была полна боевого гула. На железнодорожной линии наши бронепоезда вели дуэль с полевыми батареями противника. Справа слышалась перестрелка у села Згарок, слева — у села Ивановцы. Впереди одиночные выстрелы скоро перешли в частый огонь — это авангардные сотни столкнулись с врагом и пробивают дорогу. Оттуда доносится «ура», выстрелы стихают, значит, червонцы взяли панов в клинки, рубят бегущих.

Запомнился случай в селе Комаровцы. Во время боя тут было перебито много вражеских солдат, их винтовки порасхватили местные жители. Когда мы проходили по сельской улице, вооруженная толпа, возбужденно радуясь, встречала красных казаков.

— Возьмите нас с собой! — кричали крестьяне.

Это было бы неразумно, но и без дела оставлять повстанцев нельзя.

— Идите на Бар, помогите пехоте! — посоветовали им.

Люди быстро построились, среди них нашлись вожаки,

и вот уж видим: не толпа, а пародное войско двинулось к городу Бар, откуда доносится канонада сражения.

Этот рейд Червоная дивизия совершала силою в две тысячи сабель, остальных бойцов, слабых физически и с неважными конями, оставили на месте. Повозок взяли, чтоб не обременительно было, сто штук, да еще пулеметных тачанок с «максимами» — сорок восемь. Из артиллерии отобрали самые надежные шесть полевых пушек и хорошую к ним прислугу. Лишний обоз брать категорически запрещалось, ибо весь успех строился на быстроте и подвижности.

Маршрут движения к Проскурову, Черному Острову, рассчитанный на два перехода, выдерживался, несмотря ни на какие осложнения.

В первый день дивизия преодолела более шестидесяти верст. Боевые схватки вели главным образом авангардные эскадроны. В Галузинцах зарубили около ста неприятельских солдат, в соседнем селе — какую-то обозную команду. Далее попался крупный обоз, который хотел ускользнуть от погони, но был настигнут разведывательным дивизионом. Охрану обоза изрубили, коней забрали, а повозки с добром отдали крестьянам. Наконец, к вечеру произошла наиболее сильная стычка у села Загинцы. На помощь авангарду поспешил 1-й полк, и сопротивление врага было сломлено. Здесь взяли до ста пленных, вдвое больше солдат порубили. С захваченным обозом поступили по-прежнему: коней оставили себе, а имущество передали местным беднякам.

Ночь дивизия провела в селениях Загинцы, Маниковцы, Фашиевка. Высланные вокруг разъезды вылавливали жандармов и полицейских, надеявшихся уйти под покровом темноты.

Второй день, 5 июля, прошел в новых боевых схватках. Они продолжались с пяти часов утра до четырех вечера, когда червонцы остановились на большой привал. За этот день были уничтожены неприятельские подразделения в селе Шаровка и на станции Ярмолинцы, подбит легковой автомобиль с высокими чинами 6-й польской армии. На станции Лехновка в остановленном пассажирском поезде обнаружили свыше сорока офицеров петлюровского генерального штаба. Сдаться они не пожелали и были убиты в перестрелке. В местечке Фельдштин разъезд червонцев натолкнулся на пехоту, которая заперлась

в каменном здании школы и отстреливалась. Туда были посланы две конные сотни. Они выбили белополяков наружу ручными гранатами и завершили разгром клинками. Бой в Фельдштине стоил нам десяти убитых.

Но самым напряженным ожидался следующий день, так как намечался налет на Проскуров и Черный Остров. Чтобы отдохнуть перед трудным и опасным делом, бригады расположились на привал: 1-я — в селах Водички и Клишковцы, 2-я вместе со штабом дивизии — в селе Немечинцы, 3-я — в селах Волица и Кудрынцы. Вечером был окончательно уточнен план дальнейших действий. Начдив приказал: П. П. Григорьеву со своей 1-й бригадой сняться со стоянки в два часа ночи и через Педосы, Редкодубы атаковать Черный Остров; комбригу 3 В. И. Микулину с приданным дивизионом 4-го полка в тот же час выступить на Проскуров.

Выполнение оперативного приказа началось точно в назначенный срок. Снявшись еще затемно, 3-я бригада на рассвете подошла к Проскурову. Вблизи города нашу колонну заметила конная застава и стала нас обстреливать. Не обращая на это внимания и не отвечая на выстрелы, комбриг Микулин кивнул сопровождавшему его трубачу: — Труби атаку!

Громко разнеслись окрест призывные звуки, полки развернулись в боевой порядок и лавиной помчались к городским окраинам. Польская застава летела впереди нас, спеша укрыться за постройками. На ее плечах красные казаки ворвались на улицы.

Всего два часа, как и предусматривалось приказом, пробыла бригада Микулина в Проскурове. Но вовек незабываемы эти часы, принесшие славную победу червонцам и невиданное поражение белополякам. На городских улицах то тут, то там происходили горячие схватки. Сопротивлявшиеся вражеские солдаты валялись под сабельными ударами, бежавших настигала пуля. Было уничтожено до пятисот пехотинцев. Одно подразделение ринулось к железнодорожному узлу и, захватив его, разрушило взрывчаткой. Красные бойцы упорно пробивались к центральной площади, где располагался штаб 6-й польской армии. Можно было порадоваться: захватили группу старших офицеров, важные документы, большой, в полтысячи повозок, обоз, два орудия... И все же досадно, что уличные бои задержали наш прорыв к штабу. Командующий

граф Ромер, заслышав «ура» и выстрелы, поспешил на аэродром и спасся на самолете. Не смогли наши конники задержать и четыре броневика, несколько грузовых автомобилей, на которых по шоссе к Волочиску прорвались штабные персоны. В утешение досталась нам графская конюшня, и самый лучший конь был подарен любимому наезднику Примакову.

Пока мы орудовали в Проскурове, 1-я бригада завоевывала город Черный Остров. В первом же после выхода с привала селе Педосы авангардная сотня столкнулась с польской заставой и изрубила ее. Выстрелы, однако, были услышаны другими вражескими заставами. Ожидая на прямом направлении крепкий заслон, Григорьев оставил здесь только две сотни в пешем строю. Они отвлекали противника. А основные силы — шесть сотен и два орудия конно-полевой батареи — комбриг повел в обход на село Захаровцы. И получилось, как он задумал. Сосредоточив свои войска на южной окраине города, белополяки ослабили северо-западный участок, откуда и ударили червонцы. Две сотни 1-го полка, спешенные, перебежками двинулись к железнодорожной станции. 2-й полк на галопе ворвался на улицы и, тоже спешившись, выбил вражескую пехоту в поле. А тут уж казаки, вновь вскочив в седла, расправились с противником по всем законам кавалерийской рубки.

Подразделения из резервной 2-й бригады в это время подорвали железнодорожное полотно, отрезав путь воинским эшелонам. На станции Черный Остров червонцы захватили триста вагонов с боеприпасами и имуществом 6-й польской армии.

В этой быстрой и горячей операции все казаки нашего 5-го полка дрались молодецки, не знаю, кого и отмечать персонально. Но командира назвать стоит. Михаил Афанасьевич Демичев, залечив свои крымские раны и вновь вернувшись в полк, и под Старой Свиягой, и в проскуровском рейде показал всем нам образец выносливости и храбрости, не говоря уж об умении управлять боем в открытом ли поле, на тесных ли городских улицах. Я знал его к тому времени примерно год, и нельзя было не подивиться, как возмужал и окреп его командирский талант.

НАЛЕТ НА ЯРМОЛИНЦЫ

Когда шли рейдом по тылам белополяков на Проскуров, командир 3-го полка И. Ф. Хвистецкий вызвал меня, взводного, и поставил задачу: охраняя на марше левый фланг колонны, выйти к станции Ярмолинцы и установить, есть ли там противник.

Наш взвод с приданными двумя станковыми пулеметами подошел к Ярмолинцам утром 5 июля 1920 года. Разведка выяснила, что в местечке всего двадцать солдат при военной хлебопекарне. Селепие мы быстро захватили, шесть человек взяли в плен, а остальные попрятались в сараях.

Однако главное было еще впереди. Что делается на железнодорожной станции? От пленных я узнал, что там находится в вагонах управление тыла 6-й польской армии, охраняемое небольшим отрядом. Решил атаковать в конном строю. Но как только высланный дозор завязал с охраной ружейную перестрелку, белополяки начали убежать со станции в лес, прятаться во ржи. Влетевший на конях взвод не обнаружил на станции ни одной живой души. На путях стоял длинный, из сорока шести вагонов, состав.

Времени в нашем распоряжении было мало: ведь взвод оторвался от своего полка на двадцать километров. Действовать поэтому приходилось быстро. Первым делом уничтожили селектор и телеграфные аппараты, порвали все провода. Затем приступили к осмотру эшелона. В штабных вагонах забрали различные штампы и печати, приказы, топографические карты с дислокацией тыловых частей 6-й армии. Всю канцелярию разгромили. На двух платформах стояли орудия — замки из них вынули, угло-

меры разбили. В товарных вагонах было много оружия — кое-что взяли, а остальное пришлось разбросать и засыпать песком. У вагонов попортили буксы.

В составе оказался вагон-ресторан с приготовленными на столах продуктами. Завтрак пришелся казакам кстати. Соблюдая очередность, все поели консервов, печенья, выпили чаю или кофе.

Посланный в разведку боец доложил, что на ближнем перегоне стоит эшелон со скотом. Военная охрана разбежалась, за вагонами присматривают какие-то крестьяне. Взвод помчался туда. На месте выяснилось, что этих крестьян интервенты заставили сопровождать живность, реквизированную в ближних селах для отправки в панскую Польшу.

— А где же польские жолнеры? — спросил я одного мужика.

— Без бут и гласу прентко сбегли до лису, — пошутил крестьянин, показывая пальцем в сторону видневшегося поодаль леса.

Я распорядился открыть все вагоны, вытянуть сходни. Особой команды «узникам» не потребовалось: выбежав на волю, коровы и быки помчались под родные крыши, куры разлетелись во все стороны. Паровоз, стоявший под парами, выстрелом в сухопарник был выведен из строя; все механизмы управления уничтожили.

Заключив диверсию на станции, взвод вернулся в местечко Ярмолинцы. Там крестьяне по-своему разделялись с пражеской пекарней — уносили в мешках хлеб и муку.

Мы уже готовились уходить, как вдруг наблюдатель, стоявший на южной окраине, сообщил, что по шоссе от Каменеца-Подольска мчится легковой автомобиль. Я выделил нескольких бойцов для засады у дороги.

Послышалось тарахтение мотора. Окутанная пылью машина приблизилась на расстояние ружейного выстрела. Огонь! После первого же залпа автомобиль, описывая зигзаги, съехал с дороги и покатился к пруду.

Когда мы выволокли из воды «кадиллак», шофер и какой-то военный во французской форме оказались убитыми, два польских офицера были живы, только, вымокшие и растерянные, глядели уныло. Мы забрали важные оперативные документы, среди которых наибольшую ценность представляла карта с расположением неприятельских частей и штабов. Из вещей взяли маузер в деревян-

ной кобуре, карманные часы со звоном и личные документы, которые свидетельствовали, что эта группа спешила в Проскуров инспектировать штаб 6-й польской армии.

Поздно вечером взвод вернулся в свой полк. Командир полка Хвистецкий доложил о результатах наших действий начдиву, и тот приказал мне прибыть к нему.

В полночь я явился в штаб дивизии. В комнате, куда провел меня дежурный, сидели за столом начдив В. М. Примаков и военком Е. И. Петровский. Я представился и выложил на стол трофейное имущество. Виталий Маркович вызвал переводчика, зачитавшего вслух все документы. По тому, как радостно сверкали глаза начдива и комиссара, можно было судить о большой удаче нашего взвода. Потом они расспрашивали подробности действий в Ярмолинцах. Петровский хохотал над эпизодом с офицерским «душем», заразив весельем и Примакова.

Потом Виталий Маркович встал, подошел ко мне, взял за плечи:

— Молодец, Николай!

Я подумал: откуда начдив знает мое имя?

— Очень жаль, что француза не взяли живым, — добавил Примаков. — Остальное мелочь.

— Да кто ж его знал, что он там катит! — ответил я с искренней досадой.

Евгений Иванович Петровский спросил:

— Сколько с вами было коммунистов?

— Шесть человек, — ответил я. — А по храбрости они не уступали целому взводу.

Военком довольно крикнул при этих словах и подморгнул начдиву.

Они поинтересовались потерями взвода. Я доложил о трех раненых казаках, прибавив:

— Пострадала и моя лошадь.

Евгений Иванович взглянул на Примакова, тот кивнул в знак согласия, и военком сказал:

— Наиболее отличившихся казаков представьте к наградам. О вас мы сами будем ходатайствовать. — Он помолчал, что-то вспоминая. — Да, а насчет лошади передайте Хвистецкому, чтобы подобрал вам хорошего коня.

За боевые действия у Ярмолинцев я получил в 1920 году орден Красного Знамени № 5218.

ГАЗЕТА В ПОХОДЕ

В марте 1920 года 8-я Червоно-казацкая дивизия стояла у ворот Крыма — Перекопского вала. Там, за валом, осела волна, откатившаяся от Орла, Курска и Харькова, подкрепленная вскоре теми, которых сбросили с красного материка у Новороссийска.

В глуши, более чем в ста верстах от железной дороги и в нескольких сотнях верст от штаба 13-й армии, в безбрежных равнинах Таврии стояла дивизия. С большим опозданием, да и то очень редко, попадало сюда живое слово печати. С волчьей жадностью набросились на меня, свежего человека, прибывшего из штаба 13. Что нового? Как там?

Интересную картину представлял оказавшийся в этой глуши политотдел дивизии. В одном классе сельской школы помещался он весь. В красном углу под истрепанным подивским знаменем находился «кабинет» начподива. Тут же замначподив, заворгос и парттройка, все в одном лице товарища Церина. Вечно взъерошенный, этот старый партиец, работающий как вол, доработался до того, что одно время нервы его стали серьезно пошаливать. Церин все знал: любую справку по общественным наукам, по истории и географии мы находили в его мозгу. Он был у нас ходячей энциклопедией. Завхоз, он же делопроизводитель и журналист, еще три-четыре «универсальных» сотрудника — и подив весь.

Пару месяцев назад, когда политотдел сформировался в Белеве, Тульской губернии, он был больше, но по дороге порастерял многих работников, заболевших тифом. Остались только те, кто тифом уже болел раньше.

На краю села с шеста, что рвался в небо, прицеплен-

ный к крылу ветряка, тянулись металлические нити, и в крестьянской хате, где они кончались в поющем пчелкой аппарате, у нас была связь со всем миром. Ночью, без пяти двенадцать, мы проверяли по радио часы, улыбались на ругань белогвардейцев (нас разделяло только двадцать верст) по адресу своих саботирующих радиоприемников. Мы имели радиовестник, статьи, чуть ли не половину материалов московской газеты. Все это пужно дать в полки. Нам нужна своя газета, решил политотдел дивизии.

Печатать первый номер газеты поехал в Геническ Бойков. Город обстреливался, ему покоя не давала судовая артиллерия. Жители разбегались, жизнь в городе замерла. Номер вышел в Мелитополе.

Второй номер печатать отправился я в Херсон. Статьи о назревающей на Западе революции и угрозы по адресу отечественной контрреволюции и всемирной буржуазии, о вшах и о холере, обращение с просьбой поддержать газету корреспонденциями да свежие, со своей радиостанции, телеграммы — вот второй номер. В лучшей типографии Херсона, на прескверной оберточной бумаге, выпрошенной у местных «Известий», он был изготовлен за один день и на другой к вечеру доставлен за восемьдесят верст в штаб, в село Каланчак. Почти одновременно прибыл и первый номер. На такой же скверной бумаге (на сигарки недурна), тоже без соблюдения правил верстки (а кто их знал?), отпечатанный только на одной стороне листа, он производил еще более жалкое впечатление, чем второй.

Газета называлась «Червонный казак»¹. Она стремилась, говорила редакция в своем обращении к читателям, не только дать казаку свежую информацию, она желала жить его жизнью, отражать его бои, подвиги славных, отдых и нужды, она желала быть зеркалом червонного казачества.

Третий номер — тоже в Херсоне. За неделю до пасхи собрались мы его печатать и к пасхе думали выпустить

¹ С февраля по апрель 1918 года в 1-м полку червонного казачества издавалась газета «К оружию!». Редактировала ее Евгения Бош, сотрудником редакции была Ксения Коцюбинская, жена В. М. Примакова. После образования 1-го конного корпуса начала выходить с 8 февраля 1921 года газета «Красная конница», получившая в июле вновь свое прежнее, фронтовое название «Червонный казак». — *Прим. ред.*

еще четвертый. Но в Херсоне бумагу неохотно давали, а может, и совсем бы не дали, если бы врангелевские аэропланы в эти дни не бомбили город, живо напоминая, что фронт еще близко. Номер вышел только к пасхе. Пасхального в нем ничего не было, но зато было первое письмо казака в свою газету.

Для четвертого номера нам в Херсоне бумаги не дали.

1 мая в селе Каланчак был воскресник. Полк, стоявший в резерве, и штабные учреждения под оркестр занялись починкой дороги. Удивленные таким неподходящим занятием, крестьяне только плечами пожимали: какой же это праздник? Поняла нас баба. Засучила рукава, лопату в руки — и за щебень. Ай да молодец!

В этот день у нас номера не было.

Нам нужна газета. Нам нужны типография, бумага. В частях уже обеспокоились, теребили: почему же нет больше «Червоного казака»? Командированный в политотдел Южного фронта, в Харьков, за типографией и бумагой, я вернулся ни с чем.

Дивизия переходила на белопольский фронт. Я нагнал ее у Бериславля. «Даешь Варшаву! Даешь...» — день и ночь скрипел паром, перегруженный людьми, лошадьми, обозом, бороздя Днепр.

В Вознесенске дивизия имела трехдневную остановку. Раскопали припрятанную кем-то сахарную бумагу. Набирали, перемешав шрифты и сбив с панталыку печатников в обеих типографиях города. Выпустили четвертый, пятый номера «Червоного казака».

Через неделю мы вошли в состав 14-й армии. От поларма получили разрешение издавать свою газету. Редактора отправили в Одессу формировать типографию. Месяц спустя вагон с типографией (американка), шрифты, бумага и личный состав из четырех рабочих прибыл в полевой штаб 14 в Рахны. Дивизия — в рейде, тыловые части — в Калиновке, по ту сторону взорванных поляками мостов. Прodelав несколько сот верст по железнодорожным кружным путям, мы добрались до Калиновки. Дивизия вышла из рейда. Тыловые части двинулись к ней в Проскуров. Мы на подводах догоняли политотдел и нагнали его только в Галиции, в Подволочиске.

Типографию решили сделать подвижной, чтобы наш аппарат печати мог поспевать за дивизией. Американку поставили в большую польскую санитарную карету. Этой

карете выпала роль стать печатным отделением нашей типографии. Чтобы в ней можно было свободно работать, ее несколько перестроили — на пол-аршина подняли крышу. Эту гроыхающую колесницу, которую, выбиваясь из сил, еле тащили четыре лошади, мы прозвали «чертом».

Походная типография готова. Шестой номер «Червонного казака» выпустим на ближайшей остановке в своей типографии — так решили мы, выезжая из Подволочиска дальше, в глубь Галиции. Не проехали и трех верст, как узнали, что и на хороших галицийских шоссе нашему «черту» могут встретиться препятствия. Он стукнулся лбом о ферму железнодорожного моста, под которым мы проезжали, и чуть не потерял всю свою надстройку. На другой день нас постигло еще большее несчастье. По какому-то недоразумению подив ткнулся в местечко Подкамень (что у Почаева), оставленное нашими частями. Назад, к своим, пришлось ехать по глухим, давно не езженным дорогам. И вот на гребне холма, где дорога ковыляла через камни, рвы и остатки старых окопов, «черт» сломал себе ногу — поломалось колесо.

Подив уехал. Мы решили снять машинну с «черта» и перегрузить на подводу. Темнело. У «черта» остались караулить два печатника с одной винтовкой. Двое отправились в село за подводой. Ночью разъезд, с опаской подъехавший к нашей колеснице, сообщил, что впереди в долине поляки, а наши части — позади, верстах в двух.

Утром, когда приехали подводы, у «черта» уже никого не было. Машина стояла разобранной, части ее были разбросаны по полю: польский разъезд добрался до машины и поработал над ней.

Шестой номер «Червонного казака» мы выпустили в Кременце, в частной типографии, и когда собрались печатать седьмой, наша машина вышла из починки.

В роскошных апартаментах брошенного помещиком фольварка, на земляном полу крестьянской хаты, а когда и в клуне в течение нескольких часов мы разворачивали свою типографию. Не было еще в истории печатного дела таких «гигиеничных» наборных помещений. При тихой погоде под открытым небом, а при ветре или в дождь — в клуне устанавливались кассы на складных (изобретение редактора) рсалах. Газета выходила в своей типографии,

СЦЕНА И ФРОНТ

Артистка красноармейского театра... Было такое время в моей жизни, вспоминая его с теплым и гордым чувством.

Летом 1919 года после расстрела мужа петлюровцами я с тремя маленькими детьми приехала к своей матери в местечко Голованевск, неподалеку от станции Голта. Мать болела, жила в большой нужде. Чтобы как-то спасти семью от голодной смерти, я пошла батрачкой к помещику Глинке, работала в поле за кусок хлеба.

Вскоре белых выгнали из нашего местечка червонные казаки. Было как-то неожиданно узнать, что у них есть свой театр. Не встречу ли кого-нибудь знакомого? Пошла — и правда увидела артиста Марченко, с которым работала вместе до революции. Он помог мне поступить в эту фронтовую труппу.

В красноармейский театр входили хор, оркестр, драматическая и танцевальная группы, а весь коллектив — двадцать человек. Режиссером был опытный артист Бурлаченко. Для политического руководства к театру прикрепили товарища Орлова. Бывший учитель, хороший организатор и друг актеров, наш комиссар перед началом спектаклей и концертов своим горячим и правдивым словом зажигал бойцов.

Днем и ночью, в любые морозы и метели двигались мы за войсками, входили в освобожденные города и села и в самых различных условиях, нередко на площадях, на открытом воздухе, играли пьесы, танцевали, пели, читали юмористические рассказы.

Тяга червонных казаков к культуре была огромной. Только закончился бой, людям нужно отдохнуть, а они

собираются возле походной сцены, требуют представления. Бывало и так: поднимается занавес, на сцену выходит... трубач. Тревога! Тут уж, конечно, не до концерта.

В одном из сел мы собирались выступить перед местным населением. Комиссар Орлов предупредил:

— В районе зверствует банда Дьяченко. С вами будет в засаде сотня казаков.

Собрались на репетицию. Явились два бандита, спрашивают:

— Кто такие?

— Артисты.

— Тогда ставьте спектакль. Сам батько Дьяченко придет. Поживей!

Когда поднялся занавес, мы увидели перед собой пьяную ораву. Бандитов не очень много, но сильно вооружены. Гогочут, выкрикивают похабщину.

Но досмотреть спектакль им не удалось. Налетели казаки, изрубили всю шайку. Пришлось и нам, артистам, пустить в ход оружие. В этой схватке погибли два наших товарища — артист Любченко и актриса Черкасова.

К нам червонцы относились исключительно внимательно, с какой-то особой теплотой. И если кто-нибудь из нас попадал в беду, то казаки выручали, рискуя собственной жизнью.

Однажды в селе Вербово я утром пошла прогуляться к разрушенной мельнице. Оттуда с пригорка как на ладони видно чудесное украинское селение. Стояла тишина, раздавалось лишь пение птиц да мычание коров. Вдруг выстрелы, крики «ура». Вижу, червонные казаки вихрем несутся, обнаженные шашки искрятся в солнечных лучах. С другой стороны — петлюровцы.

Я неожиданно оказалась в центре боя. Заметив метавшуюся в ужасе фигуру женщины, казаки на тачанке прорвались ко мне и умчали меня в безопасное место.

Часто бывал на наших спектаклях комиссар дивизии Евгений Иванович Петровский. Беседовал с нами, учил преодолевать трудности и невзгоды, верить в победу.

— Вы, артисты, делаете большое дело. Вы несете культуру в народ, — говорил он.

СЛАВИ ДОБУВАТИ...

Песня

Колонна шла на Пасечна, Антоповцы, Фельдштин, выходя в тыл Проскурову, на линию штаба 6-й польской армии и ее базы снабжения.

Солнце взошло над холмами, небо было синее, безоблачное. Уже к семи часам утра стала чувствоваться жара. Но полки, отоспавшиеся, с нерастраченным зарядом энергии, шли весело. Собранные в кулак, полк у полка на хвосте, они физически чувствовали свою мощь, каждый всадник видел — вот сколько нас, вот какая мы могучая колонна, могучая конница!

И когда огромная колонна переваливала через балку, те, кто въезжал в свою очередь на вершину перевала, могли разом видеть голову и хвост шести конных полков. Полки шли с песнями, с бубнами. Во 2-м полку песенники выехали вперед и построились по шесть за бунчуком, справа и слева от бунчужных стали казаки с бубнами, а вперед выехали двое запевал — высокий тенор и подголосок.

Запевалы эти, известные во всем полку молодые веселые казаки, стали как-то строже лицом. Они ехали вслед за командиром полка, в нескольких шагах. И командир полка Потапенко оглянулся на запевал, на выехавших вперед шесть шестерок песенников. Его рыжий ус дрогнул в улыбке, а затем лицо стало строгим и серьезным, и строгими и серьезными стали лица запевал.

Потапенко кивнул головой — можно начинать. Запевалы переглянулись и вполголоса поговорили насчет песни, потом оглянулись на песенников, кивнули им и отки-

пулись в седле, развернув шире плечи, опустив поводья на кованную серебром и выложенную костью луку казачьего седла.

Высоким сильным тенором запевала начал старую песню, которую в полках переделали на свой лад и пели как марш и которую любили во всех сотнях:

Гей, нумо, хлопці, до зброї,
Герц погуляти...

В этом месте вступил тенор-подголосок и, высокий и звонкий, подхватил, и оба вместе запели медленно конец первой фразы:

Слави добувати...

И всей силой в тридцать шесть голосов подхватили песенники припев:

Гей, чи пан, чи пропав,
Двичи не вмирати!
Гей, нумо, хлопці, до зброї...

Первый раз песенники сами спели весь припев, а второй раз, когда надо было его повторить, вступил весь полк, и припев был подхвачен огромным хором в триста — четыреста молодых сильных глоток.

И снова тишина на секунду опустилась над полком, и снова затянули запев запевады:

Гукнемо
Из рушницъ
Та дамо гармати!
Блиснемо шаблями...

И песня пошла ладом, поддержанная всем полком.

Как будто в лад песне шли кони и качались, плыли в воздухе за полковым знаменем хвосты бунчуков.

Все так же со строгим лицом ехал впереди Потапенко, и во главе колонны ехал молча штаб дивизии, слушая песню. В песне была и разрядка приподнятого настроения рейда и показатель духа полка — боевого и веселого.

Когда кончилась старая песня, когда отзывал последний стих:

Нам поможе вся голота
По усьому світу
Волю добувати!
Гей, чи пан, чи пропав,
Двичи не вмирати...
Гей, нумо, хлопці, до зброї...

переглянулись между собой запевалы, повернулись к ним, встряхнув бубнами, казаки, ехавшие по бокам бунчужного, и бунчужный тряхнул бунчуком.

Бубны глухо загудели под переборами пальцев, загудели в ритм, в лад под плясовую, и в лад взмахнул бунчуком бунчужный, гремя серебряными тарелками и бубенцами. Все веселей и веселей под пальцами и рукоятками пагаек шел на бубнах плясовой перебор, все громче гудели, гремели и звенели тарелочками и тарелками бубны, когда запевалы, толкнув один другого локтем, разом подняли веселый, высокий и частый напев плясовой. И уже после первых слов подхватили песенники, а за ними полк, и плясовая с высвистом, с гиком, под громкий рокот бубнов закружилась над полками, и казалось — кони пошли бойчее, и самые сонные и не выспавшиеся после ночной стражи казаки окончательно проснулись и пришли в себя.

С гиком, с посвистом, с веселой песней прошли полки через село Пасечна и стали спускаться к селу Антоновцы.

Плясовая кончилась, и только глухо гудели бубны, да иногда встряхивал бунчуком бунчужный, да разговаривали запевалы, как будто бубны и серебряные бубенчики бунчужного и запевалы сговаривались потихоньку насчет новой песни и в глухом рокоте бубнов был спор: какую же новую песню начать?

Голоса отдыхали, пока рокотали бубны, когда далеко впереди, возле штаба дивизии, оркестр вдруг грянул на медных трубах «яблочко». И веселое «яблочко» загремело над зелеными садами, все шесть оркестров вступили за головным полком, варьируя песню на разные лады, перебрасываясь удалым мотивом, который в одних полках звучал по-донски, в других по-одесски, в третьих по-киевски — в каждом похоже и в каждом на свой лад, с какой-нибудь веселой загогулиной в конце или в середине мотива.

Варенье

Командиры сидели в доме попа и пили чай. Штаб размещался по всему дому. Востовые с конями стояли во дворе и кормили коней из рук сеном. Суетливый поп, толстый и маленький, посидел по дому, таскал мед к чаю, распорядился по своему цехитрому поповскому хозяйству.

Село было под сильным артиллерийским обстрелом со стороны Галича. У Галича вел демонстративное наступление дивизион разведчиков. Бригады свертывались в колонны и шли по дороге к деревне Свистельники.

Командиры пили чай, разглядывали карту, обсуждали, каким путем лучше выйти к своим, ждали, что предстоит тяжелая полоса боев в тылу противника, что дни наступают трудные. Но разговоры носили обычный деловой характер. Как всегда чисто выбритый, командир 1-й бригады Григорьев сосредоточенно сосал мед, помалкивал, пошучивал, если разрыв снаряда ложился близко, пугал попа, что вот, гляди, поп, дом тебе разнесет и все стекла выбьет, где ты, поп, стекло достанешь?

Поп кланялся, хихикал, подкладывал мед, отмалчивался. Видно было, что он крепко трусит. Все чаще поглядывал в вишневый сад, в открытое окошко. Нужно думать, в саду у него был погреб, где он рассчитывал отсидеться.

Очень высокий и статный командир 2-й бригады вел разговор с командиром 3-й бригады насчет дорог, насчет фуража, подсчитывал бегло, сколько у него осталось патронов и выстрелов на батарее. Два других командира сидели отдельно, в углу. Они где-то раздобыли банку с вареньем, ели его ложками прямо из банки и шутливо спорили, если кому-нибудь доставалось больше ягод.

В это время артиллерийский огонь стал ближе, снаряды начали ложиться возле поповского дома. Во дворе завозились ординарцы. Они спешно выводили лошадей. Но командиры бригад продолжали пить чай со спокойствием людей, привыкших не только к огню, но и еще более к тому, что на них смотрят, что они пример, по их поведению равняются, и к тому, что сейчас не только нельзя бояться, а, наоборот, нужно показать некоторое щегольство и подчеркнуть равнодушие к возможной опасности.

Командир 1-й бригады Григорьев подошел к самовару, стал наливать себе чай. Поп стоял за его плечами. Григорьев спрашивал у попа, нет ли еще варенья. Поп отнекивался, и видно было, что нарастающая артиллерийская гроза заставляла его трусить до того, что ему уже говорить стало трудно.

Внезапный свист снаряда раздался возле дома и за ним грохочущий взрыв, от которого вылетели стекла.

Кто-то шарахнулся в сёйях, кто-то кому-то наступил на шпору, шпора сломалась и впилась в ногу одному из ординарцев. Ординарец неестественно спокойным басом спросил:

— Кажись, меня ранило?

Григорьев с щеголеватым спокойствием опять подвинулся к столу и огляделся: попа не было. Громко и удивленно он спросил:

— А где поп?

Остальные были заняты каждый своим делом, на попа внимания не обратили. Кто-то буркнул:

— А черт его знает, где твой поп!

Григорьев меланхолично поставил стакан чаю на стол, решил поискать попа, — может быть, удастся раздобыть варенья. Шагнул к окну, тронул разбитое стекло, сказал: «А близко легла грапата», — выглянул. Под самым окном стояли кусты, заросшие крапивой. Поп сидел прямо под окном в крапиве, вжав в рясу голову, накрытую сверху шляпенкой. Григорьев удивленно рассматривал его несколько секунд, а потом нагнулся через окошко, потрогал попову голову руками, снял с него шляпу. Поп еще ниже втиснул голову между колен. Тогда Григорьев участливо спросил:

— Что, батя, здорово обожглись в крапиве?

Поп помолчал, потом постепенно стал выпрямляться, повернул худое лицо с тощей козлиной бородкой, пролепетал:

— Нет, знаете, крапива не очень, только я думал, что дом упал.

В комнате начался хохот. Григорьев снова нагнулся, нахлобучил на голову попу шляпенку, сказал:

— Ступайте, батя, лучше в погреб, тащите варенье, тогда я вас совсем отпущу в погреб отсиживаться.

— В-в погребе не опасно, вы думаете?

— Чего же? Если погреб крепкий, можно отсидеться.

Поп окончательно выпрямился, но свист новой гранаты заставил его мгновенно присесть. Граната разорвалась несколько дальше. И Григорьев спокойным, понукающим тоном еще раз сказал:

— Да бросьте, батя, сидеть в крапиве. Катись скорее в погреб и тащи варенье!

Поп встал и напрямик через крапиву, раздвигая ее руками и, видимо, не чувствуя ожогов, прошел

Д. С. Самусь

сквозь вишневый садик сначала шагом, потом мелкой рысью к погребу, который действительно земляным курганом возвышался в конце сада.

Григорьев отошел к самовару, потер руки, подумал, сказал:

— Нет, придется к нему в погреб вестового послать, тонка у попа кашка, не придет он обратно с вареньем, — и крикнул вестового.

Через несколько минут вестовой притащил из погреба две банки варенья. Чаепитие продолжалось.

А еще через полчаса штаб дивизии и командиры бригад догоняли полки.

Самусь

Звонок из Волочиска, из штаба первой бригады, позвал адъютанта командира дивизии.

— Слушает адъютант.

— Товарищ адъютант, на переправе ранили командира бригады...

— Где на переправе?

— Около мостика.

— Сейчас доложу командиру дивизии.

Адъютант опустил телефонную трубку, закричал встревоженно:

— Товарищ командир, слышишь? Командира первой бригады ранили, доносят из Волочиска.

Командир дивизии вскочил и выругался:

— Черт возьми! Тяжело ранили?

— Сейчас спрошу. Волочиск! Первая бригада?

— Первая.

— Слушайте, тяжело ранили командира бригады?

— Не знаю, говорят, в руку или в ногу.

— Он не знает, товарищ командир, в руку или в ногу.
— Ну ладно, я поскачу на переправу, а ты оставайся здесь.

Адъютант остался на командном пункте наблюдать за положением боя, а командир дивизии, спустившись к гребле, взял лошадь у ординарца и с одним из адъютантов и ординарцем поскакал на переправу.

Они обогнули широким галопом поле, обстреливаемое трехдюймовой артиллерией, и приблизились к школе.

Навстречу в тачанке ехал лежа комбриг Григорьев. Он был без сознания, лицо его было бледно, испачкано грязью и кровью. Его поддерживали двое казаков.

— Куда ранен? — на ходу спросил командир дивизии.

— В ногу.

— Везите в штаб дивизии, да, смотрите, осторожно, чтобы не растряссти.

— Не растрясем!

Командир дивизии в карьер поскакал в район переправы.

Район переправы обстреливали пушками «канэ». Снаряды ложились методически один за другим в районе моста, и командир дивизии, бросив свою лошадь ординарцу, пошел пешком, ложась на землю, когда приближался снаряд, и, переждав, перебежал к переправе. Он увидел груды лошадей и людей, лежащих друг на друге в беспорядке, и брошенный на землю флажок командира бригады.

Весь район переправы был изрыт шестидюймовыми снарядами. В гряде людей и лошадей, неподвижно лежащих, раздавался стон. Командир дивизии бросился туда и увидел, что начальник штаба бригады Данила Самусь лежит среди лошадей на краю воронки, образованной шестидюймовым снарядом.

Его лицо было бледно, одна рука оторвана, и в крови была нога. Но глаза открыты. Он стонал.

Данила Самусь — комсомолец, организатор черниговского комсомола. Весь восемнадцатый год он руководил подпольной комсомольской организацией. Во время гетманщины на Украине был захвачен петлюровцами и приговорен к расстрелу. Ночью его отвели к Днепру на расстрел и поставили к стене. Взвод дал залп, и Самусь был брошен под стену. На рассвете он пришел в себя. На теле у него было одиннадцать ран, и ни одной смертельной.

Он уполз от стены и, истекая кровью, приполз к одному из своих товарищей. Свой партийный подпольный доктор лечил раны Самуся; пеустанный уход товарищей поставил его на ноги, и в девятнадцатом году он пришел в червонное казачество.

Данила сделал весь поход против Деникина, завоевал уважение дивизии храбростью и спокойным, веселым характером.

Теперь он лежал на краю воронки от разрыва шестидюймового снаряда, изорванный осколками.

Командир дивизии подбежал к нему, поднял его голову. Самусь поглядел на него, глаза его были ясны. Он спокойно, очень тихим голосом спросил:

— А Григорьева тоже убили?

— Нет, Данила, Григорьев ранен, и его уже отвезли на перевязочный пункт. Сейчас я пришлю тачанку за тобой, вот только немного уменьшится обстрел, и тебя, во всяком случае, отвезем на перевязочный пункт.

— Нет, меня не нужно.

Очевидно, сознание смерти было совершенно ясно у Самуся. Он уже считал себя убитым, и командир дивизии, который положил его голову себе на колени, понял, что Самусь прав.

У него была оторвана рука, оторвана левая нога, совсем перебита осколком другая нога, его грудь и живот были разорваны осколками. Он доживал последние минуты, и, очевидно, его нервная система была поражена до такой степени, что он уже не чувствовал боли.

Шипение новых снарядов в воздухе стало слышней, и командир дивизии, взяв Самуся на руки, собрав его истерзанное тело и прижав его к груди, вместе с ним спрыгнул в воронку. Снаряд разорвался рядом. Он прижался к стенке воронки. Рядом разорвался второй снаряд. Землей засыпало воронку. Отряхнувшись от земли и высвободив засыпанные ноги, командир дивизии взглянул на Самуся, думая, что тот умер. Но Самусь был жив, только с трудом говорил и все больше терял силы.

Кровь лилась непрерывно из его ноги и из ран на груди и на животе, глаза стали постепенно угасать, и губы приняли тот землисто-белый оттенок, который означает скорую смерть.

Командир дивизии спросил:

— Может быть, кому-нибудь что-нибудь передать пужно?

— Нет у меня никого. Передай хлопцам, чтобы скорей шли на Збруч, отомстили за меня.

Он еще был жив, но не мог говорить. Командир дивизии сидел с ним на дне воронки, прижав его истерзанное тело и пробитую голову к груди. Глаза стали совсем неподвижны. Тогда он закрыл ему веки, положил его на дно воронки. Оторванная рука лежала в стороне среди лошадей. Командир дивизии положил ее на тело и побежал от моста к ординарцу. Он послал ординарца в 1-й полк, чтобы 1-й полк скакал к мосту на переправу поддержать атаку 2-го полка, а сам перебежал к мосту, лег в одну из воронок и наблюдал движение цепи 2-го полка.

2-й полк поднимался на гору. Перестрелка на фланге поляков становилась все эпергичнее и эпергичнее, когда сзади раздался топот и в конце улицы показалась идущая по трое на рысях колонна 1-го полка.

Командир дивизии выскочил из воронки. Сквозь дым снарядов, сквозь частые взрывы карьером справа по одному неслись всадники 1-го полка на мост, на переправу. И вместе с этими всадниками, рвущимися в атаку сквозь огонь, всегда спокойный командир дивизии, стоя на краю воронки, орал:

— Ура!

Фокус

В первых числах сентября, форсировав реку Свирж, червонные казаки повели наступление от села Княгиница на село Вержбица, которое занимали около восемнадцати эскадронов улан.

Как и всегда, уланы дрались пешими, окопавшись на подступах к селу Вержбица. Сквозь косую сетку дождя плохо просматривались подступы к селу, а за селом была замечена четырехорудийная батарея противника, которая была по 2-й бригаде. 2-я бригада в пешем строю наступала на Вержбицу. 2-й полк 1-й бригады цепями двигался по обеим сторонам шоссе. Но цепи наши залегли под артиллерийским огнем. Противник стал закапываться в землю. Местами червонцы перешли к обороне. Даже просто ходить по размокшей холодной земле под дождем было

неприятно, а бежать по ней перебежками под стонущим свистом пуль, зарываться в нее, прятать голову в мокрые ямки было совсем противно.

Наступление шло все более и более вяло.

Пулеметный и артиллерийский огонь противника все учащался. Цепь подвигалась все медленнее.

Командир 2-го полка, старый политкаторжанин, участник горловского восстания, Потапенко ходил по цепи спокойно, покручивал седеющий ус, покрикивал на пулеметчиков, чтобы не отставали от цепи.

Он был похож на человека, который занят делом по хозяйству у себя во дворе. Вид у него был хозяйственный. Бой для него, казалось, был таким же делом, каким для крестьянина в страдную пору бывает уборка сена, каким рабочему в гуле, в грохоте, в свисте машины кажется его дело у скрежещащего, ноющего и визжащего станка.

И эта простая деловитость, это полное спокойствие под огнем действовали на казаков не только ободряюще, но заражали их той же деловитостью.

При взгляде на Потапенко казалось, что все дело в том, чтобы споро и ладно сделать порученное тебе дело, дотащить пулемет до пригорка, удобно его окопать, укрыться шинелькой от дождя, заложить ленту, спокойно навести, поправить позицию пулеметных номеров, заставить и их пастроиться по-деловому — и потом уже, не торопясь, стараясь действовать спокойно, выбрать подходящую цель и огнем нападения срезать эту цель.

И когда дело удавалось, когда рассыпались от неприятельского пулемета, взятого под огонь, польские уланы, когда тыкались лицом в землю и не поднимались больше фигуры пулеметчиков, у пулеметной команды 2-го полка, слышавшей спокойный голос Потапенко: «Вот это молодцы, хлопцы, вот это попали», возникало такое же ощущение, какое обычно возникает у человека, если он правильно, толково сделает порученное ему дело.

Частые удары гранат ложились среди цепи 2-го полка. Уланская батарея перенесла огонь со 2-й бригады по цепям казаков Потапенко. Гранаты ложились в цепь, с грохотом выкидывали вверх густые, тяжелые в дожде, но быстро тающие в столбах черного дыма осколки и фонтаны мокрой земли. В цепи стонали раненые.

И так же деловито Потапенко покрикивал:

— Эй, хлопцы, там во втором взводе у вас кого-то,

кажись, зацепило. Донесите на бурках до тачанки да отдайте хвершалу!

Все это входило в систему дела и было частью деловой работы.

Хлопцы брали раненого и доносили его на перевязку. Это мало действовало на психику. Это было необходимой частью в большом, сложном деле, которое разворачивалось на поле.

Потапенко шел вместе с цепью, изредка ругался, иногда во весь голос матерился, но матерился он на тех пулеметчиков, которые не быстро и не расторопно таскали ленты, которые были плохими работниками в этом большом и сложном боевом хозяйстве полка. И 2-й полк быстрее других частей продвигался к селу и, наконец, взял под пулеметный огонь вишневые сады, на опушке которых группировались уланы.

В это время на бугре, сзади Потапенко, появились штаб дивизии и командир 1-го конного полка. Оглядев конную группу, которая выехала к дорожному кресту, а затем спешила и отправила лошадей назад за бугор, Потапенко почувствовал прилив хозяйственности: старший хозяин приехал поглядеть, все ли в порядке.

На бугре, у креста, в штабе дивизии произошел короткий разговор, как решить бой. До батареи противника по шоссе было около трех километров. Батарея была довольно хорошо видна. И штаб дивизии приказал 1-й батарее, бывшей в 1-м полку, стать на позицию, а самому полку идти по лоштинке справа, в обхват.

С батареей, для того чтобы ее нельзя было увести, намечено было сыграть фокус. Из первого полка был вызван пулеметчик, известный всему полку своей лихостью. Командир полка в присутствии командира дивизии приказал ему сделать вид, что он со своим пулеметом перебегает на сторону поляков. Его тачанка должна была карьером пройти на батарею по шоссе. Вслед ей полувагон 1-го полка должен был открыть в воздух огонь, а, подойдя к батарее, тачанка должна была повернуться и взять под пулеметный огонь батарейную прислугу.

Дело было рискованное. Но скуластый сероглазый пулеметчик с веселым и задорным лицом ухмыльнулся, сказал не по-служебному:

— Ладно, товарищ командир, я их нагрею.

В тачанку к нему был еще дан пулеметчик с ручным

пулеметом «льюис». И когда полк вышел к батарее и был от нее примерно в двух километрах, тачанка сорвалась с холма и карьером понеслась по шоссе к противнику.

Вслед ей затрещали беспорядочные выстрелы. В погоню кинулись несколько всадников. Но пулеметчик нахлестывал лошадей, всадники не догнали, и поляки, которые сначала встретили тачанку выстрелами, прекратили стрельбу и стали ждать, что же будет дальше.

Им казалось, что одна повозка, которая летит к ним во весь опор, во всяком случае не может быть опасна для целой батареи, стоящей на позиции.

Тачанка подлетела к батарее на четыреста шагов, пулеметчик придержал коня, заорал ездовому:

— Поворачивай, Дмитро, тачанку, повернись на скаку!

Взмыленные кони остановились. Пулеметчик на ходу выскочил из тачанки и лег на землю, и два «льюиса» взяли в работу батарею.

Прислуга на батарее заметалась, часть кинулась за щиты, укрываясь от пуль, несколько человек из прикрытия бросились прочь от батареи за бугор, ошеломленные внезапным огненным шквалом.

А из ложбины с гиком и ревом уже шел в атаку 1-й полк. Мокрая земля летела из-под копыт черными брызгами. И через минуту на остановившуюся батарею ворвались атакующие всадники. После короткой рубки с батареей было кончено. Батарея замолкла, а полк рассыпался по полю, повернул частью на коноводов уланского полка, частью вслед артиллерийским лошадям, на которых ездовые уходили в карьер от батареи на запад.

По всему полю поднялся рев. 2-й полк и 2-я бригада вскочили, без толку бежали по полю к спешенным частям противника, кричали:

— Коноводы, коней!

Бешенство атаки передалось всем наступающим. Труба вызывала коноводов. И через несколько минут диким табуном к спешенным всадникам подлетели их кони. Полки вскочили на коней. Общая конная атака кончила бой далеким преследованием. За день было захвачено до трехсот пятидесяти коней и пятнадцать пулеметов.

ЗАПАСНЫЙ ДИВИЗИОН

Лето 1920 года. Червоно-казацья дивизия сражается с белополяками и петлюровцами в Подольской губернии¹. Бой ведет тяжелые, несет потери. Дивизии нужно пополнение.

Для этой цели в Константинограде на Полтавщине работает штаб формирования. Возглавляет его помощник начдива по тылу Андрей Васильевич Багинский — живая легенда: весь пулями изрешеченный, без руки, а всегда энергичен и бодр. У него помощниками — уполномоченные по набору добровольцев, в том числе Н. Ф. Кобзарь, при котором я состою для поручений. Никифор Федорович лет на пять старше меня, восемнадцатилетнего, но не эта разница в возрасте, а его боевой стаж, известное всем бесстрашие, выдвинувшее рядового казака в сотники, вызывают мое искреннее уважение. Я стараюсь во всем, чем могу, помогать Кобзарю. Молодых людей, желающих служить в червоном казачестве, много, и с каждым надо побеседовать. Потому рабочий день наш длится с утра до ночи.

Среди новых добровольцев хорошо запомнились мне земляки из Ахтырского уезда: Андрей Выходцев (он стал командиром взвода), рабочий-сапожник Иван Афанасьев, группа парней из села Хухря — Петр Хмлобок, Андрей Ткаченко, Влас Куцай, братья Руденко.

Перед тем как отправиться на фронт с маршевой сотней, молодые бойцы проходили обучение в запасном дивизионе, который находился в Константинограде. Командиром дивизиона был Дмитрий Степанович Юдин, художавый, высокий и стройный, посивший неизменно фу-

¹ Ныне территория Винницкой и Хмельницкой областей.

ражку с желтым околышем — единственную, кажется, вещь, оставшуюся у него от прежнего вахмистрского обмундирования. В тонкостях политических вопросов он не очень разбирался, но за Советскую власть воевал активно, без колебаний (умер Д. С. Юдин в двадцатых годах от туберкулеза). Адъютантом, то есть начальником штаба, был черниговский, лет за сорок, Афанасий Дятлов — маленького роста, рогачиком ноги, шапка набекрень, всегда озабоченный делами. Сотнями командовали запорожские казаки — старик с бороδοю клином Михлик, пожилой усач Мистрюков и другие.

Была в дивизионе комсомольская ячейка. Председателем ее избрали Ковтуна, высокого брюнета лет двадцати четырех, секретарем — меня. Молодежи не больно хотелось задерживаться в тылу, все рвались поскорее в бой. Говорили:

— Примаков теперь в Галиции, а мы тут сидим и хлеб даром едим...

— Не волнуйтесь, ребята, работы хватит и вам, не сегодня завтра двинемся, — разъясняли сотники нетерпеливым.

Наконец получен приказ о выступлении. Общее ликование, песни, пляски. Командиры и политработники в беседах говорят о необходимости строгого порядка и дисциплины в пути следования.

Дивизион идет на запад вслед за своей Червонно-казачьей дивизией как бы вторым эшелоном. В лесах попадаются диверсионные группы, оставленные врагом при отступлении, кулаки с ними заодно. Первые выстрелы — пробная закалка.

Вот и река Збруч. По одну ее сторону — земля Украинской Советской Республики, по другую — Галиция, где бьются с польской шляхтой наши боевые товарищи. При переходе моста в Волочиске кто-то из молодых запел на мотив «Бородино», только слова другие:

Скажи, товарищ,
Ведь недаром
Папы бежали под ударом —
Им красный штык знаком.

Стояли мы тогда над Збручем.
Вспели над папами тучи,
Под пулеметный шум трескучий
Сказал нам боевиком:

Товарищи! Вы над границей,
Вы перед новою странницей
Истории своей.

Вновь перейдя огонь и воду
Вы галицийскому народу
Несите Красную свободу,
Свободу поскорей!

Западноукраинские села встречают нас очень приветливо, с цветами.

— Ви теж червонцы? — спрашивает старый крестьянин меня и моего друга Сапу Стрельцова.

— Да. А откуда вы, дедушка, знаете червонцев?

— Та я даже самого Приймака бачив. Вин був и у нас в Великих Ходаках, як йшов у тил пильсудчикам.

В этих Великих Ходаках, как и в других селениях Галиции, культпросвет дивизиона ставил спектакли. Театральным залом служили большие клуны, фольварки. Режиссером и артистом был двадцатилетний Андрей Ткаченко — коренастый, всегда веселый, не падающий духом, с любимой поговоркой: «Дивись тильки вперед».

В спектаклях участвовали политпросветчик Сапа Стрельцов, лекпом Шалита, парикмахер Осмап и новый адъютант, сменивший Дятлова, который с маршевой ротой выбыл в дивизию.

Наши представления собирали много зрителей, особенно молодежи. Происходящее на сцене воспринималось ими с наивной непосредственностью. Как-то в небольшом фольварке шла антирелигиозная пьеса, в которой поп приходит к политзаключенному перед смертной казнью, уговаривает покаяться в грехах и надеяться на загробную жизнь, а тот доказывает попу, что религия — это дурман. После спектакля нас окружили парни и девушки. Узнав во мне «попа», одна дивчина упрекала:

— Ой-ой-ички, такой хвайний пан, а грав гадливого попа!

Относились галичане к червонным казакам с большим доверием, жаловались нам на куркулей и помещиков, просили: «Не пускайте сюда больше проклятых шляхтичей». Молодые и среднего возраста крестьяне вступали добровольцами в наши ряды. Помню, звали одного Тодосько, он явился даже с лошастью, единственной у семьи.

Дошли до Тернополя. Сентибрьской ночью расположились у проселочной дороги, ведущей на Волочиск. Мимо

везут рапелых: где-то совсем рядом идут бои. Проходят на восток пехотные части.

Около нас останавливается автомобиль с горящими фарами. Выходит какой-то человек — коренастый, в очках, с пышной шевелюрой, одет в простую солдатскую форму, на груди орден Красного Знамени. Приблизился, спрашивает:

— Какая часть?

Не зная его, я отвечаю:

— Червонцы.

Вскоре прискакал Юдин, быстро слез с коня, подбежал к этому человеку с рапортом:

— Товарищ член Военного совета! Запасный дивизион Червонно-казацкой дивизии в боевой готовности, ожидает приказа.

Это был В. П. Затопский. Чуть улыбнувшись, он сказал:

— Запасный, а прикрывает отошедшие части... Приказываю сейчас же отойти (указал рубеж), иначе нас порубают польские уланы.

— Слушаюсь! — ответил Юдин и тут же скомандовал: — По коням!

Вслед за машиной Затопского отправились наши конные сотни.

Зима 1920 года. В дивизионе новый командир — Сергей Букацель. Искусный кавалерист. Всегда бодрый, весьма строгий, подтянутый. И комиссар новый — Писклов. Дивизион на подходе к селу Рахны на Винничине. Впереди седой лес. Высланы дозоры, осматривающие местность.

Бдительность нужна: вокруг орудуют кулацкие банды. Совсем недавно в схватке с ними погиб всеобщий любимец Деписенко. Заехав в одно село, он столкнулся с большой бандитской группой. Началась перестрелка. У старого червонца меткий карабин, многих уложил. Но патроны кончились, осталась последняя граната-лимонка.

— Сдавайся! — кричат ему, тяжело раненному.

Обливаясь кровью, наш богатырь и гранату бросает на врагов. К нему подошли, когда убедились, что он уже мертв, и мертвого посекали от злости шашками и кинжалами...

ОДНА НОЧЬ В СТРЫЕ

Поздно вечером 20 августа 1920 года 3-я бригада М. А. Демичева подошла к реке Стрый. За нею виднелись уже окраины города Стрый, надо лишь прорваться через мосты. 6-му полку Василия Федоренко было приказано захватить шоссе́нный мост, а 5-му полку Ивана Самойлова — железнодорожный.

На шоссе́нном мосту, перегороженном баррикадой из бочек, рогаток, ящиков, конные сотни были встречены шквальным огнем станковых пулеметов. После двух атак всадники, потеряв десятки бойцов и много лошадей, откатились назад. На мосту, в пролете, застряла наша пулеметная тачанка с убитыми копыми. Уже темнота наступала. В городе зажглись электрофонари. Осветился и мост.

Времени терять нельзя было ни минуты. И лучше всех понимал это комбриг Демичев, находившийся в тот момент в нашей третьей сотне 6-го полка. Помню: гарцуя на горячем копе, Михаил Афанасьевич выхватил саблю, взмахнул над головой, громко крикнул: «Марш, марш!» — и первым понесся к шоссе́нному мосту. Он был уверен в своих бойцах. За комбригом вслед, рядом с ним поскакали коммунисты, человек семь-восемь. Увлеченные этим порывом, устремились за нами вся третья сотня Васильева и часть первой сотни Салькова. Несмотря на ураганный огонь противника, червонные казаки ворвались на мост, раскидали баррикаду, изрубили пулеметчиков и до шестидесяти пехотинцев. Захваченные нами четыре станковых пулемета были повернуты в сторону набережной, где за камнями укрылась белопольская пехота. Противник растерялся и ослабил ружейный огонь. Этим воспользо-

лись остальные две сотни 6-го полка и проскочили мост.

Улицы Стрыя были освещены фонарями. Во многих домах не тушили свет, только закрывали окна, боясь шальных пуль и гранат.

Польские жолнеры всячески пытались задержать нас хотя бы на окраине — стреляли из-за углов, бросали гранаты. Сопротивляющихся офицеров и солдат червонцы рубили клинками, сдающихся в плен — обезоруживали.

Большая группа казаков-коммунистов построилась поперек главной улицы, ведущей к вокзалу, и с обнаженными шапками, крича «Ура! Даешь Стрый!», поскакала сквозь вражеский огонь. В этой группе был Илья Дубинский, военком 2-й бригады, присоединившийся к атакующим на площади у моста. Там же были Федор Тачаев, Семен Богданов и Александр Горбач.

За коммунистами устремился весь 6-й полк. Ни пулеметно-ружейный огонь, ни частые взрывы гранат не смогли остановить червонцев. Падали люди, падали кони, но сотни на галопе мчались вперед.

На вокзальной площади встретили нескольких рабочих парней. Они показали, как попасть на стационарные пути, предупредили, что там стоит бронепоезд «Панцерник».

Быстро сориентировавшись, наши сотни прямо на конях ворвались в вокзал через главный вход и боковыми въездами — на перрон.

Что за картина перед глазами! Вокзальное здание и перрон забиты офицерами, жандармами, буржуями. Всюду разбросаны чемоданы, мешки, баулы. У вагонов бронепоезда толпа жаждущих удрасть, одни азартно отталкивают других. Вот так кутерьма!

С отчаяния некоторые и тут открыли стрельбу. Мы пустили в дело гранаты и пашки — утихомирили.

Казаки вплотную подскочили к «Панцернику» и принялись рубить тех, кто вцепился в поручни, стойки вагонов. Состав тихим ходом пошел в сторону Дрогобыча. Ничего, далеко не уйдет — выходные-то стрелки уже взорваны! Вот и встал, дальше ехать некуда. С бронепоезда, как горох, посыпались неудачливые беглецы, побежали в ближние уллицы. Какой-то отчаянный артиллерист дал пару орудийных выстрелов, но картечь повредила лишь штукатурку на здании и разбила стекла.

В это время на другом конце станции застрочили пулеметы, слышались винтовочные залпы. Мы поскакали туда. Оказалось, поляки пытались угнать два эшелона с боеприпасами и обмундированием, но наскочили на нашу заставу. Несколько минут потребовалось, чтобы разогнать из вагонов шляхтичей.

Многие казаки тут же сменили свою потрепанную в боях одежду на новенькие серо-голубые френчи и галифе из добротного французского сукна. Почти весь личный состав обоих наших полков вооружился браунингами, кто одним, а кто и двумя, хорошо запаслись патронами. До тех пор казаки очень нуждались в пистолетах и берегли их для ближнего боя.

Примерно к двум часам ночи стрельба в городе утихла. Только на окраине слышались еще ружейные выстрелы, пулеметная трескотня — там 5-й полк преследовал отступавшие польские части. Гроыхнул взрыв — наши взорвали железнодорожный мост.

Штаб 6-го полка сигналами трубача собирал своих казаков на привокзальной площади. Один взвод был оставлен на станции как прикрытие, остальные шагом двинулись по притихшей главной улице. Впереди третьей сотни ехали коммунисты, они запели «Интернационал». Весь полк подхватил гимн восставших пролетариев. Пели на разных языках. Среди нас, в большинстве русских и украинцев, были сыны и других братских народов — эстонцы Отто Штейн, Александр Терфсльд, Август Боллод, латыши Вильгельм Лукс, Янковский, татары Негаматулин, Байрамкулов, поляки Ян Маляво, Стапислав Новак. Каждый пел на родном языке.

Г. П. Сазыкин

В боевые ряды построились славные полки 1-й Запорожской дивизии имени Французской компартии; впереди слева — начальник
М. А. Демичев

Жители города стали открывать окна, отодвигать шторы и занавески. С интересом смотрели они на червонных казаков, прорвавшихся в глубокий тыл войск Пилсудского.

В это время Федор Тачаев со своим отделением очистил станционные пути от разношерстной публики и повел бойцов на розыск вражеских солдат и офицеров, прятавшихся по частным домам и даже в госпитале. В госпиталь вызвали и меня. Втроем — с Тачаевым и пулеметчиком Семеном Богдановым — мы в присутствии врача осмотрели палаты. Нашли четырех офицеров совершенно здоровых, они лежали под одеялами в полной своей форме, не успев снять даже сапоги со шпорами. Мы отобрали пистолеты и документы и взяли с них «честное слово шляхтичей», что они воевать с Красной Армией не будут. Врачу указали на нарушение конвенции о Красном Кресте. Тот извинился, заявив, что боялся офицеров, забежавших в его госпиталь. Мы посоветовали

зачислить их санитарями в те же палаты, где они обнаружены.

Все это происходило на глазах десятков раненых польских солдат, которые решение наше приняли одобрительно. Более крутых действий мы не могли себе позволить. Госпиталь — не место для расправы со сдающимся противником. Да и сами раненые нам помогли пайти этих офицеров, показывая глазами на койки, где притаились здоровые тусы.

Ни один раненый не был тронут. Мы пожелали им скорого выздоровления и отпусков по домам. Мне кажется, наша линия поведения произвела нужное впечатление на раненых солдат и медперсонал, создала Красной Армии и коммунистам десятки потенциальных друзей.

Закончив проверку госпиталя, мы двинулись было на сигнал сбора, но тут откуда-то с крыши застрочил пулемет. Пришлось блокировать этот дом, спешиться и забраться на чердак. Там оказались отчаянные гимназисты под командой фельдфебеля. Две ручные гранаты, брошенные нами, сделали свое дело. Пулемет был разбит, трое безумцев убиты, а остальные сдались. Вояки расплакались, их прогнали домой. Фельдфебеля забрали в штаб полка.

Только спустились во двор — подбежал какой-то человек. В городской тюрьме при магистрате, сообщил он, сидят рабочие с нефтяных промыслов Дрогобыча, арестованные за забастовку протеста против войны с Советской Россией. Наш вестник и сам был из их числа, в суматохе сумел убежать.

Мы решили освободить братьев-рабочих. Во дворе магистрата наткнулись на старика надзирателя, взяли у него керосиновую лампу. Он указал нам караульное помещение с охраной и кабинет смотрителя, где хранятся ключи от камер.

Семен Богданов с ручным пулеметом остался при конях прикрывать нас, трех бойцов, отправившихся за ключами. Как только вошли в темный коридор, с другого конца его затрещали карабины и револьверы. Лампа у нас была разбита, керосин загорелся на каменном полу.

Две ручные гранаты, брошенные Вильгельмом Луксом и мною, моментально успокоили ретивую стражу. Несколько жандармов было убито и до десятка ранено. Со

В. И. Алоксеев

стола дежурного взяли ключи от камер.

А в тюрьме уже слышались крики: «Червонной Армии виват!» Где-то наверху запели «Интернационал».

Мы быстро открыли камеры первого этажа, вооружили освобожденных узников карабинами и пистолетами и отправили во двор магистрата на подкрепление червонцу Богданову. Раздобыли свечей и пошли на второй этаж. Там выпустили из камер человек шестьдесят. Это были дрогобычские нефтяники. Куда они теперь?

— С вами пойдем, то-

варищи. Домой идти невозможно: опять арестуют и засудят.

Одип рабочий указал на женщину, выпущенную из камер:

— Эта не наша. Она крада детей, а потом требовала от родителей выкуп.

Шантажистку тут же опять заперли в камеру — справедливое и скорое решение.

Колонна освобожденных из тюрьмы пролетариев — было их до трехсот человек — двинулась на площадь. По дороге люди подбирали брошенное противником оружие и патроны. Кому-то попался исправный станковый пулемет.

Привели мы с Семеном Богдановым пешее пополнение в свой полковой штаб.

Командир полка Василий Федоренко развел руками и сказал:

— Привет вам, хлопцы, за уважение и за желание служить Советской власти в наших рядах. Но знайте: мы уходим обратно ко Львову и дальше на Украину. Кто хочет остаться здесь, не неволим, оставайтесь, помогайте рабочему классу бороться с шляхтой. В общем, решайте...

Сам собою возник короткий митинг. Выступали на родном языке бойцы-поляки и с ними военком 3-й бригады Генде-Роте, боевой наш товарищ, член партии с 1905 года. Из колонны выделилось более ста человек — решили идти с нами.

Рано утром мы похоронили убитых товарищей на Леваде, за рекой Стрый, отдали им последние почести троекратным залпом. И двинулись на соединение с 1-й и 2-й бригадами. Впереди были новые горячие бои с польскими и петлюровскими частями.

Только одну ночь червонные казаки были в городе Стрый. Наша задача — захватить город и железнодорожный узел, уничтожить живую силу противника в этом районе, спутать карты польскому командованию — выполнена. Мы, конечно, не могли организовать там органы Советской власти, такая цель перед нами и не ставилась. Но одно было ясно: трудовое население встретило нас с большой радостью и было опечалено быстрым нашим уходом.

В заключение хочу сказать о судьбах некоторых своих боевых товарищей по третьей червонной сотне. Вильгельм Лукс, оставшийся верным кавалерийскому оружию, командиром эскадрона пошел на войну против немецко-фашистских захватчиков и погиб в бою под родной Ригой. Много лет я был дружен с бывшим командиром отделения Федором Тачаевым и пулеметчиком Семеном Богдановым; смерть унесла их в последние годы. Большой путь прошел Отто Штейн — он теперь профессор, доктор философии, живет в Таллине. С Александром Горбачем, полковником в отставке, мы встречаемся в Ленинграде.

В нашем городе живет еще один участник тех боев — бывший полевой адъютант начальника артиллерии В. И. Алексеев. 18-летним добровольцем вступил он в Красную Армию, окончил в первом выпуске Московские артиллерийские курсы, был командиром артвзвода в 41-й стрелковой дивизии, а с апреля 1920 года стал червонным казаком. В дальнейшем Владимир Иванович 37 лет служил в Военно-Морском Флоте, вышел в отставку капитаном первого ранга.

Боевые походы червонцев, в том числе незабываемый стрыйский рейд, сдружили нас навсегда.

СЛУШАЯ ГОЛОС ИЛЬИЧА

Погожий осенний день 1920 года. Полк червонных казаков с приданной ему конной батареей входит в небольшое местечко неподалеку от бывшей австро-венгерской границы.

Тут только что орудовали петлюровцы. Отдельные мазанки еще горят. Вместе с клубами дыма ветер поднимает пух и перья. Другие дома целы, на их белых стенах выведены углем кресты и надписи: «Здесь живут православные».

Рядом с чающимися развалинами, среди поломанной мебели и скарба лежат обезображенные трупы. Седая женщина с бледным, как мел, лицом склонилась на коленях перед обнаженным телом девочки-подростка. Осторожно удаляет она порыжевшую от крови соль, которой засыпаны рассеченные груди убитой.

Червонцы видят эту картину. Потупив глаза, не решаются подойти, нарушить скорбное молчание матери.

Но вот отгремел салют над братской могилой бойцов, павших в скоротечном бою. Убраны жертвы бандитского погрома.

К середине деревенской площади выкатывается руками пулеметная тачанка. На нее водружают граммофон с блестящей трубой.

К тачанке подходит коренастый командир нашего артдивизиона Михаил Осипович Зюк.

— Коммунары! — обращается он к собравшимся казакам. — Вы видите, что натворили здесь петлюровцы. Сколько людей, ни в чем не повинных, погибло, мирные жилища сожжены... Убит председатель местного Совдепа. В его домике мы нашли пластинку с речью Владимира

Ильича Ленина. Чудом уцелела. Давайте послушаем.

Наступила тишина, изредка прерываемая конским ржанием и потрескиванием догорающих бревен. Завели граммофон. Поставили пластинку. Усиленный большой трубой, раздается характерный голос Ильича:

«Антисемитизмом называется распространение вражды к евреям. Когда проклятая царская монархия доживала свое последнее время, она старалась натравить темных рабочих и крестьян на евреев. Царская полиция в союзе с помещиками и капиталистами устраивала еврейские погромы...»

Вокруг напряженное внимание. Казаки, расположившиеся сзади, подходят ближе, постепенно уплотняют порванные ряды. Вон пробирается пожилой подтянутый Сиренко. Это старый солдат, дослужившийся в царской армии до унтер-офицера. У нас в дивизионе он командует артиллерийской разведкой. Не раз приходилось слышать от него нелестные выражения по адресу евреев. Теперь вижу — стоит задумавшись, ловит каждое слово.

«...Позор тем, кто сеет вражду к евреям, кто сеет ненависть к другим нациям. Да здравствует братское доверие и боевой союз рабочих всех наций в борьбе за свержение капитала!»

Голос смолк, но пластинка вертится на диске и тихий шорох раздается из граммофонной трубы.

Я наблюдаю за Сиренко: интересно бы узнать его думы. А он, расталкивая казаков, приближается вплотную к тачанке и говорит Зюку:

— Товарищ командир, вы знаете меня: я человек упрямый и не шибко грамотный. Было такое, не скрываю, крепко поругивал евреев и тех, кто их защищал.

С. Л. Лозовский

Да, видно, пришло время разобраться в этом вопросе как следует. Прошу, разрешите еще раз послушать товарища Ленина.

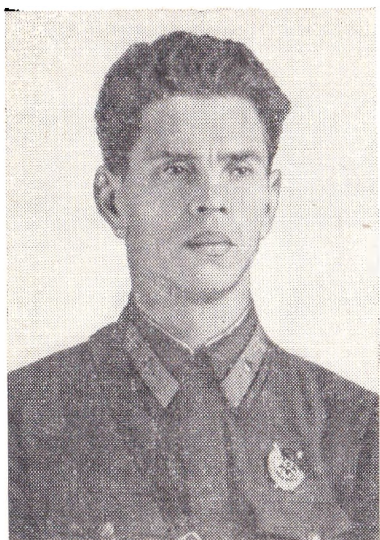
Михаил Осипович понимает волнение казака. Смотрит на других: как они? Но люди не расходятся, ждут. Появляются и уцелевшие жители местечка.

Вторично заводится граммофон. И вновь над разоренным селением, над белой от пуха и черной от копоти землею звучит правдивая речь вождя.

ПОСЛЕДНИЕ СХВАТКИ

Было совершенно ясно: петлюровские войска, точнее, то, что осталось от них к ноябрю 1920 года, окончательно обречены. Еще недавно украинский националист Симон Петлюра хоть мог рассчитывать на сильных союзников — пана Пилсудского и барона Врангеля, у которых он был в политическом и военном услужении. Но панская Польша, выдохшаяся в кровопролитной битве против Красной Армии, заключила перемирие с Советской Россией, а Врангель, разбитый пролетарским полководцем М. В. Фрунзе на Перекопском перешейке, быстро откатывался к южному берегу Крыма и пекся лишь о собственном спасении. Теперь петлюровцы оказались в жалком одиночестве, и единственным, что еще подогревало в них надежду, был их численный перевес над советской 14-й армией, непосредственно им противостоявшей. Войска Петлюры включали в себя тогда шесть пехотных дивизий (35 тысяч штыков), две конные дивизии и кавбригаду (5 тысяч сабель). В 14-й армии были четыре стрелковые дивизии (41, 45, 60-я и в резерве 12-я), насчитывавшие каждая от 6 до 8 тысяч бойцов, конный корпус червонного казачества в 3 тысячи сабель и бригада Г. И. Котовского из 700 кавалеристов.

На арифметический шанс, видимо, и уповали петлюровцы, намечая свое наступление на 12 ноября. Располагались они тогда в районе города Летичев и южнее до Днестра. А Червонный корпус находился к югу от железнодорожной станции Жмеринка — в селе Красное и ближайших пунктах. Когда через разведчиков, действовавших на неприятельской территории, стало известно о замысле противника, штаб 14-й армии разработал план

В. И. Чайкин

упреждающего удара по петлюровской группировке. Важная роль в этом плане отводилась червонцам, которые испытанным маневром — глубоким рейдом во вражеский тыл — должны были обеспечить успех советской пехоте на фронтовой линии.

В операции участвовала только старая — 8-я дивизия конкорпуса, а новая — 17-я, еще формирувавшаяся из потрепанных в боях различных кавалерийских частей, была оставлена на месте, в селе Красное, как армейский резерв.

В среду 10 ноября вечером все три бригады 8-й дивизии под командой комкора В. М. Примакова и со штабом корпуса во главе с С. А. Туровским перешли в Старую Мурафу, на участок 60-й стрелковой дивизии. Там на рассвете 11 ноября был совершен прорыв фронта в направлении Шаргорода, и червонные полки начали продвигаться на запад. Само местечко Шаргород было обойдено севернее.

Туманное и холодное утро. На деревьях иней. Земля под копытами лошадей позванивает. Дивизия идет налегке, без обозов, зато с десятью пушками. Авангардом движется 1-я бригада, имея впереди, в трех верстах, кавдивизион, который посылает во все стороны взводные разъезды, в конце — 3-я бригада, прикрывшаяся сзади двумя конными сотнями. Предусмотрено все, чтобы не случилось какого казуса.

Первое столкновение с противником происходит в селе Шестаковка. Атаковав его в конном строю, передовой дивизион взял в плен до семидесяти пеших петлюровцев. Затем пошло: село Ивашковцы — восемьдесят пленных, местечко Лучинец — двести, да еще интендантский склад и обоз, из которого каждый полк получил по повозке сигарет.

Вечер застал дивизию в Куковке. Во взятии села отличилась сотня Афанасия Мосина из 5-го полка. Идя в авангарде, она лихо атаковала пехотное прикрытие, захватила сто пленных и обоз со снарядами и оружием (за этот бой сотник Мосин удостоен ордена Красного Знамени). А всего пленных в Куковке взято триста человек, в числе трофеев были два орудия и десять пулеметов. Здесь согласно приказу была ночевка, люди расположились на отдых в хатах приветливых куковских крестьян, лишь 4-й полк Александра Коротчаева отправился в поселок Ярышев, забрал там обоз, пленных и ночевал в Ярышевской слободе.

Итак, первый день рейда — четверг 11 ноября — закончился внушительным итогом. А следующий оказался для петлюровцев поистине «черной пятницей».

С рассветом ушел из Куковки 3-й червонный полк со взводом артиллерии. Он соединялся в Ярышеве с 4-м, чтобы всей бригадой идти затем на Могилев-Подольский, где, по данным разведки, стоял штаб петлюровской пулеметной дивизии.

Две другие бригады выступили со стоянки часов в девять, совсем засветло. 3-я со всем составом штабных сотрудников направилась к селу Озаринцы, 1-я взяла несколько севернее — на село Вендичаны. Местность эта была обжитой — тут пересекались торговые тракты, рядом проходила линия железной дороги. Предполагалось, и не без оснований, что именно здесь быть сражению с петлюровскими частями, которым неизбежно придется отступать под натиском красной пехоты.

Комбриг 1 П. П. Григорьев, выбив какое-то подразделение из леса западнее Вендичан, вышел на берег речки Серебряя и завязал огневой бой с противником, засевшим в самом селе. Две сотни 1-го полка под командой Владимира Примакова (младшего брата комкора) были посланы к Озаринцам. Боковой дозор из сотни Ивана Никулина, как рассказывали потом участники, заметил на возвышенности неприятельского наблюдателя. Казаки хотели его захватить — тот пытался скрыться в глубоком овраге, но был все-таки пойман. Перепуганный петлюровец сообщил, что в овраге «отдыхают» два офицера. Их тоже схватили.

Прибыв в селение, сотня остановилась на привал око-

ло церкви. Вдруг подъезжает петлюровский вахмистр и кричит:

— Панове, тікаймо швидче!.. Більшовики...

Осмотревшись, он побледнел и затрясся — большевики-то были перед ним.

За крайними домами слышались выстрелы — в село входили петлюровцы. По команде Никулина червонная сотня вскочила на коней, бросилась в атаку и пробилась клинками. Но схватка еще не кончилась: с другой стороны наседали кавалерийский отряд. Он был встречен пулеметным огнем, несколько всадников и лошадей упали на землю, вражеский наскок сорвался.

Самая главная батальня разыгралась, однако, на дорогах и в балках между селами Вендичапы и Озаринцы. Там 3-я бригада М. А. Демичева столкнулась с одной из «надежных» петлюровских частей — конной бригадой полковника Фролова.

Личностью Фролова я интересовался, изучая документы по истории червонного казачества. В фондах библиотеки Львовского филиала Академии наук УССР обнаружили материалы, свидетельствующие о честолюбии этого типа. Фролов имел под своим началом два конных полка — донских казаков и «черных запорожцев». Выходец с Дона, он полагал, что, как только пробьется в родные места, сразу же получит широкую поддержку земляков-единомышленников, соберет большое войско и станет донским властелином. Увы, после переброски из-за кордона недолго был путь авантюриста, и не всемогущим атаманом стал он, а жестоко побитым псом.

3-я бригада червонцев, решившая участь фроловской конницы, к полудню 12 ноября расположилась в балке у перекрестка дорог. Тут же и полевой штаб корпуса. Вокруг высланы конные разъезды для «освещения» местности. Один из них, пройдя по Могилевскому шоссе версты три, увидел далеко впереди кавалерийскую колонну с огромным белым знаменем.

Об этом доложил В. М. Примакову прискакавший гонец. Виталий Маркович пожал плечами: идут сдаваться?.. Комкор и комбриг решили выйти навстречу петлюровцам, взяв с собою 5-й полк Ивана Самойлова, а 6-й, которым командовал Василий Федоренко, и артиллерийская батарея остались в балке.

Не зная еще, чем все кончится, две колонны медлен-

по сближались и примерпо в тысяче шагов друг от друга встали. По беглому подсчету, у противника было 700 — 800 сабель, а 5-й полк имел 400 бйцов.

Нужно было выяснить намерение белых, и Примаков послал для переговоров группу червонцев. С ними отправились горячий, порывистый, ненавидевший «контру» главный артиллерист Михаил Зюк и столь же неистовый молодой адъютант комкора Борис Кузьмичев. Переговоры не заняли много времени. С расстояния двести шагов Зюк прокричал:

— Эй, кидайте зброю!

— А хто вы таки? — послышалось в ответ.

— Мы червонцы!

— А сколько вас?

— На вас хватит!..

Петлюровские нервы не выдержали такой «дипломатии» — раздались ружейные выстрелы. Зюк с товарищами поскакал к своим.

Теперь ясно, что быть жаркой схватке. Комкор отправил Кузьмичева за 6-м полком, а 5-й полк, стоявший на возвышенном отрезке дороги, приготовился к бою, выбросив на фланги пулеметные тачанки.

Белая конница в это время, взяв с места в карьер, мчалась вдоль тракта. Преодолевав подъем, она изрядно выдохлась, растянулась, атакующий порыв ее ослабевал.

В нужный момент Примаков дал команду к контратаке, и свежие кони понесли червонцев 5-го полка. Две кавалерийские лавы сцепились в бешеной свалке — звенели клинки, отчаянно кричали люди, дико ржали лошади.

По вызову Примакова 6-й полк, артиллерийская батарея и полевой штаб поднялись на шоссе и спешили к месту сражения. На горбе волнистой дороги остановились. Вперед выдвинулись пушки, готовые по первому сигналу открыть огонь. Неподалеку находились сотрудники штаба с красными знаменами дивизии, охраняемые комендантской сотней. Здесь были работник оперативной части С. Шильман, начальник разведки Е. Журавлев, начальник политотдела С. Красный, прибывший накануне на стажировку из Военной академии Адамсон и другие товарищи. Конники 6-го полка укрылись в нескольких шагах, ожидая боевого приказа.

Сверху нам хорошо была видна вся картина боя, разго-

ревшего как на шоссе, так и в оврагах по обе стороны. Рубка шла беспощадная, повсюду чернели на земле лошади и люди, группы разъяренных всадников гонялись друг за другом.

Неожиданно справа от нас выскочили из оврага сотни полторы петлюровцев. Во весь дух промчались они мимо батареи, распугав ее прислугу. Но тут вступили в дело комендантская сотня, сотрудники штаба и ординарцы, которых быстро организовал для атаки начальник разведки Е. П. Журавлев. К ним присоединились затем казаки 6-го полка. Из довольно большой группы белых, пытавшихся спастись бегством по шоссе на Могилев-Подольский, только отдельным всадникам удалось уйти от червонных клинков.

Увлеченных боем комендантскую сотню и штабных работников неудержимо втянуло в гущу сражения. Я вдруг обнаружил, что остался при знаменах всего с десятком бойцов, прикомандированных к штабу связными от полков. Чтобы удержать хоть эту охрану, велел никому больше не отлучаться. Предостережение пришлось кстати. Прямо к нашему расположению прискакал пестрый откуда молодой здоровяк офицер в донской форме. Оглядывался он безумно, как затравленный волк. Кто ведает, что могло дальше произойти, если бы один из связных, бросившийся наперерез, не зарубил его клинком.

Постепенно бой стал утихать. Разбитая фроловская бригада, потерявшая свой штандарт (белое полотнище его оказалось выцветшим желто-голубым), как боевая часть перестала существовать. Многие из ее донцов и запорожцев валялись мертвыми. Те, кто скрылся было в серебрянском овраге, попали под огонь пулеметной команды 2-го червонного полка. Однако какая-то часть петлюровцев все же спаслась поспешным бегством.

Вскоре к нашей группе подъехал В. М. Примаков и с ним несколько штабных командиров. Виталий Маркович был очень возбужден, рука его все еще лежала на эфесе шашки, отправленной в пожны, — словно слилась с верным оружием. Поднявшись на бугор, он приложил к глазам бинокль и стал осматривать местность. На дороге, пролежавшей слева, клубилась пыль. Это проходили, по расчетам судя, полки 1-й бригады. Они двигались к перелеску, по другую сторону которого, обращенную к нам, виднелись всадники, явно петлюровцы. Не подозревая об

их скоплении, червонцы 1-й бригады могли попасть под боковой или с тыла удар. Следовало предупредить боевых товарищей. Кто это сделает?..

Резко повернувшись, Примаков посмотрел на меня. Задумался, бросил взгляд вокруг. И, опять обернувшись ко мне, приказал вернуть 1-ю бригаду.

Я с готовностью бросился к коню, вскочил в седло...

Надо же было так случиться, что мою резвую Сильву, прекрасно проявлявшую себя на гонках и скачках, два дня назад, когда дивизия спешно собиралась в поход, кузнецы «заковали», то есть неправильно загнали гвоздь в копыто, и она стала хромать. Взамен дали мне из резерва лежачего одра, привыкшего к строю и никак не желавшего скакать в одиночку. И вот теперь, получив боевое задание, я несколько минут потерял, трогая упряма с места. Кое-как затрусил он рысцой, потом я с трудом перевел его в галоп, а о том, чтобы поднять этого одра в карьер, уж и не мечтал. Вместе с тем мне пужно догнать уходящую все дальше бригаду. Сократить расстояние можно было, если перерезать открытое поле напрямик и пройти близко от опушки леса, на которой показывались петлюровцы. И я рискнул на такой маршрут. Слева от меня по той же дороге, отстав от конных полков, плелись повозки трофейного обоза с боеприпасами. Я находился как раз между обозом и лесной опушкой.

Что будет, если вражеские всадники бросятся наперехват? Мне, пожалуй, не уйти от них. Свернуть под защиту обозной охраны? Но тогда не предупредишь комбрига 1. Да на этом чертовом одре и к обозу не успеешь...

Так размышлял я, погоняя лошадь, которая бежала, а казалось — еле-еле переставляла ноги.

От леса и в самом деле отделилось до десятка конных, быстро двигавшихся ко мне. Это было приближение моей гибели. И я не видел никакого спасительного выхода.

В этот самый момент позади меня, совсем рядом, слышался конский храп и знакомый голос: «Повертывай назад!» Меня обгонял Владимир Кушаков. Его отличная белая лошадь летела как стрела, а сам он в коротком кожаном и летней фуражке почти лежал на лошадиной холке.

Дальнейшее произошло быстрее, чем в кино. Вырвавшись вперед, Кушаков отвлек на себя вражеских всадни-

ков, потом свернул к обозу и туда же потащил за собой петлюровцев. Бывшие при повозках мобилизованные крестьяне, почуяв опасность, разбежались, их неуправляемые лошади ринулись в разные стороны. И в эту вот неразбериху врезались Кушаков и его преследователи. Казаки из охраны обоза, видевшие все происшествие в открытом поле, тут же поспешили на помощь и мгновенно изрубили «черных запорожцев».

Я с поля тоже повернул к обозу, сделав это машинально, словно притягиваемый магнитом, но подъехал туда уже к концу короткой стычки. Вдали на дороге увидел я белого всадника, несущегося вслед конной колонне...

Только поздно вечером, когда штабные работники собрались вместе и располагались на ночлег, я сумел поблагодарить Владимира Антоновича Кушакова за выручку. Он отмахивался рукой: «Чего там!» Из скупых его слов я все-таки понял, как все произошло. Увидев, что на такое срочное дело отправился я на чужом и плохом коне, он предложил комкору заменить меня. А в поле, перегнав моего тихохода, Кушаков умышленно уводил петлюровцев подальше. Сам подвергаясь смертельной опасности, он — настоящий червонец! — без всяких колебаний выручил оказавшегося в беде товарища. Можно ли забыть такого человека? Никогда!

...Наша 2-я бригада, отправившаяся с утра на Могилев-Подольский, с боем заняла этот город, захватила до трехсот пленных, двадцать пулеметов и массу винтовок. К вечеру туда подошла наступавшая с фронта 41-я стрелковая дивизия. Передав ей город и свои трофеи, червонцы 2-й бригады на ночь перешли в село Озаринцы.

Ночью конные разъезды, разосланные по всем ближним дорогам, перехватывали бродячих петлюровцев, собрав их, пеших и на повозках, несколько десятков.

В третий день операции, 13 ноября, дивизия с рассветом выступила на село Попелюхи. Прибыла туда в полдень. Со стороны села Котюжаны (в десяти верстах) слышалась артиллерийская канонада.

Было всего вероятнее, что там вела бой 45-я стрелковая дивизия. Поспешив на помощь ей, червонцы через село Татариска ударили по флангу противника. Это оказалась пехота из дивизии Тютюнника, наиболее опытного из петлюровских военачальников, но и она не выдержала, откатилась к селению Снитково, оставив до ста пленных.

К вечеру у Котюжан скрестили клинки подоспевшая конница белых и кавбригада Г. И. Котовского. Наша 1-я бригада поддержала котовцев, помогла им выиграть бой.

За минувшие три дня положение армии Петлюры стало критическим. Разбитые красными стрелками на фронте и рейдирующими червонцами в тылу, петлюровские части разваливались, бежали куда глаза глядят, много офицеров скрылось в боярской Румынии. Еще бы удар другой — и конец Петлюре. Но отыскался новый помощник в лице царского генерала Перемыкина, войска которого, интернированные в Румынии два с лишним года назад, были брошены на Украину.

14 ноября 8-я Червонно-казацкая дивизия продвинулась в местечко Елтушково, настигнув там обоз и забрав пленных. Последние сообщили, что их «генерал» Тютюнник ранен под Спитково. Вечером 15-го числа, подойдя к селу Женишковцы, красные казаки познакомлись с перемыкинской 1-й Русской дивизией, которая, базирясь на Деражню, расширяла свою зону. Случилось так, что в Женишковцы одновременно вошли дозорная сотня 2-й червонной бригады и белая пехота. Столкнулись они на середине села. После небольшой перестрелки, стоившей нам жизни нескольких бойцов, конная сотня отошла к своей колонне. Наступившая темнота вынудила отложить боевое дело до следующего утра. Чтобы сдержать противника, если он рискнет на ночные действия, был выставлен заслон у переправы через речку Ров у хутора Нетеченского.

Во время ночевки в селе Ходаки штаб разработал план, и утром 16 ноября был отдан приказ частям дивизии: 2-я бригада атакует Женишковцы с юго-запада через Новые Нетеченцы, 1-я идет с юго-востока, пересекая речку по мосту у хутора, 3-я остается резервом штаба, который двигается за 1-й бригадой.

Из показаний пленных, схваченных разведкой близ села Новые Нетеченцы, стало ясно, что перед нами действительно свежий и крепкий противник — три пехотных и три конных полка. Ну что ж, тем больше, значит, мастерства должны проявить червонцы.

К 12 часам 1-я бригада подошла вплотную к Женишковцам, а 2-я завязала бой за Новые Нетеченцы. Из резерва 6-й полк был послан в обход балками, чтобы, скрытно пробравшись, ударить по Женишковцам с северной сторо-

ны. Подобный маневр применил и комбриг 2, направив один дивизион для бокового удара.

К 14 часам дело завершилось: оба селения взяты, захвачено в плен семьсот солдат и немало офицеров, убитых не сосчитали. Пехота Русской дивизии, по-существу, была разгромлена, но конница и артиллерия все же сумели уйти на Михалполь.

Дальнейший свой удар червонцы нацелили на район станции и селения Деражня. По пути, в Шелехово, было пленено двести петлюровцев Черноморского куреня, в Карычинцах — до четырехсот пехотинцев. Сама Деражня взята после горячей схватки к ночи 16 ноября.

В те же дни начала боевые действия 17-я червонно-казацкая дивизия. У города Литин она нанесла поражение петлюровской коннице Яковлева, отбросив ее к западу.

17 ноября 8-я дивизия направилась к селу Волковинцы, что примерно в двадцати верстах юго-восточнее Деражни. Бросок этот, совершенный по указанию штаба 14-й армии, оказался не только не нужным, но и принес вред. На оголенную Деражню прорвалась яковлевская кавалерия, устроила там злодейский погром и захватила бронепоезд.

Ошибку пришлось поспешно исправлять. Утром 18-го числа комкор Примаков приказал 8-й дивизии вернуться в Деражню. К вечеру совместные действия червонцев, бронепоездов и 60-й стрелковой дивизии вынудили потрепанную петлюровскую кавалерию отступить.

В Деражне к 8-й дивизии присоединилась 17-я, и Червонный корпус впервые стал действовать в полном составе. Неотложной целью оставалось — догнать и уничтожить дивизию Яковлева. В погоню наш корпус выступил утром 19 ноября, следуя по дороге на Копачевку. Здесь было установлено, что яковлевская конница двинулась на Проскуров. По ее пятам пошла 17-я дивизия, а 8-я взяла южнее. Прodelав за день немалый путь, червонцы к вечеру вышли на линию Проскуров, Ружична. В занятом 17-й дивизией городе уже не было конницы Яковлева: она ушла на Черный Остров. На следующий день и этот пункт был взят, но Яковлев снова улизнул.

Зато была другая удача. Наши телеграфисты, включившись на всякий случай в провода, неожиданно-негаданно приняли петлюровскую директиву с очень ценными сведениями: всей вражеской коннице — Особой дивизии

Омельяновича-Павленко, дивизии Яковлева и Фроловской бригаде (вернее, остаткам их) — приказывалось сосредоточиться в Войтовцы, Писаревка, Зеленое, чтобы совместно выступить против Червоно-казацкого корпуса.

Получив такое известие, комкор Примаков и начальник штаба Туровский прямо-таки загорелись боевым вдохновением. Тут же связались они с И. П. Уборевичем, вновь принявшим командование над 14-й армией, сообщили о перехваченном приказе и горячо убеждали разрешить Червоному корпусу сразиться со всей конницей Петлюры. Командарм согласился с этим предложением.

В штабе корпуса нам всем пришлось кренко поработать над планом предстоящей операции. Наиболее выгодным казалось, если колонны пойдут не одна за другой, а разными маршрутами. Поэтому для 8-й дивизии было определено движение через селения Большая Бубновка, Гайдайка, для 17-й — через Пахутицы, Купель, Гоноровка. По сути, удар намечался силами лишь 8-й дивизии, а «младшая сестра», идя несколько севернее, должна была обезопасить тыл «старшей».

Про хитрых петлюровцев не скажешь, что они были беспечны. Однако же охранение они выставили с восточной стороны (передовая часть — в селе Зеленое), а червонцы нагрянули с севера, скрытно подойдя возможно ближе к Писаревке. По этому селу, битком набитому кавалерией, сначала ударил из всех десяти пушек артдивизион Зюка. Когда заметались по улице всадники и пачками стали выскакивать в поле, настал черед червоного клинка. Особо хотелось бы отметить за ту атаку героев 6-го полка во главе с его командиром В. Г. Федоренко.

Когда после нескольких часов ожесточенного сражения 8-я дивизия заняла Писаревку и Войтовцы, а затем и другие селения к западу от них, 6-му полку выпала большая честь: он был направлен в Волочиск и влетел туда на конях вместе с котовцами.

Ветеранам Червоного корпуса, думаю, хорошо запомнилось то воскресенье — 21 ноября 1920 года. За один день было взято в плен 2500 солдат и офицеров, захвачено 6 орудий, 70 пулеметов и масса других трофеев. Желто-блакитная конница перестала существовать. Красные казаки сполна рассчитались с петлюровщиной, которая за три года своих бесчинств много крови, слез и горя причинила украинскому трудовому народу.

ДВАДЦАТЬ ПРОТИВ СТА

С червонным казачеством я породнился летом 1921 года. Нашему конному корпусу тогда довелось вместе с другими войсками принять самое деятельное участие в разгроме кулацкого бандитизма на Украине. Сколько их было разных батек, атаманов, а конец всем пришел одинаковый. Вот только один пример. Истребительный отряд во главе с комбригом Петром Григорьевым и комиссаром Александром Сашковым в июле 1921 года в прах разбил крупную банду, отобрал у нее черное знамя, упичтожил всех главарей, за исключением самого Махно, спасшегося бегством.

В тяжелой и длительной борьбе червонцы потеряли славных товарищей. Мы должны помнить их. Это командиры полков черниговец Федор Святогор и кубанец Александр Коротчаев, комиссары полков Куликов и Мазуровский, сотник Федор Сиротенко, командиры полусотен Алексей Косточка и Сергей Ковалевский, молодой казак Саранчук...

Расскажу еще о случае, происшедшем в мае 1922 года.

1-я Червонно-казацья дивизия располагалась в Винницкой области со штабом в районном центре Гайсин. Однажды крестьяне сообщили нам, что в деревне недалеко от Гайсина появилась кулацкая банда Левченко. Она сравнительно долго оперировала на правобережье Украины — грабила кооперативы, убивала партийных и советских активистов, иной раз налетала на мелкие войсковые подразделения. Обилие лесов, поддержка куркулей помогали ей избежать разгрома. Теперь обнаглевшие бандиты словно напоказ объявились в районе расположения червонцев и творят безобразия.

В тот день, когда пришло тревожное сообщение, командир дивизии Демичев и комиссар Ермолов находились в городе Бершад в одной из бригад. Старшими в Гайсине оставались начальник штаба Барон и я, комиссар штаба. Посовещавшись с Михаилом Бароном, мы решили действовать незамедлительно.

При штабе находилось лишь подразделение связистов. Поэтому было дано указание начальнику связи Погорелову направить к нам всех боеспособных красноармейцев на конях. Явилось двадцать казаков. К ним присоединились мой ординарец, один сотрудник местного отдела ГПУ, и с этим маленьким отрядом я выехал к деревне, где произошло чрезвычайное происшествие. Гайсинский чекист хорошо знал местность, повел нас лесными просеками наперерез банде.

Идем, соблюдая максимальную осторожность. Вперед высланы дозорные, осматривающие все вокруг. Вот перед ними большая поляна, на ней около ста бандитов окружили какого-то человека: видимо, хотят расстрелять.

Когда связной от дозора подъехал с этой вестью, я решил спасти обреченного. Приказал своей группе рассыпаться по опушке, за кустами, а сам как можно громче закричал:

— Полк, слушай команду! Сотня на Михалевку, сотня на Киселевку, в атаку — марш, марш!

С двенадцатью строевыми казаками я выскочил на поляну, все выхватили клинки и помчались к банде. Остальные красноармейцы, наши телефонисты и телеграфисты, залегшие на опушке, открыли ружейный огонь.

Скачущие всадники и стрельба ошеломили бандитов. Боясь окружения, они побросали винтовки и устремились в лесную чащу. На поляне осталось пятнадцать подвод с награбленным добром. Спасенный червонцами человек назвался начальником продовольственного отряда.

Через несколько дней я получил ругательную записку. Принес ее наш фуражир, которого бандиты изловили на дороге и отпустили только из-за этого послания. Как оказалось, Левченко очень разгневался, узнав от своих осведомителей, что его банду в сто головорезов на лесной поляне пугнули двадцать казаков, а никакой не полк.

В своей записке кулацкий атаман грозился приехать в Гайсин и пристрелить меня. Ничего из этой угрозы не вышло, так как вскоре вся его банда была ликвидирована.

ФРУНЗЕ Михаил Васильевич (1885—1925). С червонным казачеством был непосредственно связан как командующий всеми войсками Украины и Крыма. Публикуемое приветствие 1-му Червоно-казачьему корпусу впервые было напечатано в харьковской газете «Коммунист» 10 января 1923 г.

ПРИМАКОВ Виталий Маркович (1897—1937). Организатор и бессменный командир червонного казачества до 1924 г. Затем был начальником Высшей кавалерийской школы в Ленинграде, командовал 1-м и 12-м стрелковыми корпусами. Несколько лет работал за границей. В последние годы жизни являлся заместителем командующего войсками Северо-Кавказского и Ленинградского военных округов. Трижды награжден орденом Красного Знамени. Автобиография публикуется по тексту «Военно-исторического журнала» № 12 за 1967 г. Под редакционным заголовком «Славя добуття» даются четыре очерка из серии «Червонцы», впервые напечатанной в сборнике «Альманах с Маяковским» (1934).

ДУБИНСКИЙ Илья Владимирович (р. 1898). В рядах червонного казачества находился с мая 1920 г., был комиссаром 5-го полка, 3-й бригады, командиром 7-го Полтавского полка и комбригом. За участие в разгроме петлюровцев награжден орденом Красного Знамени. Окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Работал в аппарате Совнаркома УССР и ЦК КП(б)У. В 1935 г. командовал танковой бригадой. Писатель. Живет в Киеве.

ЖУРАВЛЕВ Евгений Петрович (р. 1896). Член КПСС с апреля 1919 г. До вступления в червонное казачество командовал партизанским отрядом при подпольном ревкоме Козелецкого уезда. С августа 1919 по август 1924 г. — начальник разведки бригады, дивизии, корпуса червонного казачества, начальник штаба 2-й Черниговской дивизии. В 1935 г. окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны командовал механизированным корпусом, был начальником штаба Калининского фронта, командующим армией. Генерал-лейтенант в отставке. Живет в Москве.

КУЛИК Иван Юлианович (1897—1941). Член партии с 1914 г. Перед революцией несколько лет находился в эмиграции. В 1917 г. избирался членом Всеукраинского ЦИК, был заместителем народного секретаря по национальным делам. Участник гражданской войны. Затем — на партийной, советской, издательской работе. В 30-е годы — председатель писательской организации Украины.

ПРИМАЛЕННЫЙ А. Родился в г. Лохвица на Полтавщине, там же вступил в боевой отряд, который вошел в червонное казачество. Участник боев против немцев на Украине и красновских частей на Дону весной 1918 г. Других сведений не сохранилось.

БЕЛОКУРОВ Аверьян Афанасьевич (р. 1900). В ряды червонцев пришел летом 1918 г. Рядовым бойцом участвовал во многих боях и походах. Живет в Жданове, Донецкой области.

ВИТОШКИН Алексей Дмитриевич (р. 1898). Сразу после Октябрьской революции вступил в Красную гвардию. В червонном казачестве служил с октября 1918 г. Член партии с января 1921 г. В период гражданской войны был старшиной сотни. С мая 1935 г. — командир полка. В августе 1941 г. назначен командиром 374-й стрелковой дивизии, с которой два года воевал на Волховском фронте. Генерал-майор в отставке. Живет в Москве.

ШМИДТ Дмитрий Аркадьевич (1896—1937). В юности был слесарем, кнпомехаником, работал на постройке моста близ г. Николаева, где вступил в РСДРП(б). После Февральской революции входил от большевиков в выборные органы 5-й армии. В начале 1918 г. — член ревкома г. Прилуки. Активный организатор партизанского движения на Украине. Осенью 1919 г. командовал стрелковой дивизией на паричинском участке. Дважды награжден орденом Красного Знамени. С весны 1921 г. — начальник 2-й Черниговской дивизии. В 30-х годах командовал Отдельной танковой бригадой. Избирался членом Всеукраинского ЦИК.

МАСЛАК Прохор Андреевич (1896—1967). В черпониом казачестве с осени 1918 г., рядовой боец, затем фельдшер. После демобилизации в 1921 г. был председателем Совета села Малая Загородка, председателем народного суда Плисецкого района. Окончил рабфак в Киеве, Нежпнский педагогический институт. Длительное время работал учителем в селе Омбыш на Черниговщине.

МЕДЯНСКИЙ Михаил Сергеевич (1899—1965). Член партии с марта 1917 г. В червонном казачестве командовал артиллерийской батареей, полком, служил в штабе соединения. С 1923 г. — в военной авиации, прошел путь от летчика до командира бригады. В 1946—1951 гг. — командир авиагруппы Министерства геологии.

ТОПОРЕЦ Степан Васильевич (р. 1898). В червонном казачестве служил с октября 1919 по декабрь 1925 г. бойцом, командиром взвода и старшиной сотни. Во время Великой Отечественной войны командовал взводом в 8-м казачьем полку 1-го гвардейского кавкорпуса. Живет в Львове.

ТОЛОКОЛЬНИКОВ Григорий Абрамович (р. 1902). 16-летним вступил в комсомол. Член партии с 1926 г. Во время гражданской войны был красноармейцем, командиром взвода 1-го кавполка 42-й стрелковой дивизии. В червонном казачестве служил в 1924—1925 гг. политруком пулеметного эскадрона. Участник Великой Отечественной войны. Полковник в отставке. Живет в Москве.

ГУРИН Роман Авраамович (р. 1895). Летом 1918 г. был командиром партизанского отряда на Черниговщине. Член партии с февраля 1919 г. С приходом Красной Армии работал в Козелецком уездном ревкоме. В червонном казачестве — с августа 1919 г. комиссаром 1-й артбатареи, затем военкомом 2-й бригады. Окончил рабфак, институты народного хозяйства и технологический. С 1961 г. на пенсии. Живет в Харькове.

ЛАЦЕ Карл Иосифович (р. 1897). Сын батрака. 13-летним подростком поступил на завод «Ланга» в Риге учеником токаря.

Во время первой мировой войны эвакуировался в Мариуполь, более двух лет работал на производстве артснарядов. С декабря 1917 г. красногвардеец Черноморского отряда. В червонном казачестве с апреля 1918 г., командир взвода артиллерии. После 1923 г. учился на рабфаке и курсах счетов работников, почти 30 лет трудился на кооперативных предприятиях, в финансовых организациях. С 1959 г. на пенсии. Живет в Харькове.

ДУДНИКОВ Григорий Павлович (р. 1896). Член КПСС с 1925 г. Командир отделения 3-го Кубанского полка. Затем в составе батальона Украинской ЧК участвовал в ликвидации кулацких банд. Учился в Луганском рабфаке. Работал кочегаром, машинистом паровоза. Был на советской и партийной работе. С 1960 г. на пенсии. Живет в Днепродзержинске.

ТРЕЛЬМАН Михаил Юрьевич (р. 1898). Из эстонских батраков. С 15 лет — ученик слесаря на Охтенском пороховом заводе в Петрограде. После Октября служил в рабочем отряде, в конной разведке Эстонской стрелковой дивизии. Зимой 1919 г. на орловском участке фронта стал червонным казаком второй сотни 1-го полка, прослужил до лета 1922 г. Затем работал шофером, автомехаником. Живет в Медвежьегорске, Карельской АССР.

ИВАНИНА Савва Макарович (р. 1897). За участие в первой русской революции был сослан в Сибирь. Член партии с 1919 г. В червонном казачестве служил с августа 1919 г. комиссаром артбатареи, 1-го полка, 3-й бригады. Затем работал в Козелецком уездном исполкоме, был директором конного завода. В годы Великой Отечественной войны — капитан инженерных войск. Живет в Киеве.

ПЕТРОВСКИЙ Евгений Иванович (1896—1938). Происходит из семьи народного учителя. Будучи студентом в Москве, вступил в 1917 г. в ряды РСДРП (б). Участвовал в подпольной работе на Черниговщине. После ухода немцев избран членом губкома партии, председателем уездного ревкома. Комиссар Червонной дивизии, командир бригады. Окончил Военно-воздушную академию имени И. Е. Жуковского. Работал в авиамоторном институте.

ЛОГИНОВ Николай Алексеевич (1900—1967). Уроженец д. Воронино, Ржевского района, Калининской области. Окончил в возрасте неполных 18 лет Петроградские командные курсы. Летом 1919 г. принят в партию. Командир взвода, помощник командира Алатырского кавполка. Награжден орденом Красного Знамени. После демобилизации (1929) окончил Промышленную академию. С 1938 г. на ответственной партийной работе: второй секретарь Курского областного комитета, первый секретарь Тамбовского обкома, первый секретарь Щербаковского РК КПСС Москвы.

ХАРЧЕНКО Николай Матвеевич (р. 1898). Крестьянин-кубанец. Унтер-офицер старой армии. Красногвардеец в отряде В. И. Киквидзе. Участвовал в боях на Кубани, в Терской области, под Астраханью. Осенью 1918 г. в результате измены главкома Сорокина попал со своей частью в децикинский плен. После

неудачной попытки бежать был отправлен в стрелковый батальон, который по прибытии на фронт присоединился к красным. В червонном казачестве служил с 1919 г. командиром взвода. В 1920 г. стал членом партии. Награжден орденом Красной Звезды. Полковник в отставке. Живет в Львове.

ДАВИДСОН Самуил Абрамович (р. 1897). Службу в рядах Красной Армии начал в феврале 1918 г. адъютантом начальника Киевского гарнизона. Осенью переведен в авиацию, в декабре 1918 г. вступил в партию, был комиссаром авиагруппы. В червонном казачестве служил пять лет — инструктором политотдела, редактором газеты. Последние 40 лет посвятил кинематографии. Живет в Киеве.

ФЕДОТОВА-ЧАСОВСКАЯ Мария Александровна. Профессиональная актриса. С лета 1919 г. стала играть в красноармейском театре червонного казачества. Член КПСС. Заслуженная артистка УССР. Живет в Львове.

СИЗОНЕНКО Григорий Васильевич (1898—1967). Юношей-комсомольцем участвовал в боевых действиях червонцев на польском фронте. В последние годы жил в Ахтырке, Сумской области.

САЗЫКИН Георгий Павлович (р. 1901). Питерский красногвардеец. Член партии с марта 1918 г. В червонном казачестве с февраля 1920 по июнь 1924 г. Был председателем партийки третьей сотни 6-го полка, военкомом 3-го полка, командиром сотни. Окончил академию железнодорожного транспорта. Работал управляющим строительным трестом. Живет в Ленинграде.

ЛОЗОВСКИЙ Сергей Леонидович (р. 1892). Член КПСС с октября 1917 г. Участник Октябрьских боев в Москве. С 1-м Московским отрядом Красной гвардии воевал против немецких оккупантов на Украине. В червонном казачестве — командир артиллерийской батареи. Награжден орденом Красного Знамени. После гражданской войны служил в органах ВЧК — ОГПУ. Был на партийной работе. Персональный пенсионер. Живет в Москве.

ЧАЙКИН Виталий Иванович (р. 1897). Член КПСС с 1920 г. Участник партизанской борьбы в Крыму. Службу в червонном казачестве начал в мае 1920 г. библиотекарем, вырос до помощника начальника разведки корпуса. В сентябре 1923 г. откомандирован в авиацию, с которой связана вся его дальнейшая военная служба. В годы Великой Отечественной войны занимал ряд высших должностей в ВВС Волховского и Юго-Западного фронтов. Полковник в отставке. Живет в Львове.

ЕВЛАМПИЕВ Петр Семёнович (р. 1897). Член КПСС с февраля 1919 г. Учитель. Служил в Чапаевской дивизии комиссаром полка. В червонном казачестве — военком штаба 1-й Запорожской дивизии. Окончил Высшую кавалерийскую школу. Был на ответственной работе в партийных и советских организациях. Персональный пенсионер. Живет в Москве.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
М. В. Фрунае. Привет червонцам	3
В. М. Примаков. Страницы жизни и борьбы	5
И. В. Дубинский. Красный витязь	16
Е. П. Журавлев. Не померкнет никогда	21
И. Ю. Кулик. Перший курінь	52
А. Прималепный. Партизаны	56
А. А. Белокуров. Бой у села Воробьевка	69
А. Д. Витошкин. Зима, весна, лето девятнадцатого	76
Д. А. Шмидт. Станция Хролин	96
П. А. Маслак. Защищая край родной	106
М. С. Медянский. Решающее сражение	114
С. В. Топорец. Конец «святой роты»	140
Г. А. Толокольников. Пакет Примакову	142
Р. А. Гурин. Рейд на Поньри, Фатеж	144
К. И. Лаце. Латыши среди казаков	151
Г. П. Дудников. В Кубанской бригаде	155
М. Ю. Трельман. Слово о друге	168
С. М. Иванина. Комиссарские заботы	171
Е. И. Петровский. У крымских ворот	183
Н. А. Логинов. Идем на запад	190
Н. М. Харченко. Налет на Ярмолинцы	204
С. А. Давидсон. Газета в походе	207
М. А. Федотова-Часовская. Сцена п фронт	211
В. М. Примаков. Слави добувати...	213
Г. В. Сизоненко. Запасный дивизион	225
Г. П. Сазыкин. Одна ночь в Стрые	229
С. Л. Лозовский. Слушая голос Ильича	236
В. И. Чайкин. Последние схватки	239
П. С. Евлампиев. Двадцать против ста	250
Краткие сведения об авторах	252

ЧЕРВОННОЕ КАЗАЧЕСТВО

Воспоминания ветеранов
 Редактор Ф. А. Садчиков
 литературный редактор М. А. Жохов
 Художественный редактор А. М. Голикова
 Художник В. В. Васильев
 Технический редактор М. Н. Каленова
 Корректор Г. С. Корнеева

Г-63544. Сдано в набор 2.9.63 г. Подписано в печать 26.3.69 . . .
 Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8. (Усл. печ. л. 13,24) + 1 вкл. — п. л. ¹/₁₆, усл. п. л. . . .
 — 0,103. Уч.-изд. л. 13,975
 Бумага типографская № 1 Тираж 65 000 экз.
 Изд. № 3/7575 Цена 63 коп. Зак. 440

Ордена Трудового Красного Знамени
 Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
 1-я типография Воениздата
 Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3